

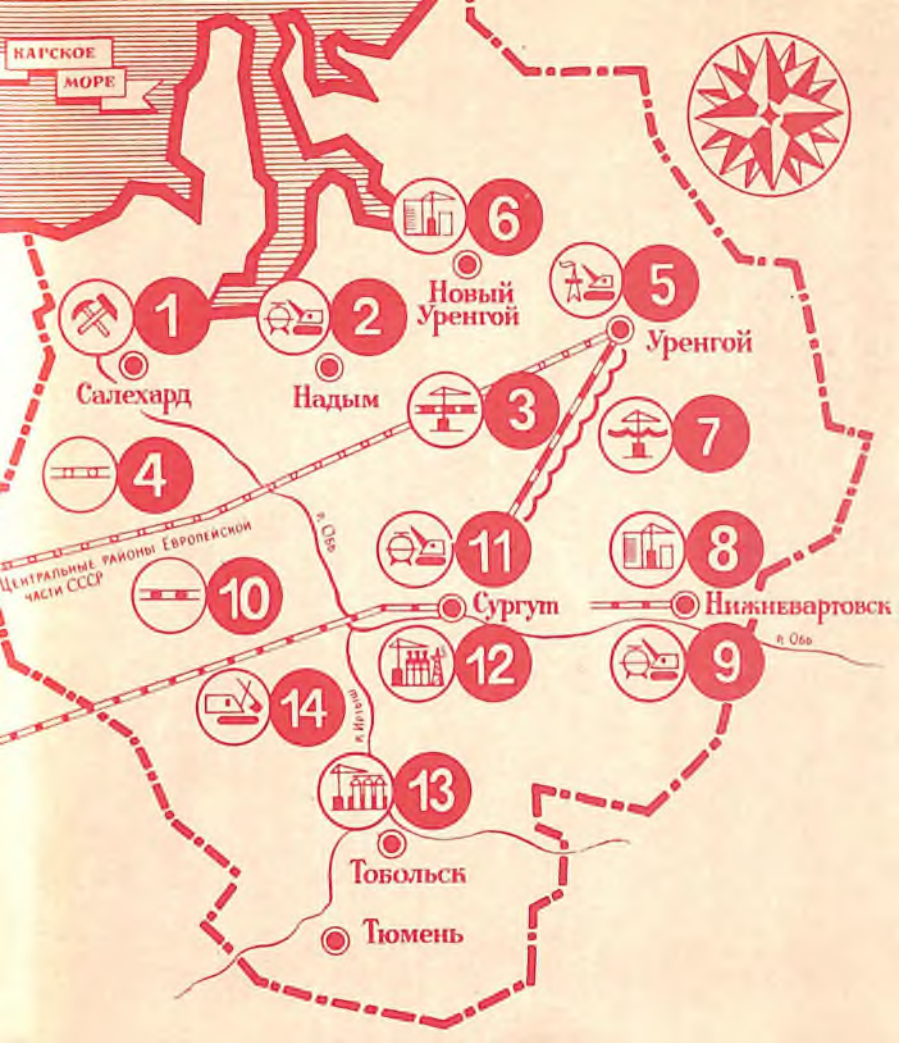
ЗЕМЛЯ МОЛОДОСТИ

**Всесоюзные ударные комсомольские стройки
Тюменской области**

Комплекс геологоразведочных работ в Ямало-Ненецком автономном округе	8. Строительство города Нижневартовска
Обустройство газовых месторождений Надымского района	9. Обустройство нефтяных месторождений Нижневартовского района
Строительство железной дороги Сургут — Уренгой	10. Строительство системы магистральных нефтепроводов
Сооружение системы магистральных газопроводов	11. Обустройство нефтяных месторождений Сургутского района
Обустройство Уренгойского газоконденсатного месторождения	12. Строительство Сургутской ГРЭС
Строительство города Нового Уренгоя	13. Строительство Тобольского нефтехимического комбината
ЛЭП-500 Сургут — Уренгой	14. Мелиорация земель в пойме реки Оби

КАРСКОЕ
МОРЕ

Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

В. Маяковский
«Хорошо!»
Октябрьская поэма

Книга выходит во Всероссийской серии
«Так закаляется сталь»

ЗЕМЛЯ МОЛОДОСТИ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1983

Эта книга — своеобразный путеводитель по всесоюзным ударным комсомольским стройкам Тюменской области.

Каждую изстроек представляют ее ветераны, люди, внесшие свой вклад в освоение богатств Западной Сибири. В очерках, репортажах, интервью, написанных журналистами, рассказывается о буднях и праздниках, нерешенных проблемах и победах создателей важнейшего топливно-энергетического комплекса страны.

Книга адресована молодым людям, тем, кто мечтает проверить себя в трудном деле на суровой земле, переживающей сейчас вторую молодость. Будущие участники всесоюзных ударных комсомольскихстроек найдут в сборнике ответы на интересующие их вопросы, познакомятся с условиями труда и быта строителей.

Составитель Р. С. Гольдберг.

Рецензент С. В. Харитонов, секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ.

Владимир Погребной,
первый секретарь
Тюменского обкома ВЛКСМ

Ударная номер один

Дорогой товарищ, ты раскрыл книгу, рассказывающую о все-союзных ударных комсомольских стройках Тюменской области, одного из главных районов, где решается судьба дальнейшего развития экономики нашей страны.

История социалистического строительства в СССР знает немало ярких примеров индустриального преобразования некогда отсталых районов. Но даже на этом фоне стремительный взлет экономики, который за последние три пятилетки произошел в Тюменской области, можно считать исключительным.

Благодаря вниманию и помощи Центрального Комитета КПСС, правительства, активному участию партийных организаций многих республик и областей, самоотверженному труду рабочих, инженерно-технических работников, комсомольцев и молодежи, в суровых северных условиях создан высокоэффективный комплекс. Он дает сейчас значительную часть добываемой в стране нефти и газа.

На обширных просторах Обского Севера, на территории в полтора миллиона квадратных километров, развернулась гигантская стройка. Здесь сооружены мощные современные нефтяные

и газовые промыслы, возведены города и рабочие поселки, проложены тысячи километров железных дорог и магистральных трубопроводов.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии было подчеркнуто: «Индустриальное освоение новых регионов важно и в социальном, и в политическом планах. Возникающие там производственные коллективы несут с собой высокую культуру труда и быта, новый, современный ритм жизни. В летопись героических свершений советских людей вписывается еще одна яркая глава».

Об особом значении тюменских строек говорится в решениях XIX съезда ВЛКСМ. Около пяти лет успешно осуществляется комплексная программа участия комсомольских организаций страны в развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

Эта программа предусматривает организацию общественного призыва, шефство над заказами для Тюмени, улучшение условий труда и быта молодежи, усиление идейно-политической, культурно-массовой и спортивной работы, организационно-политическое укрепление комсомольских организаций.

С момента принятия комплексной программы в область в составе всесоюзных ударных комсомольских отрядов прибыли более 40 тысяч юношей и девушек. Из бойцов этих отрядов сформированы строительные коллективы Сургутского домостроительного комбината, Надымского и Нижневартовского заводов крупнопанельного домостроения, треста Уренгойгазстрой, созданы сотни комсомольско-молодежных бригад.

Выступая на слете молодых передовиков производства, боец отряда «Молодогвардеец» штукатур-маляр Ольга Тихоленкова, прибывшая из Владимирской области, сказала: «Приятно вспом-

нить наши первые трудовые победы, первые дома, возведенные нашими руками, первые успехи в социалистическом соревновании с прославленными бригадами. Мы полюбили сибирский край и навсегда останемся в Сургуте».

Наверное, нигде так быстро не растут люди, как на наших таежных стройках. Рядовой строитель — бригадир — начальник участка — руководитель строительного подразделения — сколько примеров такого стремительного профессионального взлета! Молодые растут здесь как специалисты. Растут как личности. Если есть в тебе закваска настоящего бойца, сама атмосфера дерзновенного творчества заставит тебя расти.

Стремление принять участие в строительстве нефтегазового комплекса зовет в Тюменскую область юношей и девушек со всех концов страны. Комсомольцы едут сюда на постоянное жительство. Сибирь, которую они осваивают, становится для них домом. По числу свадеб наши молодые города и поселки лидируют в СССР. В молодых семьях растут дети. Папа приехал с Дальнего Востока, у мамы — комсомольская путевка, выданная горкомом комсомола где-нибудь на Украине. А сынишка у них — коренной сибиряк...

Вот только один пример. За четыре года ударный отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ вырос на сто человек. Ровно сто ребятишек родилось за это время в молодых семьях, где либо папа боец ударного отряда, либо мама, а чаще всего и тот, и другой.

Сибирь — дом. Не временное жилье, палатка, а дом. В многоэтажных красавцах домах Надыма, Нового Уренгоя и Нижневартовска живут молодые хозяева Севера. Было время — мы отставали со строительством объектов соцкультбыта. Сейчас разрыв сокращается.

Когда я пишу эти строки, во многих спортивных залах, кинотеат-

рах, библиотеках еще хозяйничают строители. А когда эта книга выйдет из печати, они уже будут построены.

А сколько у нас студентов! Нет, не тех, что летом приезжают со строительными отрядами, а своих, рабочих парней, которые по вечерам, после смены идут в вузовские аудитории. Тюменский индустриальный имени Ленинского комсомола институт — полноправный участник большой нашей стройки. Его филиалы работают далеко на Тюменском Севере.

Если вы приедете сюда, Сибирь станет для вас школой. Вы узнаете, на что способны, вы откроете самих себя, как это уже сделали те тысячи молодых людей, чьи тюменские судьбы удивительны и достойны подражания. За два десятилетия с начала разработки месторождений много юношей и девушек награждены орденами и медалями, десятки стали лауреатами премии Ленинского комсомола. Только в последние годы этой премии были удостоены наряду с делегатом трех комсомольских съездов буровым мастером Владимиром Глебовым и депутатом Верховного Совета СССР бригадиром плотников Павлом Баряевым депутат Верховного Совета РСФСР, член Тюменского обкома ВЛКСМ бригадир слесарей Сергей Кайгородов, делегаты XIX съезда комсомола строитель Вячеслав Танкеев, оператор добычи газа Александр Соха, геолог Виталий Авилов.

Сегодня на смену первооткрывателям приходят их сыновья и дочери. Новому поколению первопроходцев работа предстоит еще более захватывающая, еще более ответственная. На XXVI съезде КПСС было подчеркнуто, что добычу нефти и газа в Западной Сибири, их транспортировку в европейскую часть страны предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы одиннадцатой, да и двенадцатой, пятилетки.

С полным пониманием значимости своего дела трудятся наши

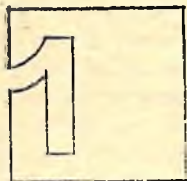
передовики, инициаторы областного соревнования комсомольско-молодежные коллективы буровых бригад Владимира Глебова и Владимира Денисенко, Юнеса Абушаева и Федора Крылова, бригады капитального ремонта скважин Михаила Кудрича, цеха по добыче нефти и газа Юрия Урядова, оперативно-производственных служб Виктора Губина и Владимира Демина.

С каждым днем в трудовое соперничество включаются новые участники. Молодые буровики развернули соревнование за достижение наивысшей проходки. Трубопроводчики стремятся сократить сроки прокладки новых газовых и нефтяных магистралей. Строители наращивают темпы и качество возведения новых производственных мощностей, объектов жилья и соцкультбыта. Свой вклад в общее дело вносят молодые авиаторы, железнодорожники, автомобилисты, работники сельского хозяйства. Дальнейшее форсированное развитие нефтегазового комплекса стало главным направлением деятельности областной комсомольской организации, награжденной орденом Трудового Красного Знамени.

Сегодня, когда еще раз вчитываешься в строки рапортов комсомольцев и молодежи области, направленных в адрес XXVI съезда КПСС, XIX съезда ВЛКСМ, с новой силой охватывает гордость за парней и девчат, которые работают на наших всесоюзных ударных комсомольских стройках, которые стали силой и славой нашего территориально-производственного комплекса.

Ударной стройкой номер один называют Тюменскую область комсомольцы страны. Наша область стала землей молодости, землей, на которой тысячи молодых строят свою судьбу, строят себя.

Комплекс геологоразведочных работ в Ямало-Ненецком автономном округе

Адрес:
г. Салехард, пл. Ленина,
окружной комитет
комсомола,
штаб ЦК ВЛКСМ

**Ударную стройку
представляет**
лауреат Ленинской премии
генеральный директор объединения
Ямалнефтегазгеология

**Василий Тихонович
Подшибякин**

— Нам, геологам первого тюменского призыва, просто повезло: судьба подарила нам право быть первооткрывателями тех нефтяных и газовых месторождений, которые стали событием века. Но я бы не стал утверждать однозначно, что нам повезло больше, чем тем, кто идет нам на смену, новому поколению геологоразведчиков. Мне думается, что открыта лишь самая верхушка того нефтегазового «айсберга», который природа спрятала в

стылых недрах Тюменского Севера. Прикиньте только масштабы: наши нефтеразведчики ведут поиск на огромной территории — 250 тысяч квадратных километров мы считаем своим полем деятельности. Изученность недр по сравнению с европейскими районами страны у нас очень мала. Практически не затронуты глубины больше трех километров. А почему бы не верить ученым-оптимистам (а именно человек такого склада особенно нужен и особенно ценен в нашем деле), которые считают, что в этих горизонтах спрятаны новые Самотлоры и Уренгой? Да и поиск вширь совсем еще не исчерпал себя. Мы плохо знаем полуострова Ямал и Гыдан. Я, выражаясь языком сказок, сказал бы так: подобран ключ только к первой горнице огромной подземной кладовой, а другие ключи еще искать да искать.

Мы считали себя северными нефтеразведчиками. Тот, кто сегодня начинает свой рабочий путь, может по праву причислить себя к разведке арктической, потому что именно в Арктике сегодня концентрируется поиск, именно здесь мы видим свои главные перспективы.

Анатолий Омельчук

Вкус победы

То лето для здешних высоких широт выдалось необычно жарким: тлели ягельники, густое марево нависло над испаряющимися болотами, бесновался комар. Душная эта жара делала людей

вялыми, они двигались медленно и быстро уставали. Кто мог заметить в этом белесом мареве бесцветную искру? Что-то замкнуло в топливной центробежке. Уже через минуту красные языки пламени ползли по черным бокам емкости-стокубовки с соляжкой.

Пожар заметил бурильщик, но он не мог покинуть свое место у тормоза: шел спуск бурового инструмента на глубину почти два километра.

— Зови ребят! — мотнул он головой своему помощнику.

Высокий парень выбежал на настил и истошным, срывающимся на визг голосом заорал:

— Пожар!

А от балков уже бежали отдыхающие от вахты помбуры, дизелисты и верховые. Только повариха прилипла к стенке котлопункта, расширенными глазами наблюдая, как черный столб дыма поднимается над базой горюче-смазочных материалов.

Бригадная «сотка» стояла под парами. Тракторист дернул рычаги, трактор крутнулся на месте, рванув промазученную землю, и пополз в сторону горячей емкости. Рядом с ней находились еще две стокубовки, между которыми были проложены аккуратные мостики. Доски были пропитаны соляжкой и могли стать идеальным бикфордовым шнуром.

Трактор тормознул метрах в двадцати от емкости, водитель встал на гусеницу и, завороченно глядя в огонь, что-то бормотал.

Дизелист Эдик Каркозов выскочил из балка в одном сапоге. Наверное, в спешке не мог отыскать второй бахил. Он увидел, как остановился трактор, как нерешительно топтался на гусенице водитель и бросился к «сотке». Добежав до машины, Эдик сдернул сопротивляющегося тракториста с гусеницы и влез в кабину.

Трактор подпрыгнул и рванулся вперед. Следом за трактором бежал бурильщик Саня Колосов.

— Что они делают? — ойкнула повариха.

— Все правильно,— пояснил только что вывалившийся из своего балка пожилой турбинист.— Подцепят и в тундру увезут. Емкость-то на санях.

— Ой, рванет же, дядя Гена.

— Да уж, наверное, сейчас не рванет,— успокоил рассудительный турбинист.— Ровно горит. Хорошо, что соляра много было.

— Чего же хорошего? — возмутилась повариха.— Сколько горючего сгорит.

— Это правда,— согласился с ней турбинист.— Но чтобы взрыва не было, лучше, если бак полный.

Колосов тем временем, заслоняясь от искр, прикручивал трос на санное водило. Эдик осторожно тронул рычаги, но емкость не стронулась с места.

— Ой,— снова заперезживала впечатлительная повариха.— Она же тяжелая!

— Нет, он все по правилам,— возразил бывалый буровик.— Надо осторожненько.

Наконец сани с емкостью-факелом, ломая мостки, двинулись вперед.

— Ну, Эдик! — с какой-то гордостью произнес пожилой турбинист.

Авилова на буровой не было, он догуливал в отпуске последние деньки, и, когда вернулся в «поле», все бригадные разговоры сводились к одному — как удалось избежать большого пожара.

— Эдик? — не поверил Виталий.— Каркозов?

— Каркозов, Каркозов,— поддакивал турбинист Кузьмин.— Его работа. А что, не ожидал?

— Не ожидал,— признался бурмастер.

С Каркозовым у него были сложные отношения, как, навер-

ное, у всех мастеров, в бригадах которых работал Эдик. А по долгу он нигде не задерживался. Нельзя сказать, что этот тридцатилетний парень был обычным сачком. Но работал Эдик с какой-то большой душевной неохотой, и репутация за ним закрепилась незавидная: «Если Эдик взялся за дело — работы не будет». Он эту репутацию исправить не пытался, а буровые мастера — не самые большие дипломаты и знатоки деликатного лексикона — костерили его на чем свет стоит.

Искал ли к нему особый подход Виталий или это произошло само собой? Наверное, само собой. Так уж получилось, что в бригаде мастер Авиллов оказался самым молодым и орать на людей старше себя просто не мог. У него был лишь один выход — говорить с людьми на равных, так как его должностное положение уравнивалось возрастом собеседника.

Наверное, этот позабытый тон оказался столь неожиданным для Каркозова, что в Эдике проснулась подзабытая профессиональная гордость. Он оставался после вахты, возился с дизелями, а перед самым отпуском задал вдруг вопрос, который Виталия ошарашил:

— Может, мне в поселок не лететь, здесь остаться, пока движок переберем?

Вопрос простой был, рабочий. Но кто его задавал? Эдик!

— Парень-то он неплохой, — продолжал Кузьмин. — Ему бы пора уже и на турбиниста поучиться.

— А что, — встрепенулся Авиллов, — дельная мысль.

Виталий Авиллов — самый молодой буровой мастер в прославленном поисковом главке — Главтюменьгеология. В 22 года принять бригаду нефтеразведчиков — может, такого прецедента и во всей истории главка не сыщешь. Хороший это титул — «самый молодой», но ведь молодость для бурового мастера — не достоин-

ство. Требуется на это место человек поживший, сложившийся, основательный, главное — с опытом. Ведь это только слово одно — «мастер», а обязанностей сколько! В полярной тундре затерян крохотный поселочек буровой, и для жителей его бурмастер — все. Он должен обеспечить проходчикам сносный быт и производительную работу. И каким же докой, предусмотрительным и запасливым нужно быть, чтобы обеспечивать автономную жизнь маленького коллектива!

Но так уж складывались обстоятельства, что недавнему выпускнику нефтепромыслового факультета Грозненского нефтяного института Виталию Авилову доверили эту ответственную должность — мастер. Бригадир Никишкин, суровый и немногословный человек, у которого Виталий ходил в помощниках, уходил в отпуск, как пишут в заявлениях, «с последующим увольнением». И остался Виталий за начальника. Не успели товарищи помахать прощально старому мастеру, как на скважине произошла авария. Шел отбор керна — образцов глубинных горных пород, когда приборы показали, что лопнула бурильная труба. Потом экспертиза покажет, что вины бригады в аварии нет, инструмент был старый, слабенький, незаметные, микронных размеров трещины по мелкой резьбе легкосплавных труб «раскрылись». Но от того, что потом напишут мудрые эксперты, было не легче. Авилов побежал в балок бурильщика Беренды:

— Володя, выручай, без твоей помощи не обойдемся.

Бурильщик недовольно хмыкнул, но оделся. Следом за ним пришел свободный от вахты Иван Карпенко. Может, им и хотелось этак отстраненно понаблюдать за страданиями юного начальника, но этот «пацан» так близко принимал все к сердцу, что не помочь ему было бы просто не по-мужски.

Трубы рвались еще два раза, Авилов дневал и ночевал на

буровой, и в запавших от недосыпа его глазах, конечно же, не было и признака начальственной спеси. Виталий так был занят каждодневными проблемами, что, когда был пробурен последний проектный метр, подводя итоги, не поверил себе. Оказывается, Р-71-ю пробурили с ускорением.

Прилетел за окончательным расчетом Никишкин, тоже не поверил, но посмотрел вахтовки — хмыкнул: «Все по уму». А когда его спросили, кого оставляет на замену, ответил, не думая: «Авилова».

— Зелен еще.

— Обтешется.

Видимо, в качестве компенсации, старый мастер забрал с собой в летающую экспедицию, в которую он переходил, опытных Беренду и Карпенко и, предугадывая возражения, сказал Виталию:

— Так заведено. У каждого мастера своя гвардия есть. Ты тоже со временем заведешь людей, которые за тобой в огонь и в воду.

Когда его вызвали в контору и сказали о назначении мастером, Виталий активно запротестовал. Бывалый кадровик его успокоил:

— Это временно. Найдем хорошего бурмастера — заменим.

Но вот уже шесть глубоких скважин пробурила бригада Авилова, а о замене и речи нет. Первый свой самостоятельный год комсомольско-молодежный коллектив закончил в середине — четвертое место и с начала и с конца экспедиционной сводки, но зато набурил больше десяти тысяч метров горных пород — рубеж, до которого дотягивают еще редкие бригады, работающие на Крайнем Севере. Следующий год авиловские парни начинали в лидерах, и хотя продержались недолго, но почувствовали вкус

победы. Рождалось бригадное честолюбие — несомненный залог будущих рекордов.

В день ленинской годовщины Виталий узнал, что стал лауреатом премии Ленинского комсомола в области производства. Его поздравляли, а он все не верил, что не произошло ошибки.

Буровиков иногда путают с испытателями скважин, в газетах иной раз мелькнет заметка, что буровая бригада такого-то получила фонтан. Буровики лишь звено в геологоразведочном поиске, у них четкая задача качественно пробурить разведочный ствол (который они фамильярно именуют «дыркой»), и хорошо, если сделают это досрочно, или, как они говорят, с ускорением. Только потом придет специальная бригада — испытателей, она проведет опробование пробуренной скважины и, если прячется под землей нефтяной или газовый джин, получит фонтан. У буровиков же главный показатель — метр проходки.

Но только совершенно заскорюзлый, равнодушнейший буровик живет этими метрами. Он работает на открытия.

Бригаду Авилова отправляли на новую Западно-Тазовскую структуру. Точка была дальняя, переезд по тундровым болотам и речушкам сложным, но ехали туда с хорошим настроением — всегда бывает так, когда на новой структуре забуривается первая скважина. И бурилась скважина лихо, без осложнений, хотелось верить, что такая счастливая судьба бывает у «первенца» — скважины-первооткрывательницы. Но пришли на нее испытатели и от радных новостей не сообщили: ствол оказался пустым. Были пробурены для проверки еще скважины, но так месторождения и не получилось — не фонтаны, а слабые притоки говорили о скудных, непромышленных залежах природного газа.

Зато события на Р-66-й разворачивались по самому дурному сценарию. Не успели пройти первые сотни метров, как обломи-

лась стальная труба. Опыт, как доставать рваный бурильный инструмент, у бригады уже был — надо было поднимать трубы. И в этот момент на фонаре, на самом верху буровой вышки, рассыпался ролик кран-блока: поднимать стало нечем. Двойной спаренный ролик весит почти тонну, вышкостроители монтируют его на земле. Но выхода не было — оставленный в земле инструмент могло прихватить навечно.

— Надо попробовать,— предложил Саня Колосов,— что-нибудь да придумаем. Заказывай на базу ролик — будем менять на верхотуре.

Виталий передал на базу заявку. Там быстро оценили ситуацию — через четыре часа на буровой приземлился вертолет.

Виталий бегал по непривычно притихшей буровой, и одна мысль терзала его: «Неужели прихват?» Если прихват — то это надолго.

Рваную трубу успели все-таки вытащить, но и потом бурение шло не без помех.

Бригада перешла уже на другую скважину, новые проблемы и неудачи заслонили неприятности на 66-й. Виталий сидел на рации и по привычке — чтобы быть в курсе дел — слушал, что сообщают из других бригад. Наверное, где-то в небесных верхах метались магнитные бури, прохождение было плохое, голоса коллег-мастеров то уплывали, то слышались четко.

Глуховатый голос мастера Мыльцева он узнал сразу. Это мыльцевская бригада проводила комплекс испытаний на злополучной Р-66-й.

— Из интервала,— диктовал на базу Мыльцев, голос его куда-то исчез, и Виталий крутнул тумблер настройки. Мыльцевский голос раздался четко, как будто рядом: — ...получен фонтан нефти, дебит на штуцере...

Не дослушав, Авилов рванулся к выходу:

— Парни! — орал он, бегая меж балков.— На нашей скважине нефть! На шестьдесят шестой Мыльцев нефть получил!

...Мы встретились с Виталием, когда он ехал на XIX съезд ВЛКСМ. Не узнать было в этом симпатичном, улыбчивом парне (модный галстук, вельветовый пиджак в мелкий рубчик) нахмуренного бурмастера в обляпанной буровым раствором робе, каким я его видел как-то в Газ-Сале. Событий приятных ему выпало в последнее время немало, но он был озабочен: через неделю нужно было выезжать в Москву на сессию в Губкинский институт его помощнику Ворончаку, бригада оставалась одна, а на очередной скважине нужно спускать эксплуатационную колонну — ответственнейшее дело. Но в озабоченности Виталия уже проскальзывало спокойствие: он верил, что ребята справятся и без него.

Обустройство газовых месторождений Надымского района

Адрес:
Ямало-Ненецкий
автономный
округ, г. Надым,
горком комсомола,
штаб ЦК ВЛКСМ

Ударную стройку представляет

лауреат Ленинской премии
генеральный директор объединения
Сибкомплектмонтаж

**Валерий Александрович
Аронов**

— Еще в середине шестидесятых годов многим участникам освоения Тюменского Севера стало ясно: сюда нельзя механически переносить опыт, накопленный в других районах страны. Малопродуктивный ручной труд здесь себя не оправдывает.

В одиннадцатой пятилетке блочно-комплектным методом ежегодно сооружается производственный комплекс, равный по стоимости КамАЗу.

По-прежнему главным полигоном для применения новой ме-

тодики остается Тюменское Заполярье, огромные пространства междуречья Таза и нижней Оби. Здесь развернуты мощные подразделения Сибкомплентмонтажа, в основном молодежные. Пополнение их идет за счет демобилизованных пограничников и бойцов всесоюзных ударных отрядов. Летающие бригады молодых монтажников смело нарушают границы «своей» стройки, приходят на помощь другим ударным. На одной компрессорной станции, на трассе газопровода могут бок о бок работать и тюменские, и надымские монтажники. Широта маневра характерна для нашей мобильной технологии.

В Основных направлениях развития советской экономики на период до 1990 года газу Западной Сибири отведена особая роль. И покорители высоких широт, молодые строители Заполярья по-прежнему на переднем крае освоения, а их опорная база — Надым и в восьмидесятые годы остается важнейшим форпостом ударных комсомольских отрядов.

Александр Швирикас

Газовая Мангазея

1

Сияние Севера

Большая часть территории Ямало-Ненецкого автономного округа простирается в междуречье Оби и Таза, которыми еще во времена Бориса Годунова хаживали в Мангазею кочи удалых людей. Мангазея была богата пушниной и, по утверждению лето-

писцев, «кипела золотом». Название звучит загадочно. Что оно означает? Анатолий Шевкопляс узнал переводы названий большинства географических достопримечательностей ненецкой земли, и только насчет Мангазеи никто из коренных жителей не дал ему правдоподобного объяснения. Поэтому он принял за основу свою версию о происхождении странного северного топонима...

...Прежде чем поделиться открытием, Шевкопляс повез меня по Медвежьему. Почему этот участок Ямальской лесотундры так окрестили, объяснить не сложно. Глухомань, оторванность от дорог, зверье в приплюснутых близостью Арктики лесах. Чем не медвежий угол? Мы тряслись в кабине вездехода. Белесоватый конус света вклинивался в бесформенный мрак. Час, другой пробырались по зимнику, утомленные однообразием полярного пейзажа. И вдруг все разом ожило. В небе, в северной его части, возникли яркие и вместе с тем холодные пучки света. Разноцветные сосульки обламывались, истончались, таяли на глазах, а на их месте стремительно вырастали новые. Тягач остановился. Я поспешно вышел и не отрываясь глядел на игру зеленого и фиолетового, на трепетание и всплески, обманные переливы.

— Сполохи,— объяснил Анатолий Феоктистович.— Ребятам нравится работать в сезон полярных сияний.

Он повел рукой в другую сторону. В феерии полярной ночи точными, геометрически резкими очертаниями высился распределительный пункт: бликующие алюминиевые коробки основных корпусов, длинные трубы котельной, цилиндры резервуаров, шеренги холодильных установок. Завод в лесотундре возник из небытия под цветомузыку сияния. Прямо под нашими ногами в толще вечной мерзлоты плескался газовый океан Медвежьего, одного из месторождений, принесших Ямалу новую славу. Газоперерабатывающие заводы и в средней полосе возводили около

двух лет, а на Крайнем Севере ввод девяти крупных комплексов мог бы растянуться на десятилетия. Мог бы!

— Мои ребята пробежались по всему Медвежьему до самой «девятки», — заметил бригадир спокойно, ничуть не рисуясь, а я припомнил слова американского журнала «Тайм», сказанные, когда Шевкопляс начинал «пробежку»: «Сибирь обещает многое, но пока это лишь обещания, гигантская территория еще не обуздана. Будущее Сибири далеко не ясно».

Анатолий Шевкопляс — один из тех, кто заставил заокеанских пророков умолкнуть. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года записано: «Повышенными темпами развивать нефтедобывающую промышленность в районах Западной Сибири, в Казахской ССР и на севере европейской части страны, быстрее вводить в промышленную разработку новые нефтяные месторождения на базе широкого применения индустриальных методов строительства и использования блочно-комплектного оборудования высокой заводской готовности...»

Блочно-комплектный, или, проще, блочный, метод строительства пробудил Медвежье. В Заполярье был поставлен уникальный технический эксперимент, и одним из первоиспытателей нового метода стал коммунист Анатолий Шевкопляс.

2

Полярный меридиан

Впервые Виктор Капустин почувствовал, что кислородное голодание — не досужая выдумка. Он остановился, машинально стянул шапку. Ветер с Обской губы моментально охватил корой мок-

рые волосы. Поезд тяжелых тракторов по-прежнему шел на северо-восток, весь узкий зимник загромоздили неказистые металлические ящики. Капустин вместе с Анатолием Шевкоплясом сопровождал караван из Надыма в Пангоды, и впереди у них еще около сотни километров по лесотундре. Тракторы тянули на пределе, с дымком: в каждом блоке не менее пятидесяти тонн. Шевкопляр и Виктор мелкой трусцой бежали впереди колонны, Капустин передавал команды Анатолия Феокистовича правой группе машин. Шевкопляр мельком взглянул на инженера, тут же заставил надеть шапку. Он силком втолкнул напарника в кабину. Теперь Виктор через подернутое легкой изморозью стекло смотрел, как размеренно бежит впереди человек в короткой куртке и меховых сапогах, обставивший его без видимого напряжения.

Водитель сочувственно оглядел Виктора и бросил, перекрывая голосом шум двигателя:

— Ты с Феокистычем тягаться не спеши. Ему что Красноярский, что Красноярский край — все одно. И в Арктике этой как рыба в воде. Одно слово: природный монтажник.

Шевкопляр действительно родом с Кубани, но успел поработать на монтаже нефтехимических предприятий в Башкирии, Омске и даже побывал в зарубежной командировке у самого экватора.

Анатолий Феокистович не был старшим в этом рискованном переходе. В одной из машин, сонный от соляровой духоты, ехал бригадир. В первый день пути он попытался командовать, но быстро сорвал голос на сыром ветру и теперь угрюмо ожидал прибытия. Незавидная роль сопровождающего его не очень устраивала.

А Анатолий Шевкопляр, два-три часа подремав, снова и снова выскакивал на мороз, чтобы сменить другого звеньевого —

Кобеньяка. Соединенные витыми тросами, тракторы уходили все дальше от базы. Очередную ночевку сделали на подходе к реке Хетта, там, где строители железной дороги оставили с пятидесятих годов деревянный мостик.

Часа четыре стоял на взгорке «караван-сарай», как острые на язык ребята назвали свой походный бивак. Металлические бока блоков оплавил отсветы костра, возле которого собрался большой совет. В том, что мост ненадежен, никто не сомневался. Капустин невольно ужаснулся, глядя на хлипкое деревянное сооружение. Он разделял мнение Шевкопляса и Кобеньяка: лучше обойти мост, потеряв на этом денек-другой, чем безрассудно рисковать. Виктор уже прикидывал, сколько времени понадобится, чтобы пробить обход, но тут надтреснутым басом бригадир вмешался в ход ночного собрания.

— Не так страшен чертов мост, как его малюют.. Чего мы кисли от страха? По машинам, хлопцы!

Он задел самую отзывчивую струну водителей. Опасливое отношение к предстоящей переправе сменилось наигранной бравадой.

Анатолий Феоктистович напомнил, что они вольны рисковать машинами, но не грузом. Один удар — и блок рассыплется, как карточный домик.

— Мы себя подставляем под удар,— с неожиданным пафосом оборвал его старшой.

Шевкоплясу пришлось подчиниться. Головной трактор заскрежетал нутром, подталкивая блок к мосту. Визгливый звук полозьев изменился. Анатолий Феоктистович снова очутился впереди, на пальцах разъясняя водителю, как ведет себя груз. Блок двигался невыносимо медленно по огражденному хлипкими перильцами мосту, чуть не задевая боками выцветшие столбики. Он благопо-

лучно одолел три пролета. Капустин облегченно вздохнул... И тут произошло непонятное. Стальной ящик начал топорщиться, забуксовал трактор. Шевкопляс, уже пересекший заветную черту, выкинул перед собой руки крестом и опрометью бросился к машине. Остальные поспешили к месту происшествия. Несколько досок в последнем пролете, не выдержав многотонной тяжести, обломались, и в это окошко угодила корма. Подвешенный над пропастью блок держался чудом. Если продавит еще несколько досок, центр тяжести переместится в провисшую часть, и пятидесятитонный амбар нырнет в проем. Гора винтов и труб, асбоцементное крошево, вскрытые ударом лепестки котла — все, что останется от блока. Бригадир сразу увидел, что вызволить блок не удастся, даже если подключить все имеющиеся тракторы.

— Все,— глухо сказал старшой.— Руби трос, ребята!

Виктор похолодел.

— Я... я не позволю! — странно изменившимся голосом закричал он. Медлили и водители.

— Что за разговорчики? — повел бровью бригадир.— Или ни разу не служили?

Напоминание подействовало. Вот бывший пограничник Иван Дробот идет за кувалдой, чтобы выбить клин из задвижки. Вот двое других готовят монтажные ломы. Но тут за спиной Капустина раздается баритон Анатолия Феоктистовича:

— Инженер прав. Надо спасать котел...

Капустин воспрянул духом. Шевкопляс имел влияние на монтажников.

— И ты поперек батьки спешишь, звеньевой? — едко сказал бригадир.— Слава моя спать не дает?

— Спать не дает мне дело,— не повышая голоса, отвел обвинение Шевкопляс.

Анатолий Феоктистович понимал: своими силами блок не вытянуть. Но ведь рядышком проходит трасса строящегося газопровода. Надо идти за подмогой, а блок держать, дополнительно обвязав тросами.

— «Рядышком»! — коротко хохотнул бригадир.— Вот и иди с Кобеняком на поиски.

— Нет, он пусть останется на страховке, а я пойду с инженером,— раскусил Шевкопляс тактический ход старшого.

...Двое с небольшим запасом тушенки и банкой растворимого кофе пошли по хрусткому насту. Виктор, оглядываясь, видел приподнятый бок котла и темные жгуты дыма от костерка. Деревья здесь невысоки, стояли наособицу, не встречалось и непроходимых завалов. Около двух часов прошло, пока расположились на привал. Холодная испарина выступила на теле Виктора, страшно хотелось пить. Шевкопляс растопил в банке из-под компота пузырчатый лед, наколотый охотничьим ножом.

— Кофий в постель,— озорно подмигнул Капустину.

Придерживая горячую банку руками, Капустин с каждым глотком обретал утраченные силы.

— Стоило ли блоки на барже везти, чтобы в одночасье ухлопать! — досадливо поморщился он.— Зря затеяли эксперимент, не нужны здесь, видно, инженерные тонкости, нужна надежная сила да привычка...

— В мороз, Виктор, и монтажный ломик можно о колено сломать, а это не особо изящная вещьца,— усмехнулся звеньевой.— Так что вопрос в другом. Не стоит на шальном ветру гайки крутить, в пургу ювелирные швы варить, если можно все это сделать в цехе, где автоматы с газводичкой.

Неожиданно он посерьезнел.

— Я много где поработал, инженер, и понял, что к мелкой

работе привычка не нужна. Отвыкать пора от нее на Севере. Вот почему этим котлом так дорожу.— Он решительно поднялся.— Вытянем блок из беды.

Еще через час они вошли к обвалованным снегом вагончикам, возле которых стояли три апельсиновых «кэтерпиллера» с отполированными до синевы гусеницами. Ввалились в купе, где сидели сварщики и механизаторы. Притихли трассовики, поглядывая на пешеходов, столь неожиданных в февральской тундре. Выслушав сбивчивые объяснения Капустина, молоденький прораб не знал, что отвечать. Не слишком ли много хотят пришельцы? Рисковать машинами ради какого-то котла? Никто не поглядит по головке за такое рыцарство. Он уже подыскивал предлог поучтивей, чтобы отказать чужакам, но тут заговорил гость постарше.

Он звал спасать не «амбар» в полсотни тонн, а принцип, который только что родился на тюменской земле и нуждался в защите. Новому надо пробивать дорогу, и кто-то должен идти на риск!

Прораб колебался, и на остреньком лице его легко читались противоречивые чувства.

— Не дрейфь, Борис Анатольевич,— поднялся грузный тракторист.— Мы в самоволку уйдем!

Остальные водители заулыбались.

— Ну, нет, Парменович...— раздельно и почти весело проговорил прораб.— Я приказываю тебе возглавить эту петрушку. Слышишь, приказываю!

Он тоже сделал свой выбор.

...Через три дня многострадальный блок в целости был доставлен на площадку. Тундровый марафон и монтаж заняли двадцать восемь суток вместо двадцати шести месяцев, отведенных нормами на строительство капитальных котельных. После пуска

объекта ребят оставили на монтаже основного корпуса установки. Бригаду аттестовали на звание комсомольской. Прежний бригадир, поняв, что эти блоки-кубики надолго, взял расчет. Старшим ребята в один голос назвали Анатолия Феокистовича. Первый блочный газосборный пункт стал местом рождения бригады Шевкопляса. На Выставке достижений народного хозяйства СССР этот объект удостоен пяти золотых, десяти серебряных и тридцати одной бронзовой медали. Такой обильный «урожай» идея блочности собрала еще на старте. А через год коллектив первого в стране комсомольско-молодежного треста стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

3

Начни с высоты

С легкой руки начальника участка Юрия Владимировича Харитоновича Шевкопляса стали звать «бригадир Мало». Получая на очередной разрядке задание, Шевкопляс тщательно записывал его в блокнотик и неизменно произносил:

— Трошки подбавьте.

— Ну, включите тогда еще обвязку воздухопроводов,— прикинув, предлагал Юрий Владимирович.— Если, конечно, успеете.

— Должны успеть. А еще что?

— Можете переходить на третий котел, там история долгая. Надеюсь, теперь хватит.

— Маловато,— невозмутимо отвечал бригадир.— Ну да не тревожьтесь, сидеть сложа руки не станем.

Такие собеседования каждый вечер велись и на монтаже нового газосборного пункта. Технологическую «начинку» корпусов

весом более двух тысяч тонн на экспериментальном заводе расфасовали в полторы сотни блоков и, не дожидаясь навигации, стали перебрасывать на самолетах. Воздушный мост Тюмень — Надым действовал всю зиму. Блоки монтировали в рекордные сроки. Необходимо было доказать, что и авиавариант выгоден строителям. Безотлучно находился на площадке управляющий трестом Игорь Александрович Шаповалов.

В штабной вагончик постучали.

— Вызывали? — добродушно прогудел казавшийся огромным в лоснящемся полушубке и мохнатой шапке бригадир.— Освобо-дился ненадолго, сейчас у нас перерыв.

Было что-то около полуночи.

Шаповалов по-своему отреагировал на сообщение:

— Люди должны отдыхать. Вам необходим заряд по крайней мере на два месяца, пока не кончится эта карусель!

— А зачем нам два месяца здесь куковать? Мы через три недели домой собрались,— возразил Шевкопляс.

— Как домой? — забеспокоился управляющий.— На вас сейчас вся страна смотрит. Министр прежде всего сводку с Медвежьего берет в руки. Промысловики ждут установку, как чуда. Неужели повернете домой?!

— Непременно,— упорствовал Шевкопляс.— Мы в аккурат через двадцать дней управимся!

Штабисты переглянулись. Под сомнением был и двухмесячный срок, а медлительный бригадир спокойно докладывает, что пуск состоится через три недели. Чтобы развеять сомнения, Шевкопляс изложил график. Он разбил бригаду на несколько звеньев. Звено коммуниста Анатолия Кобеньяка занято обвязкой трубопроводов, Александра Дубровского — навеской панелей, комсомолец Александр Жалнин отвечает за монтаж котла. Каждое из этих

звеньев только наживляет крепеж, а по их следам идут ребята Владимира Жбанова и Ивана Осадчука и ведут «политику закручивания гаек». Четкая специализация, строгое распределение обязанностей. Энергия не тратится впустую, вся идет в дело. Шевкопляс заторопился к хлопцам, а помощник начальника штаба Виктор Капустин вдруг спохватился:

— Сделаете за три недели — всем дополнительно премию.

Анатолий Феоктистович не высказал особой радости.

— На заработки пока не в обиде,— сказал он суховато.— Лучше проследите, чтобы блоки без задержки подвозили. Иначе все расчетики аврал под себя подомнет!

Когда бригадир вышел, Виктор досадливо прищелкнул пальцами.

— И дернуло меня про премию ввернуть. Обиделся он крепко. Бригада о себе высокого понятия!

...И вот новая встреча. Анатолий Феоктистович улетал на монтажную площадку, и я напомнил ему, что так и не узнал его личной версии происхождения названия «Мангазея».

Шевкопляс улыбнулся:

— Все очень просто. В словечке этом богатство северной земли зашифровано. Ман-ГАЗ-ея,— выделил он голосом найденный им секрет.

Я не стал спорить, потому что этот человек, который прошел Медвежье от «нуля до девятки», готовился в новый тундровый десант на Ямбургское месторождение, от которого до газовой Мангазеи рукой подать.

Строительство железной дороги Сургут — Уренгой

Адрес:
г. Тюмень, ул. Герцена, 72,
штаб ЦК ВЛКСМ

Ударную стройку представляет

делегат XV съезда ВЛКСМ
главный инженер производственного
строительно-монтажного
объединения
Тюменьстройпуть

**Олег Михайлович
Шапошник**

— В этой книге вы прочтете о том, как строятся на Тюменском Севере города, как здесь добывается нефть, сооружаются трубопроводы и электростанции на попутном газе...

Но для того чтобы сделать и то, и другое, и третье, сюда необходимо привезти людей, оборудование, строительные материалы.

До 1966 года огромная Тюменская область, самая большая в

стране, лишь краешком соприкасалась с Транссибирской магистралью на юге, да на севере к ее границам робко подходили две стальные колеи. В том 1966 году наш коллектив закончил строительство трассы мужества Абакан — Тайшет в Саянских горах и прибыл в Тюмень. Через болота и топи строительно-монтажные поезда Тюменьстройпути проложили стальную колею. Сегодня то, что сделано здесь транспортными строителями, можно, говорят, увидеть даже из космоса. И я этому верю — полторы тысячи километров дороги по диагонали пересекли почти всю Тюменскую область, прошли через Тобольск, Сургут, Нижневартовск, Уренгой. Все основные районы промышленного освоения имеют теперь надежную связь с Большой землей.

Маленькие станции стали крупными поселками и даже городами. А сколько наш 25-тысячный коллектив построил за эти годы речных и воздушных портов, Дворцов культуры и жилья!

Рельсы все дальше уходят к Полярному кругу, а темпы строительства железной дороги с каждым годом возрастают. Это говорит о растущей нашей мощи.

Десятая пятилетка нашего объединения была посвящена сооружению 600-километровой линии Сургут — Уренгой, одной из самых северных в стране железных дорог.

Одиннадцатая пятилетка — трассы Уренгойского энергетического района. Это — Заполярье, это — вечная мерзлота, это — 40—50-градусные морозы зимой и мошкара летом. Однако нет таких трудностей и сложностей, которые были бы не по плечу транспортным строителям.

Особенность нашего коллектива — его качественный состав. Образно говоря, это сплав молодости и опыта. Наряду с ветеранами транспортного строительства здесь трудятся посланцы Ленинского комсомола Украины, Белоруссии, Молдавии, других со-

юзных республик и областей нашей страны. Да и наши ветераны — это тоже посланцы комсомола 50—60-х годов. И все они живут и трудятся под девизом: «Мы строим дорогу — дорога строит нас».

Взгляните на карту Севера — вы увидите огромное белое пространство.

Заполярье. Его еще предстоит нам с вами обустроить, обживать, вести сюда новые дороги.

Рафаэль Гольдберг

Обратный отсчет

До будущей станции Уренгой оставалось уложить рельсы на считанных километрах. До финиша десятой пятилетки, программа которой наметила открыть рабочее движение поездов от нефтяной Оби к уренгойскому газу, оставались считанные дни. Пять дней — до первого рабочего поезда... Оставалось пять дней...

Пять...

— Сургут. Сургут. Сургут, — терпеливо и спокойно, как умеют только связисты, повторял Челтыгмашев в дырчатый «пяточок» полевого телефона. Сургут не отзывался.

— Сургут. Сургут. Сургут... Отвечайте Уренгою, — размеренно повторял Челтыгмашев.

Молчал Сургут. Я представил себе, как вдоль уходящей назад, на юг, трассы, погрузившейся в полярную ночь, летят импульсы радиосигналов. Летят над Тарко-Сале, над Пурпе, над Ханымеем,

над станцией Ноябрьской, над другими станциями и разъездами новой железной дороги. Летят над поселками, которых совсем недавно не было и на земле, и на карте. Летят, чтобы донести коротенькую информацию о том, что сделано на огромной, растянувшейся на добрых шесть сотен километров стройке еще за один день.

Эта информация лежала передо мной: несколько фраз, несколько цифр — все, что я привез из многочасовой поездки по перепаханному тяжелой техникой зимнику. Ничего необычного, если не считать, что уложенные за эти сутки километры были практически последними. До станции Уренгой, до 575-го километра, осталось несколько десятков пикетов.

— Сургут... Сургут... Сургут... — звучно и размеренно говорил Челтыгмашев, начальник связи стройки.

До вечернего выпуска известий Тюменского радио еще полтора часа. Можно успеть передать в эфир эти четыре или пять фраз, которые крупными буквами написаны на странице моего блокнота. Хорошо в тепле. Можно снять полушубок и чувствовать, как ласковые теплые волны проникают в меховые сапоги, под толстый свитер. А на улице — стылый мрак. Ведь мы уже почти у самого Полярного круга.

Подумать только — рельсы у ворот Уренгоя! Непостижимо...

Если бы я своими глазами не видел, как путеукладчик кладет их звено за звеном на окаменевшую насыпь, если бы не слышал промороженного звона путейских молотков и хриплого, сорванного голоса Паши Борща, звеньевого из бригады монтеров пути Героя Социалистического Труда Виктора Молозина! Но я и сейчас, кажется, слышу, как он отрывисто и устало кричит:

— Майнуй! — И еще одно звено, качнувшись, со скрипом ложится на насыпь.

— Майнуй! — Еще одно.

— Майнуй! — И еще...

Почему-то мне вспомнилось, как ровно пять лет назад мы придумывали новогодний номер нашей областной молодежной газеты и на самом видном месте поместили «Репортаж из будущего». Не очень далекого будущего. Пять лет назад мы писали о сегодняшнем вечере, о том, что бригада Молозина укладывает последние рельсы перед станцией Уренгой.

Не знаю, как это получилось, но мы угадали. Детали? Ну, мы не предвидели, что за пятилетие Виктор Васильевич Молозин станет Героем Социалистического Труда, что с отличием закончит техникум, что именно его бригада начнет новую трассу от Сургута на Уренгой, о которой в то время только ходили предположения. Главное совпало. Если вы мне не верите, возьмите номер газеты «Тюменский комсомолец» за 1 января 1976 года и убедитесь сами.

Я хочу рассказать это Челтыгмашеву, но он упрямо долбит в эфир:

— Сургут... Сургут... Сургут.

И вдруг обрадованно:

— Сургут? Кто? Таня, Челтыгмашев говорит. Быстренько дай Тюмень. И пусть никто не подключается. Информация для радио...

Он сует мне маленькую, словно обгрызенную, трубку полевого телефона. Она обжигает ладонь.

— Тюмень! — я называю номер телефона редакции последних известий. Телефон отвечает мгновенно.

— Не кричи, — трогает меня за плечо Челтыгмашев. — Спокойно говори. Лучше слышно будет.

И я начинаю диктовать:

— Сообщает корреспондентский пункт на строительстве железной дороги Сургут — Уренгой. Сегодня путейцы строительно-монтажного поезда № 522 подошли к мосту на 565-м километре. Укладку теперь сдерживают только мосты. До входных стрелок станции Уренгой осталось ровно десять километров...

Четыре...

— Долго ты еще? — В дверь протискивается Владимир Волчок. На радиостанции нас и так трое — телефонистка Люда, Геннадий Николаевич Челтыгмашев и я. Волчку войти некуда. Да и незачем. Он зашел за мной, пора ехать на трассу, на укладку.

— Поехали. Ужин для ребят стынет.

Пять лет назад, когда мы познакомились с Волчком, он был монтером пути и комсоргом в этой самой бригаде Молозина, здесь же стал лауреатом премии Ленинского комсомола, одним из первых в Тюменской области, недавно избран председателем стройкома поезда.

За дверью, у ног Володи, — исходящий ароматным паром бакчок с ужином для молозинцев. Еле втискиваем его в кабину грузовика, влезает сами, водитель ставит громадный валенок на акселератор, и «Урал», скрипнув колесами по снегу, уходит в темноту. Туманная, морозная декабрьская приполярная ночь глотает нас.

Узкая полоска зимника, разбитый в пыль снег, резкие повороты — свет фар на миг теряет колею и повисает в воздухе, растворяется в мертвой, застывшей тундре. Колеса сами, без помощи водителя, держатся в глубокой колее, с хрустом перемалывая снег. Лобовое стекло буквально на глазах обмерзает ледком...

И вдруг в самом центре стекла вспыхивает дрожащая звездочка. Потом она распадается на три огонька. Они покачиваются перед нами в черноте ночи. Убаюкивают...

...Железнодорожный мост. Сразу за ним высокая насыпь. Белый-белый песок, как в фильме «Белое солнце пустыни». Безлюдье. На песке — угольно-черные шпалы и рельсы.

Вертолет, который высадил нас на крохотном пятачке — старой площадке, улетел, и тогда мы услышали вдалеке гулкие удары. Увязая в песке, пошли на звук. За поворотом открылись цепочка вагонов и фигурки людей. Бригада Виктора Васильевича Молозина вела выправку пути.

Солнце плавится в небе. Белый песок слепит глаза. Три десятка парней работают на насыпи, слаженно повинаясь скупым командам бригадира.

— Чуть! — И стальное полотно, многотонное, бесконечное, невесомо скользит по насыпи.

— Вперед! — Бригада, подобрав ломы, занимает новую позицию.

— Чуть! — И следующее звено «становится на ось» трассы, рельсы вытягиваются в две прямые струны. Тяжелейшая эта работа делается красиво. Делается без малейшего напряжения, легко, даже изящно. У парней атлетические фигуры. Белозубые улыбки. Каждое движение скупое и пластичное, потому что отработано за те годы, что эта бригада идет от Тюмени к Уренгюю.

У бригады масса титулов. Официальных и неофициальных. Из неофициальных чаще всего употребляется вот этот — десантники. И в самом деле: чуть где на стройке заминка, как на ближайшем к этой заминке разъезде появляется разношерстный состав, словно из фильмов о гражданской войне. В составе пе-

ремешаны теплушки и классные вагоны, на одной платформе — баня, на другой — электростанция, на третьей — столовая, дальше — емкость с дизтопливом. Так было на станции Коголымской, так было под Ханымеем, так было в Пурпе и еще в десятке мест, где требовались люди, которые могут сделать чуть-чуть больше, чем остальные.

Однажды в очень снежную и очень морозную зиму прямо на перегоне сел вертолет. Из вертолета вышли двое, одетые не по-таежному.

Молозинская бригада, не дождавшись в который раз бульдозера, лопатами расчищала от глубокого снега насыпь перед путеукладчиком.

Гости представились:

— Секретарь ЦК ВЛКСМ Пастухов.

— Секретарь Тюменского обкома комсомола Чеботарев.

— Это хорошо, что вы прилетели! — сразу отозвался на смешливый голос. — Нам сегодня рабочие руки вот как нужны! Свободные лопатки найдутся. — И чуть помягче добавил: — А то замерзнете в ваших спецовках.

Снег с насыпи так и полетел в обе стороны. Вскоре и от гостей повалил пар. А хозяева — те давно работали в распахнутых телогрейках.

Прощаясь, Борис Николаевич Пастухов сказал:

— Таковую бы бригаду Павке Корчагину, когда он строил узкоколейку в Боярке...

Шесть или семь бригад монтеров пути, сменяя друг друга, вели трассу к Уренгою. Но молозинцы среди них на особом положении: 17 апреля 1976 года на Ленинском субботнике эта бригада построила самый первый километр новой дороги.

...Три мерцающих в ночи огонька окончательно разъедини-

лись. Один оказался прожектором, укрепленным на стреле путеукладчика. Второй — фарой-искателем сопровождающего бригаду грузовика. А третий — фонарем тепловоза, который только что привез новые платформы со звеньями и сейчас уходил в ночь, на разъезд Ямсовей.

Я сказал: тепловоз уходил в ночь... Шел только четвертый час пополудни, но здесь, у самого Полярного круга, была густая морозная ночь, нас окружал смерзшийся воздух, который, казалось, надо было не вдыхать, а откусывать. Ребята, которые шли сейчас рядом с путеукладчиком, ничуть не напоминали тех красавцев, тех атлетов, с которыми я когда-то познакомился в белых июньских песках где-то далеко на юге. Низко нахлобученные ушанки. Промазученные телогрейки и полушубки в едких пятнах креозота. Толстые стеганые штаны. Огромные — последних мыслимых размеров — валенки...

Только почерк, рабочий почерк, стиль бригады оставался прежним. То же немногословное управление. То же знание каждым своего маневра. Та же скупая четкость в движениях и та же стремительность... Все как в хоккейной команде экстра-класса, играющей в свою игру. И те же белые вспышки улыбок на почерневших от мороза и усталости лицах.

— Майнуй! — коротко бросал Паша Борщ, звеньева. Он заменял бригадира Молозина, делегата областной партийной конференции, вчера улетевшего в Тюмень. У Паши короткая черная борода, опушенная инеем. Сосульки усов на секунду вздрагивают:

— Майнуй! — Двадцатипятиметровое звено юзом скользит по насыпи. Стеклянно звучат удары металла о металл.

— Чуть! — Звено встает точно по оси трассы. Еще на 25 метров ближе к Уренгою. Потом еще двадцать пять. Потом еще.

Один сцеп, штабель из семи звеньев, разложен по насыпи. Лебедка цепляет второй и подтягивает его к путеукладчику. И вдруг — выстрел!

Лопнул трос. Свиваясь в кольца, он взрывает снежный сугроб. Работа стала. И сразу будто мороз прибавил. Кто-то громко свистит. Володя Молозин, сын бригадира, в сердцах швыряет под ноги тяжелую стальную «лапу», которой он вытаскивал костыль из шпалы. Паша Борщ и Юра Земцов, не теряя ни минуты, тащат через сугробы обрывки троса и начинают их связывать в узел. Мешают меховые рукавицы. Паша аккуратно прячет их за отворот ватника и в одних тонких перчатках заправляет в узел пряди лопнувшего троса.

И снова поползла к Уренгю белая звездочка прожектора.

...Какая теплая рукоятка у этого полевого телефона. Как печка! Диктую:

— ...Несмотря на глубокую полярную ночь темпы строительства не ослабевают. Работа ведется при свете прожекторов, фар тракторов и автомобилей. С каждым часом сокращается расстояние между идущими навстречу друг другу бригадами монтеров пути.

Три...

— Замеряй! — говорит Донадзе шоферу. — Сколько от путеукладчика до моста? Четыреста метров? И звеньев у путейцев тоже на четыреста? Значит, не задержим. Не задержим укладку. — Донадзе улыбается.

Валерий Александрович Донадзе — начальник мостоотряда № 93. Все мосты северного плеча трассы — его мосты. Сейчас до Уренгоя не смонтировано только два моста. И вот всю ночь

на маленьком «уазике» мы мотаемся от 569-го километра к 573-му, потом обратно. Особенно сложно — обратно. На морозе у нашей машины, как говорит шофер Саша, «отпала задняя скорость». И потому мы можем ехать только вперед, а развернуться на достаточно большой площадке.. Вот так и ездим с риском навсегда остаться в сугробе.

Донадзе нервничает, однако держит это глубоко в себе и разговаривать предпочитает о делах отвлеченных. О родном городе Гагры. О том, как его звали туда начальником дорожно-строительного управления и как он съездил, посмотрел на будущее поле деятельности.

— Ну и?

— Э! — досадливо восклицает Донадзе.— Масштабы — не те. Морозы — не те. Люди — и те не те... В общем, я тогда работал в Сургуте, попросил назначение еще севернее...

Тут он замолчал, вышел из машины. Стал — руки в карманах полушубка, полушубок распахнут, свисает длинный вязаный шарф. Лицо начальника мостоотряда поднято к небу, на котором медленно проступают крупные предутренние звезды. Но Донадзе смотрит не на звезды, а на бригадира-монтажника, который стоит вверху на южном устое моста и, плавно поводя рукавицей, подает знаки крановщику. Пролет будущего моста висит над ним, снижается и наконец замирает на месте. Монтажник наверху достает из кармана обыкновенный портновский сантиметр и тщательно замеряет между панелями. Снова меряет. Как будто ни ночь, ни мороз его не касаются. Что-то ему не нравится, он скидывает руку. Многотонный пролет легко всплывает вверх. Потом опускается снова. Опять кропотливая «примерка». И вот я вижу: монтажник повернулся к нам и скрестил кисти рук.

— Порядок.— Донадзе улыбается и, словно только что за-

метив, застегивает полушубок.—Поехали на 569-й. Володя! — говорит он водителю тяжелого КраЗа, который только что привез на прицепе пролет.—Поезжай спать, Володя. Сколько ты не спал, двое суток, да? Свое дело ты сделал, Володя.— И добавляет специально для меня: — Владимир Бруснецов, один из лучших водителей девяносто третьего мостоотряда.

Бруснецов отворачивает лицо от яркого света прожекторов и недовольно говорит:

— Вы спали не больше моего, Валерий Александрович, вы-то что же?

— А я свое дело еще не сделал,— грустно отвечает Донадзе и садится в машину.

У моста на 569-м километре тот же мертвенно-белый свет прожекторов. Те же алмазные искры инея на бетонных устоях и на поднятом в небо пролете. Те же неторопливые, даже замедленные, движения монтажников. Стрелки часов подсказывают, что близится утро. И путеукладчик совсем уже близко.

— У мостовика, считается, особо опасная работа,— предупреждает мой вопрос Донадзе.— Очень ответственная. Даже я, начальник отряда, не имею права его торопить. Он сам знает, как ему работать.

— Кто он?

— Анатолий Конвиссар, бригадир. А крановщик — очень опытный крановщик Николай Коржов. Сейчас они поставят вторую балку, а следом этот шкафной блок, и можно будет ехать мыться, отсыпаться. Вот и все. Можно считать,— он лукаво оглянулся на путеукладчик,— что мостовики первыми закончили работы по пропуску укладки.

— Вторыми,— придиричиво поправляю я.— Первые — гидромеханизаторы. Они еще осенью сдали свои насыпи.

— Ну, пусть вторыми.— Донадзе настроен миролюбиво.—
Тоже призовое место.

Путеукладчик подходил к мосту. А тот, обросший инеем от мороза и от теплого дыхания людей и машин, сверкал и переливался, будто и впрямь был алмазным.

— ...Тюмень, сообщает корреспондентский пункт... Информация в утренний выпуск: **Сегодня ночью монтажники девяносто третьего мостоотряда треста Мостострой-II завершили сооружение мостов на трассе.** Да-да, только одно предложение.

Два...

Свои новые, супермодные очки Олег Михайлович Шапошник, главный инженер строительства, в северные командировки не брал. Сейчас, то и дело поправляя старенькие окуляры в черной оправе, он склонился над столом и что-то долго черкал карандашом на бумаге. Умножал и складывал. И чем больше складывал, тем больше мрачнел.

— Не хватает, Виктор Филиппович!

— Не хватает! — Начальник строительно-монтажного поезда № 522 Виктор Филиппович Горченков, который, облокотившись на край стола, внимательно следил за подсчетами Шапошника, резко выпрямился. Заходил по кабинету.

Не хватало звеньев. На крутом обходе моста через таежную речку Альмальяху несколько сцепов не удержались на роликах и полетели под откос. Их — отдельно рельсы, отдельно шпалы — тягачами волокли по зимнику в Уренгой, и там бригады монтеров пути Пукиша, Гаврюшина и Толкачева вручную укладывали их на территории станции.

Все четыре года стройка, одна из важнейших в Западной Си-

бири, ощущала нехватку материалов верхнего строения пути. Нередко их удавалось вырвать у Министерства путей сообщения — заказчика дороги и поставщика всех видов материалов — только в конце года.

Все, что успели к сегодняшнему дню подать в голову стройки звеносборочные базы Нерчина-Яхи, Коголымской, Ханымея, Пурпе,— все на колесах. Все, что могут успеть доставить к расчетному сроку, пересчитано. На базах есть еще звенья. Но трасса, официально еще не существующая, уже забита срочными грузами для геологов, газовиков, нефтяников, строителей трубопроводов, дорога уже работает, уже подает грузы для громадного района освоения. Все у всех запланировано и рассчитано. Как в таком грузопотоке провести свои платформы со звеньями?

— Семьсот метров не хватает.— Шапошник замолкает и сидит так долго-долго. Горченок по-прежнему ходит по кабинету. Трудно сказать, сколько обоим пришлось спать за последние несколько дней. Осунулось лицо Шапошника. Морщины на лбу Горченка углубились, словно кто-то обвел их острым резцом.

Казалось, пошло насмарку все, ради чего шли, стремились, ломались через тайгу, доказывая себе и другим, что можно в такие жесткие сроки, в таких сложнейших условиях построить уникальную трассу; уникальную не только по набору климатических трудностей, но и по принципу строительства — только с одной стороны, только «в лоб», подвозя новые материалы и грузы по только что проложенным рельсам. Семисот метров не хватало, чтобы прийти в Уренгой к намеченному сроку, не хватало из-за того, что машинист, торопясь подать готовые звенья, равнул и одна платформа на перегоне соскочила в снег.

Звенья в те дни считали все — мостовики и прорабы мехколонн, боясь, что стрела путеукладчика догонит их и они задер-

жат укладку. Звенья считали на станциях и разъездах, расположенных южнее. Считали звенья и монтеры пути из бригады Молозина.

Шапошник в эти дни не расставался с «дорожкой» — сложенной в гармошку книжечкой рабочих чертежей северного плеча. Его красный карандаш добрался уже до последней страницы. Главный инженер строительства, как взятые города на боевой карте, обводил участки уложенной трассы, от пикета к пикету. Их оставалось так мало. Почти ничего. И вот — разрыв в семьсот метров.

...Коротко звякнул телефон, Шапошник даже отодвинулся от стола. Глазами показал Горченку: «Возьми трубку».

Виктор Филиппович прокашлялся:

— Горченок у телефона. Кто?

Шапошник, одними губами:

— Тюмень?

А Горченок, уже во весь голос, в котором мало-помалу прорезаются ликующие нотки:

— Устинов? Что? Боряк вышел из Пура? И с ним четыре сцепа? К утру — успеет?!

Трубка уже у Шапошника:

— Кирсантыч! Скажи Боряку — быстро, но осторожно. Да-да, ждем.

— Последний шанс, Олег Михайлович, — нацелился на «дорожку» Горченок.

— Смотри сюда... — И опять забегал по бумаге карандаш, множа и складывая. — Четыре сцепа по 175 метров. Это ровно семьсот. Хватит.

— Хватит, если...

— Хватит. Боряк — лучший машинист в отделении временной

эксплуатации. Я надеюсь, что он протащит звенья через все обходы. Ну, я поехал к нему навстречу. Укладка за тобой.

В облаке снежной пыли пропали, растаяли бессонные машины — громадный «Урал» Шапошника и «уазик» Горченка.

...За истекшие сутки звено Павла Борща уложило на насыпь почти три километра звеньев. Корреспондентский пункт на строительстве железной дороги Сургут — Уренгой сообщает, что до стыковки рельсов уренгойской трассы осталось немногим более трех тысяч метров...

Один...

Вот и наступило это утро. Белое и холодное. Злой западный ветер проникает сквозь полшубок. Обжигает лицо. Не дает дышать.

Деловито гудя, подошел тепловоз, он привез те самые четыре сцепа, которые столько заставили всех поволноваться в минувшие сутки. Ребята из молозинской бригады молча разобрались по местам. Сейчас на укладке сразу два звена — на помощь Павлу Борщу приехал с Ямсовея Саша Рожков со своими ребятами, Борщ уже сутки не уходит с насыпи.

Идет 1717-й день стройки, начавшейся 17 апреля 1976 года. Идет последний день укладки. Остается уже 600 метров. Не слышно ни веселого шума, ни восторженных возгласов. Работают молча. Пронзительно визжат колеса путеукладчика, накатываясь на только что уложенные рельсы. Короткий жест Павла. Хриплое, парящее дыхание десятка парней, рывком сдвигающих рельсошпальную решетку. Ребята движутся, как заведенные. При ярком свете низко висящего солнца лица, схваченные морозом, кажутся масками.

...300 метров. Впереди чернеют концы рельсов, которые вчера ночью вручную уложила бригада Михаила Пукиша. И вдруг по лицам прошли улыбки.

— Таня приехала!

— Татьяна Ивановна, с праздником!

Маленькая женщина стоит в окружении чумазных и усталых парней. Никто не заметил, как она подъехала, как вышла из кабины попутного грузовика.

Татьяна Ивановна Молозина, жена бригадира, во всех одиссеях и десантах была верным спутником бригады, словно ее сын — не один только Вовка Молозин, двадцатилетний монтер пути, а все три десятка ребят, каждый из которых — настоящий сорвиголова. Пусть она не разгружала вместе с ними «вертушки» с балластом, не выравнивала путь, не вела укладку... Но когда они возвращались, уставшие и промерзшие, в свой вагон, там было натоплено и по-домашнему уютно. И для каждого у нее находилось доброе слово. Вот и сейчас она по-матерински улыбается им...

— Устал, Павлик...

— Ничего, Татьяна Ивановна.

— Как ты поморозился, Коля!..

— Ничего, Татьяна Ивановна...

...Последние триста метров трассы. И по праву идет рядом с путеукладчиком транспортный строитель Татьяна Ивановна Молозина, одна из тех, за кем шли к Уренгою рельсы.

Уложено последнее звено. Остался коротенький разрыв — всего десять шагов. Шипит, рассыпая белые искры, бензорезка, вырезается кусок звена необходимой длины. Вот заполнен последний проем. Вставлены и закручены все болты кроме одного. Последний болт на последнем стыке.

— Татьяна Ивановна, этот — твой!

Молозина берет в обе руки здоровенный гаечный ключ, почти с нее ростом, кто-то из ребят насаживает раскаленную морозом гайку на болт.

— Крути!

Татьяна Ивановна как-то очень по-женски спросила:

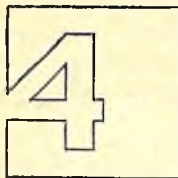
— В какую сторону крутить?

— Крути к Уренгою, все будет правильно! — сказал один из ветеранов бригады Виталий Кольвайло.

Татьяна Ивановна несколько раз качнула ключом слева направо, и укладка главного пути от Тюмени до станции Уренгой протяженностью почти в полторы тысячи километров была завершена.

...Сегодня закончена прокладка главного пути на всем протяжении от Тюмени до станции Уренгой... На этом корреспондентский пункт на строительстве железной дороги Сургут—Уренгой завершил свою работу.

Сооружение системы магистральных газопроводов север Тюменской области — центральные районы европейской части СССР

Адрес:
г. Тюмень,
ул. Республики, 59,
Главсибтрубопроводстрой

**Ударную стройку
представляет**

заместитель начальника
Главсибтрубопроводстроя

**Геннадий Михайлович
Мясников**

— В Тюмени в каждом деловом кабинете висит карта области. Почти такая же, какая когда-то висела у меня в бытность мою первым секретарем Ханты-Мансийского окружкома комсомола. Почти, да не совсем.

На сегодняшней карте вместо крохотных, памятных мне поселков появились новые города. Поселки и города появились даже там, где прежде на сотни верст кругом не было челове-

ского жилья. Но приятнее всего мне смотреть на наш «коридор». Это пространство между Уренгоем и Приполярным Уралом. Здесь через тундру, тайгу, болота и реки протянулись стальные нити трубопроводов, по которым газ Уренгоя, Медвежьего и других северных месторождений поступает на Урал, в Москву и Белоруссию, идет к западной границе нашей Родины. С его помощью плавят сталь и обогревают квартиры, вырабатывают электроэнергию и готовят обеды.

Если пролететь над этим коридором, можно увидеть, как круглые сутки работают здесь наши сварочно-монтажные колонны, изолировщики и землеройщики, как идут плетевозы с трубами. Можно увидеть, как работают люди. Обычные люди. Разве что чуть терпеливее, настойчивее и упрямее других.

Наталья Астафьева

Белый коридор

— Знаете, чего мне здесь не хватало первое время? Писем. Только не улыбайтесь.

...Как бесконечен зимник! Медленно-медленно уползает он под колеса плетевоза. Ночь. Медленно и сонно падает влажный апрельский снег — большими-большими хлопьями. Он усыпляет. И весь этот коридор, по которому мы едем, словно пробит в огромном снежном сугробе. Слева — белая стена. И справа — белая стена, тоже неровная, будто сложенная из снежных глыб. Низкое северное небо — потолок над этим коридором.

В полумраке кабины мой спутник — шофер — невидим. Только слышен его простуженный, спокойный голос. И рассказ такой

же безостановочный, как эта белая дорога между двух снеговых стен.

— Письма ждал. У меня долго не проходило чувство растерянности, нет — даже одиночества. Хотя работать начал с первого дня — вроде некогда за чувствами следить. Хотя люди вокруг. Причем северяне — народ компанейский, скучать не дадут, легко впускают в свой мир, и ты быстро врастаешь в него. И все-таки...

Врезалась в память и часто всплывала одна картина — самолет идет на посадку, я вглядываюсь в поселок, который выбрал для жизни, а он маленький, низенький. И лес вокруг. Рыжие крапины болот. Одиноко...

И куда, думаю, прилетел? Сорвался ведь разом — прочитал в «Экономической газете» объявление, что тресту Приобьтрубопроводстрой нужны водители, на следующий день взял расчет и — сюда. Как? Что? Ничего не знал. Пришел в автобазу — и сразу за руль. Это сейчас сложнее стало, ну, не сложнее, а, как бы сказать поточнее, жестче отбор происходит — на работу теперь совет бригадиров принимает, смотрят документы, расспрашивают обо всем. Надо вот Володе Статейко в бригаду водителя или Штро Альберту Рудольфовичу — они отбирают из новичков. Чтоб уверенными быть в работнике. И водителя это сразу дисциплинирует. А раньше проще было: пришел — и за руль...

И так я скучал по дому, честное слово! Не раз ловил себя: вслух разговаривать начал. Еду по зимнику — а он вон какой длинный! — и разговариваю, вроде письмо сочиняю. И что интересно, научился подробные, листа три-четыре мелким почерком, письма строчить.

Матери — о том, что ем, в чем хожу. Она все переживает, что замерзаю здесь.

Люде, подруге,— о Севере. Тут хоть книгу пиши, особенно про осень, про раннюю, когда задыхаешься от настоя ягод, будто надавил их кто,— воздух бродит, теплый запах мха, грибов...

Осень люблю, даже летом в отпуске на Большой земле все время снится Белый Яр. И это не только я, все вам скажут: тянет сюда. Приедешь — а тут осень! Всегда как открытие. Переживаю, что не могу описать Люде того, что чувствую.

Или еще товарищу пишу. Мы с ним все спорим.

Вот, почитайте, если хотите дорогу скоротать.

Из письма

«...Ты, может быть, и прав в том, что я слишком драматизирую события. Но дело не в моих ощущениях и совсем не в том, что я пытаюсь оправдать Лобанова. Да что он сделал такого, чтобы его оправдывать? Оправдывают, если в чем-то обвиняют. А в чем его обвиняешь ты? Как многие у нас, в том, что зарвался, зазнался, потерял верное чувство риска... С таким «букетом» хоть с Севера уезжай, да?

А Лобанов, он стал начальником автобазы пять лет назад. Сколько за это время он накопил в себе?

Ведь до него ничего практически не было: ни толковой работы, ни ремонтных мастерских, ни стоянок теплых, парк машин — побитый совсем. А сейчас к нам со всех уголков Тюменской области приезжают за опытом.

Погоди, не спеши возражать, мол, не один Лобанов это все сделал. Правильно, не один. А кто измерял, сколько сделал он? И можно ли это измерить?

Помнишь, три года назад, когда в автобазе Лобанов решил внедрить бригадный подряд, многие, и мы с тобой тоже, просто

с интересом наблюдали: что из этого будет? Хотя и мы понимали: объемы перевозок растут, с каждым зимником растут, и надо, надо, надо менять организацию работ.

Ты пожил здесь, поработал, знаешь, что делалось на зимнике. Уронил ты плеть-трехтрубку по дороге и поехал дальше, некогда с нею возиться, тебе твое личное время дорого — поехал за новой плетью. Чтоб не искать крановщика, не ехать с ним на трассу. Проще с мастером на сварке договориться. Бывало и такое: увезешь одну плеть, договоришься на месте — в накладной запишет две.

Я недавно подвозил по пути главного инженера СМУ-25 нашего же треста Бондаря. Повспоминали старое, посмеялись: по накладным газопровод раза в два длиннее получался, чем на самом деле. Называется это уклончиво: приписки. Лобанов так прямо и бухнул: обман государства. А до него? Не помню, чтобы кто-нибудь на собрании покаялся: товарищи, мол, дорогие, что мы делаем? Ну, сам представь, допустим, нам надо вывезти 200 километров плетей и 14 тысяч тонн пригрузов на наш участок трассы. Все рассчитано, все спланировано. Больше на этот участок не надо: 200 километров — длина газопровода, 200 для этого надо вывезти трубы. Как в первом классе. А мы по накладным «вывозим» — 350—400 километров! Цифра выполнения плана подсказывает! Нашим «успехам» радуются, нас награждают. За что? За то, что сами себя обманывали и других тоже?

Вот так нас и толкнуло в конце концов к подряду.

Подряд нам очень на многие вещи открыл глаза. Ведь каждый из нас там, внутри, сознавал, что делает не то. Но как сделать по-другому?

Нет, даже не так. Это я, сегодняшний, поправки ввожу. А тогда вопроса такого не стояло даже: деньги платят хорошие,

работа идет, календарь перелистываем. Просто иногда там, внутри, было беспокойно.

Когда первая у нас бригада Голубца перешла на хозрасчет, вдруг открылись, так нам показалось, огромные возможности: выполняются объемы, честно получают деньги, все, как один, работают. И вроде даже дружнее стали.

...И Лобанов горел. Утром, в обед, вечером — на трассе, на стеллажах, — только мелькает его «уазик». Выйдет из машины — крупный, высокий, плотный. Видно издалека. Впечатление: где ты, там и он, — как только успевает? Лобанов горел. Горел и нас всех зажег. Все бригады плетевозов перешли на подряд.

И тут все началось...

...Сегодня трудно сказать, кого у Лобанова больше — сторонников или противников. Да и точно определить: этот «за», а тот «против» — тоже нельзя.

Помнишь мое настроение после зимника 1978 года? Когда мы начали переходить на наряды-заказы. Вывезли все запланированные объемы, причем гораздо организованнее, чем обычно. А план выполнили только на семьдесят с небольшим процентов. План-то шел в тех же тонно-километрах, а нас интересовали плети. Вот и упали цифры объемов перевозок, поскольку, естественно, устранили мы приписки. И получили... да ничего мы не получили. Ни прибыли, ни премий.

Естественно, раз план не выполнили.

Многие тогда ушли из автобазы. И Лобанову прямо говорили — покатымся теперь... Некоторые обижались, что Вениамин Александрович грубо разговаривал. Когда устанешь, вымотаешься за сезон, за зимник, а в результате — заявления на стол, на лирику не потянет.

Лобанов, конечно, звонил во все колокола. А тем временем

наступает новый сезон. Дают новый план. Он по-прежнему ориентируется на те прежние, «высокие», а точнее, липовые цифры, которые были достигнуты приписками.

Реальные цифры — 73,5 процента. Не потому, что плохо стали работать. А потому, что нет больше в нашем «коридоре» грузов для перевозки. Все вывезли трубы, все пригрузы. И нет приписок.

Система не новая, во всех газетах пишут о бригадном подряде, о выгоде его. И Лобанов сам, и мы, кто поддерживал его, думали: планирование быстро отреагирует на новинку. Так нет. Планы идут и идут — один смешней другого. Меня и сейчас злость берет: что ж мы такие отстающие, даже план выполнить не можем?

Лобанов мало сказать кипятился. Внедрение бригадного подряда вдруг обнажило все недостатки старой организации работ и потребовало иного, качественно иного отношения к себе. Теперь мешало все, что прежде привычно терпелось. И то, что часами простаивали под разгрузкой и погрузкой, и то, что на зимнике не развернуться, не разъехаться, и теснота в монтажной зоне: колесами буквально изгрызем лежневку и засядем в болоте. Только машины рвем.

Вот в этот сезон уже отдали нам, в наше хозяйство и пользование, механизмы для погрузки и разгрузки.

Еще бы дороги нам передали. Мы же транспортники, мы лучше знаем, какие дороги нам нужны, ведь машину тоже хочется сохранить. Лобанов на собрании как-то выступал, говорил, что нам бы свое дорожно-транспортное строительное управление организовать — дело пошло бы. Мне идея понравилась. Кажется, дельно. И, думаю, начальник наш все равно до конца это доведет: хозяйственник он незаменимый.

Так в чем же дело, ты спросишь. А в том, что Лобанов себя рвет на этом подряде, как мы машину рвем в болоте. Рвет, мечется, многие уже сомневаться начали — сколько все-таки неувязок! — а он — горит.

И опять слышу: груб Лобанов, зазнался Лобанов... От работы, что ли, зазнался? Резок больше, чем требуется, чем допустимо? Пусть так. Однако по мне — пусть он будет таким, сохраняя свои деловые качества. Высшая шкала оценки — труд. Уменьше работать...»

* * *

Сколько уж едем-едем — ни огонька. Так же медленно, 20 километров в час, уползает под колеса машины зимник. И вдруг...

— Тихо... Не шевелитесь.— Саша выключил свет в кабине и зажигание.

Ночь повисла вокруг такой оглушающей тишиной, такой звенящей без надсадного гула машины пустотой, такой темнотой, что даже екнуло где-то внутри...

— Что?

— Да вон, впереди...

...Маленький зайчонок, беленький, ушастенький, стоит на дороге — лапки сложил, голову чуть набок...

— Ах ты, чудик! — Саша возбужденно рыщет глазами по сторонам и вдруг, резко — на полную — включает свет. Зайчонок от неожиданности подпрыгнул на месте, заметался...

Свет фар плавно обтекает мохнатые пни, коряги, причудливо чернеющие из-под снега, и вот — огромные белые зайцы мечутся по утопанному снегу.

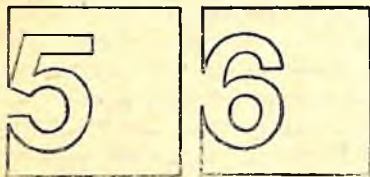
— Вот чудики... Вот чудики! — Саша замороженно вглядывается вперед и шепчет восхищенно: — Чудики-и...

Мы проехали с ним только 120 километров. Трудных северных километров по белому коридору.

— Только не пишите обо мне, не надо. Вот лучше о Лобанове, начальнике нашем, Вениамине Александровиче, напишите,— сказал Саша в конце нашего пути.— Я думаю, что любое новое дело на таких жестких людях, как Лобанов, держится..

Саша опять деловит и немного категоричен. А у меня в ушах все еще его ласковый голос: «Вот чудики, вот чудики-и...»

Обустройство Уренгойского газоконденсатного месторождения. Строительство города Нового Уренгоя

Адрес:
Ямало-Ненецкий
автономный округ,
г. Новый Уренгой,
трест Уренгойгазжилстрой;
производственное
объединение
Уренгойгаздобыча

**Ударные стройки
представляет**
первый секретарь
Новоуренгойского горкома КПСС
**Евгений Федорович
Козлов**

— Городам нашей страны не принято присваивать титул «комсомольско-молодежный». Но по существу, Новый Уренгой именно таков. В этом убеждаешься, только сойдя с самолетного трапа: вокруг только молодые лица. Строят наш город, осваивают газовое месторождение главным образом молодые люди. Есть, видимо, у Севера такая особенность — он любит тех, кто молод духом, энергичен и упорен в достижении намеченного.

Итак, что же такое Уренгой? Уренгой — это сплав. Здесь испытана Севером рабочая дружба — плечом к плечу трудятся бойцы ударных отрядов «Молодогвардеец», имени XXVI съезда КПСС, имени Олега Кошевого, 25-летия целины, которые формировались во всех республиках и многих городах страны. На Уренгое работают нефтеразведчики-вахтовики с Кавказа и Карпат, ленинградские строители и донецкие проектировщики. Наша страна отдает Уренгою все лучшее, что имеет, чтобы и отдача этого месторождения была столь же уникальна, как и его запасы.

Молодежь всего Союза помогала создавать книжный фонд двух уренгойских библиотек, которые построены здесь по инициативе журнала «Смена». Строим ли мы спорткомплекс с плавательным бассейном или общественный центр с залом для свадебных торжеств, школу или клуб, мы всегда ощущаем помощь всей советской молодежи, и это тепло согревает нашу жизнь в суровом Приполярье.

Геологи говорят, что Уренгой — это большая удача для страны, потому что такие находки — редкость. Думаю, что Уренгой — это большая человеческая, жизненная удача каждого, кто придет сюда работать и созидать.

Анатолий Омельчук

Точка росы

На рабочем столе Рима Султановича фотоснимки. На фотографиях — развороченная земля траншей, рваные куски трубы, смятые, покореженные металлические жгуты. Впечатление такое, будто

бомбардировщик поработал. Но пейзаж здешний — уренгойская лесотундра. А работа в этих краях сугубо мирная.

— Испытания проводили,— нехотя роняет Сулейманов.— Металл оказался слаб, не выдержал оптимума давления. Усталый металл.

— Усталый — кто? — переспрашиваю я.

— Металл. Бывает и у него такое, не только ж нам, человекам, уставать. Мы ведь для того и испытания перед пуском проводим, чтобы всяких случайностей избежать, вовремя вот такую усталость или какой другой заводской дефект выявить.

Приглушенно звякнул телефон.

Сулейманов выслушал своего собеседника, и его усталое лицо приняло огорченное выражение.

— Нет, ты же знаешь, моя на ремонте. Попроси дежурную в диспетчерской.

Видимо, кто-то просил его «уазик». Мне уже рассказали, что во время последних испытаний газопровода перед пуском промысла сулеймановскую машину «шваркнуло» глыбой смерзшегося льда и конденсата. Шофер и Рим Султанович успели упасть на дно автомобиля, но кабину ледяной снаряд помял основательно.

Рим Султанович Сулейманов — заместитель генерального директора объединения Уренгойгаздобыча по производству. Объединение, хотя возраст его еще младенческий, крупнейшее в отрасли. В тесноватом кабинетике с табличкой «Зам. генерального директора» сидит молодой человек явно комсомольского еще возраста. Правда, Сулейманову чуть побольше — тридцать два, но на своей должности он уже третий год.

На Севере ход времени особый — здесь вся растительность должна расцвести и подняться в рост за кущее, как заячий хвостик, полярное лето. И расцветает, и вымахивает. Говорят, поэтому и люди на Севере растут быстро.

Сулейманов понуро теревит листок календаря, на котором дата — 12 июня.

Выпускники Уфимского нефтяного института, получившие дипломы на горно-нефтяном факультете, решили собраться десять лет спустя: 12 июня в знаменитой 412-й аудитории и — чтоб лучше запоминалось — в 12 часов пополудни.

Сегодня Сулейманов должен был быть там. Он предваритель-но договорился, но генерального неожиданно вызвали в Москву, на коллегия министерства. И юбилей у зама генерального отменили. Вводится шестой промысел, подключаются «кусты» эксплуатационных скважин, монтажники застряли с «шлейфами» подводящих трубопроводов — дел всегда невпроворот.

На часах уже девять вечера (в Уфе, надо полагать, торжества в разгаре!), а Рим Султанович созванивается с промыслами, спрашивает у диспетчера, как там точка росы на пятой установке, связывается по селектору с бригадиром подземного ремонта скважин: выявилось срочное задание.

От профессионального технического лексикона — от этих селикогелей, диэтиленгликолей — устаешь быстро. И вдруг — как солнечный зайчик в темной туче проблеснет: шлейф, точка росы... Оказывается, и у завзятых технократов случаются поэтические озарения. Это ж надо — точка росы!

Рим Султанович начинает суховато объяснять, и опять звучат «амплитуды», «регенерация», «абсорбция».

Запомним одно: уренгойская точка росы — это высочайшая кондиция того газа, которым Уренгой питает и домны Урала, и мартены Челябинска, и знаменитый автогигант на Каме, и квартиры домовитых москвичей.

Я представил на миг, как мой знакомый в Москве, квалифицированно готовящий тушеную утку с рисом, зажигает в своей

квартире голубой огонек — вот этот уренгойский газ, который доставляет столько хлопот заместителю генерального директора, и на ум пришла мысль: как мы быстро свыкаемся с волшебством. Но для Сулейманова и его коллег это чудо — особая ответственность: ведь от него зависит, как сработают металлурги Тагила или автомобилисты КамАЗа.

— Мм-да-а... — роняет Сулейманов.

Его-то мысли, кажется, совсем о другом. Конечно, торжества перекочевали из 412-й аудитории в безымянную студенческую кафешку, и разговор там идет в лучших традициях их курса. Вообще тем, кто учился у профессора Астрахана (впрочем, нет, он тогда еще ходил в доцентах), повезло — когда настало время распределения, им выбирать было из чего: все горячие точки Мингазпрома — Оренбург, печорский Вуктыл, Пунга и Медвежье в Сибири. Рим проходил практику в Игримгазе оператором в вахте Володи Васильева, ему там понравилось все: и промысел, и уютный таежный поселочек Светлый. С практики он возвращался с твердым намерением снова вернуться сюда.

Среди тех, кто сейчас рядом с ним работает на Уренгое, четверо однокашников, из одной группы. Гриша Лончаков — главный инженер первого газопромыслового управления, Виктор Сливнев командует четвертой установкой, Света Лончакова работает старшим инженером, а Людмила Мазгудова — инженер-экономист объединения — взяла фамилию Сулейманова еще на пятом курсе. На том же факультете учился Олег Создателев, начальник пятой оперативно-производственной службы Юнир Салихов, недавно не выдержал и приехал на Север Ренат Асугареев.

Но местом встречи был не Уренгой, а Медвежье — первый университет большого сибирского газа.

Да, чтобы привыкнуть к масштабам Уренгоя, школу Медвежь-

его пройти было необходимо. Говорят, что современный специалист за пятилетку должен обновлять арсенал своих знаний. На Медвежье для этого имелись все возможности: отечественная промышленность поставляла сюда только самое лучшее, технология — над ней ломали головы ведущие светила отраслевых институтов. Словом, мировой стандарт. Тундровые топи не давали особого простора для маневра — тогда впервые в практике разбуривание эксплуатационных скважин начали вести «кустами». Для такого «куста» с пятью буровыми стволами хватало небольшого сухого пятачка.

Что родило эту лавину преобразования? Конечно, здесь все было необычно: условия, климат, масштаб — все требовало неординарного и нешаблонного подхода. А как скинешь со счетов молодость тех, кто командовал промыслами, возглавлял, как Рим Сулейманов, инженерные службы? Они тогда все были комсомольцами — молодые командиры производства, ученики и воспитанники этого колледжа с глухоманным названием «Медвежье».

Географическая карта газовой отрасли не совсем совпадает с той, которую мы штудировали в первых классах школы. Если на обычной карте Медвежье или Уренгой — это самая далекая окраина, то на карте газпрома — это настоящий центр. Только близорукие люди, не видящие перспективы, могли считать, что ученики Астрахана выбирают несусветную глушь.

Что дает молодому специалисту Уренгой, Сибирь, работа в этой молодой, но столь динамично развивающейся газодобывающей отрасли? Ощущение... Нет, это слово не верно — состояние подлинного творчества. Тебя, если ты, конечно, что-то значишь, не будут до сорока лет держать в начинающих, подающих надежды. Сергей Пашин, тот кто вводил в строй первую уренгойскую установку, сегодня руководит газопромысловым управлением, Мазит Хайрулин — производственно-диспетчерской, ключевой службой все-

Такой красочной колонной впервые вступил
на тюменскую землю Всесоюзный ударный отряд
имени XVIII съезда ВЛКСМ

На пути из Тюмени в Уренгой под крылом самолета — бескрайняя тайга, пересеченная четкими линиями трубопроводов.

Самолет прибыл в Новый Уренгой. Первые шаги
новоселов по северной земле,
первые впечатления

Первые вопросы, первые проблемы.
С ними идут прежде всего к командиру отряда
Павлу Баряеву

Вот так рождались первые дома Нового Уренгоя.
Росли дома, вместе с ними росло и мастерство
молодых строителей

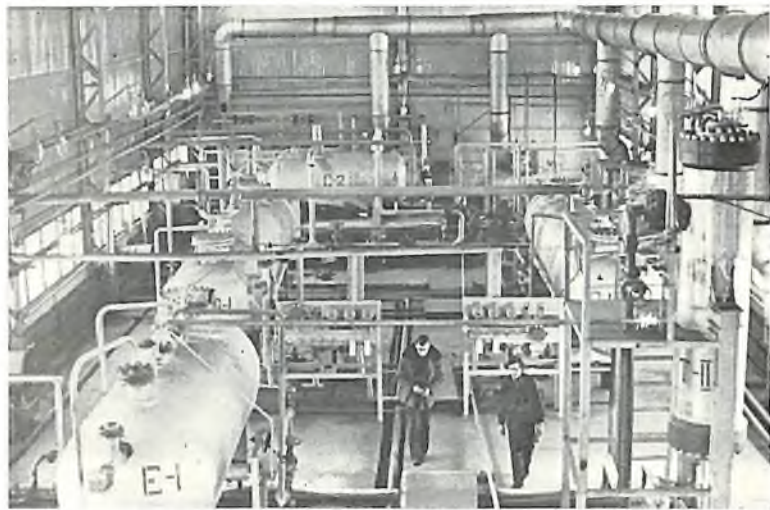
На высоте ледяной северный ветер пронизывает до костей. Но в нужную минуту всегда придет на помощь друг. А с ним и ветер ни о чем

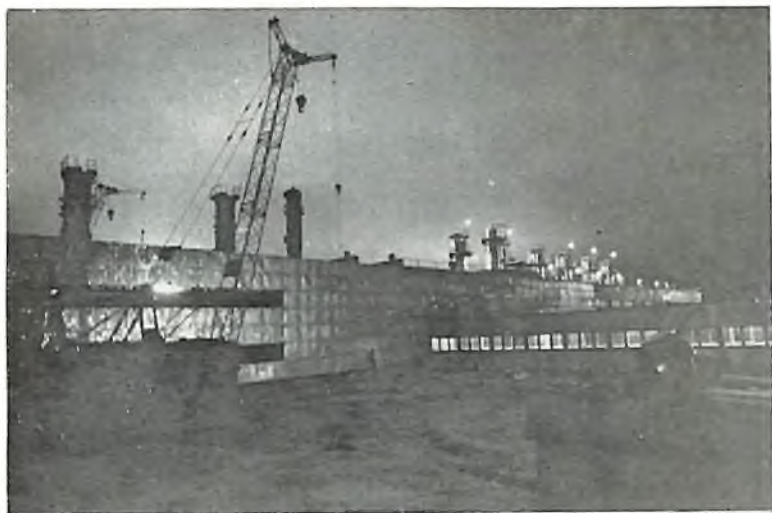
Строительство газопровода — это сотни трудных
километров по тайге, это общая устремленность
вперед, это могучая техника,
послушная умелым рукам

Вот такие заводы работают сегодня в тундре за Уренгоем. Если бы не пейзаж за окнами, можно было бы забыть, что рядом Полярный круг

Огни северных новостроек видны издалека.
Это они служат верным ориентиром для тех,
кто выбрал для себя путь первопроходцев

Комсомольское собрание в ударном отряде.
Здесь можно посоветоваться с друзьями,
обсудить те проблемы,
которые возникли на стройке

Новый Уренгой уже носит звание города,
но он еще продолжает оставаться
огромной стройкой

Молодые уренгойцы гордятся своим кафе.
В нем можно вкусно пообедать,
а можно и свадьбу сыграть

На улице пурга, а в спортивном зале
стучат мячи, идет очередная тренировка
баскетболистов

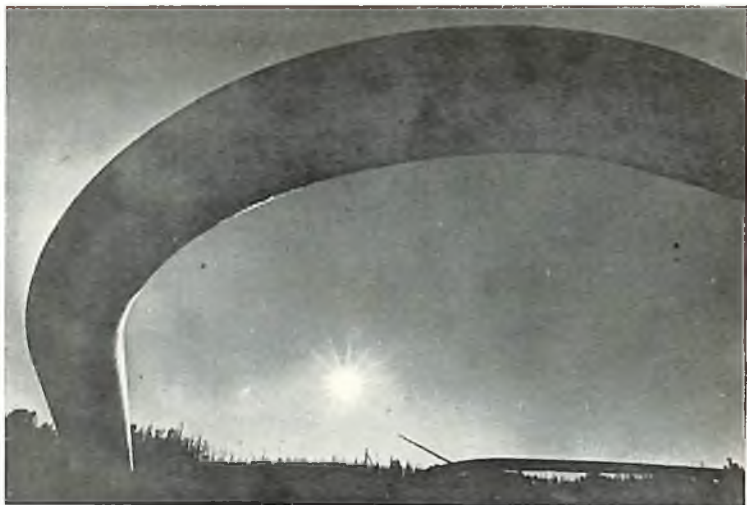
В клубе сегодня концерт. Зал, как всегда, переполнен. Зрители здесь всегда эмоциональны, чутко реагируют на то, что происходит на сцене

В Новом Уренгое начинается новый рабочий день.
Приятно пройти по городу,
который возводишь своими руками

По этим трубам идет уренгойский газ.
И каждый его кубометр — результат
самоотверженного труда молодых уренгойцев

го объединения, Виктор Губин, Олег Создателев, Виктор Сливнев (копни их биографию — обязательно раскопашь Медвежье, где они начинали операторами или слесарями) сейчас возглавляют оперативно-производственные службы.

Казалось бы, инженерных идей, рожденных при освоении Медвежьего, с лихвой хватит и на Уренгой. Но чем ближе к Северному Полярному кругу (обустройство месторождения началось с южного крыла) уходят промыслы, тем мощнее они становятся, а уж на медвежьинских «акселераторах» они могут смотреть совсем высокомерно: их производительность вдвое больше. Вся хитрость в том, что это проектами вовсе не предусматривалось, это, как обиженно выражаются проектировщики: «самодеятельность» производственников. Благозвучнее все же слышится так: инженерное творчество.

Были ли у инженера Сулейманова интересные идеи и сумел ли он воплотить их в жизнь?

— Были,— просто отвечает Рим Султанович,— но боюсь, что это слишком специальный разговор.

Пожалуй, да, во всех этих пунктах и зданиях переключающей арматуры, межцеховых коммуникациях, регуляторах давления и предохранительных клапанах разберется не каждый. Но существо предложения Сулейманова ясно и непосвященному в эти тонкости, он предлагал кран-регулятор и предохранительные клапаны, которые были вынесены за добрые полверсты от промысла, перенести в технологический цех. Рабочие могли трудиться в тепле, повышалась надежность постоянного контроля. Что же здесь крамольного? Все это вроде очевидно. Но проектировщики, когда выносят оборудование в продутую полярными ветрами тундру, тоже оперируют словом «надежность». И свои окопы они без боя не сдают, за каждый пункт изменений нужно биться.

Социологи подметили, что руководитель, организатор производства на Севере обладает большей самостоятельностью, чем его коллега в другом месте. С одной стороны, это прекрасно — он избавлен от удручающей мелочной опеки, но с другой — надо уметь многое брать на себя. Но это состояние повышенной ответственности, состояние, когда ты должен постоянно принимать самостоятельные решения, оно и вырабатывает стиль руководства, в который непременно составной частью входит риск.

Здесь, на Тюменском газовом Севере, этот риск заключается в том, чтобы опережать события. Заданный темп здесь такой, что даже не недели, а дни, которые уйдут на проектировочные утряски, безнадежно сорвут все графики и сроки. Строить так, как это расчерчено в утвержденных документах? Но этого не позволяет душа северного инженера — ведь он же видит явные несовершенства проекта.

Вот и приходит момент, когда надо принимать решение — сегодня, сейчас, не откладывая, сию минуту. Хорошо, если поддержат специалисты министерства. А если нет? Каждый ли станет испытывать судьбу?

Сулейманов, ему бы в кино играть положительных молодых ученых, внешне мало похож на такого рискового, залихватского рубаху-парня, которому только и подавай схватки с проектировщиками. Он постоянно спокоен, а слова его взвешены. Но по существу, по характеру, уже здесь, на Севере, выработанному, Сулейманов действительно человек риска. Живет в этом человеке дух азарта. Вспомним те аварийные снимочки на столе и эпизод, когда его «газик» обстреливала безжалостная ледяная шрапнель из взорвавшейся при испытании трубы. Он рискует в большом, не пасует и в малом.

Может быть, Сулейманов и не очень типичный пример: не каж-

дый в тридцать лет становится директором по производству (у генерального заместителя имеют ранг директора) крупнейшего в отрасли объединения. Но он и не исключение.

Задумаемся: Север дает прекрасную, престижную работу, но не обкрадывает ли он молодых? Дает ли возможность для гармоничного развития?

— Еще бы! — с несвойственной ему горячностью восклицает Рим Султанович. — Такие темпы производства, такие масштабы...

— Только не о работе. Ради бога, только не о работе!

— А разве это не взаимосвязано? — искренне недоумевает Сулейманов.

И в этом вопросе я слышу ответ. Если человек берет на себя смелость осваивать новые земли, строить новые города, круг его интересов, масштаб его личности неизбежно расширяется. В нем, как в капле росы, концентрируются все признаки нового дня.

Валерий Орлов
Альберт Лехмус
(фото)

Командир отряда

— Жизнеспособность отряда во многом зависит от его лидеров, — сказал управляющий трестом Уренгойгазстрой Юрий Александрович Струбцов, когда три года спустя после XVIII съезда комсомола мы заговорили с ним о судьбе отряда, носящего имя этого съезда.

Прошедшие годы — достаточный срок, чтобы понять, насколько

ко верной была та формула, по которой составили из сотен практически незнакомых между собой индивидуальностей единый организм. Не распался ли он, не превратилось ли звание «боец ударного отряда» в почетный экс-титул, не растворился ли под воздействием времени тот дух, с которым они ехали в Уренгой прямо с высшего комсомольского форума?

Тогда в празднично украшенном составе сквозь митинги и оркестры они ехали весело и бодро. И песни пели соответствующие, о том, что жить надо «километрами, а не квадратными метрами». И в путевых газетах писали правильно: «Прощай, уют, прощай, покой! Зовет нас стройка — Уренгой».

Меньше других пел один человек. Командир отряда. Не только потому, что и в дороге у него забот хватало. Но и потому, что, пожалуй, один из немногих, он действительно знал, насколько верны эти строки рожденных на ходу стихов. Особенно про покой. Но, невозмутимый и немногословный, на все вопросы, как и что будет там, впереди, в Уренгое, отвечал со спокойной улыбкой: «Нормально все будет». И — странное дело — этот не содержащий, казалось бы, никакой информации ответ вселял в ребят большую уверенность, нежели самые красноречивые объяснения командира отряда.

На первых порах все было действительно нормально. Даже лучше, чем нормально. Домой шли чуть не разочарованные письма: «Так хотел быть первопроходцем: палатка, костер, нары. А тут не поверишь: общежитие, комнаты — располагайтесь. Душ, панцирные сетки на кроватях, белье каждую неделю меняют».

Но командир понимал, что бытовые условия — это, конечно, очень важно, но все же это не главное. Главные трудности впереди. Так он тогда и сказал бойцам отряда. И опять же эти слова, произнесенные со спокойствием бывалого человека, лишь подтя-

нули ребят, ввели, по собственному выражению командира, их «разгоряченный энтузиазм» в русло реальной жизни.

Трудности начались уже во время «стыковки» — во время при-тирки отрядного механизма к сложившемуся механизму уренгойских строительных организаций. Цельной организационной единицей отряд сохранить не удалось — многие его бойцы были оформлены на работу в другие подразделения. Сейчас и комсомольские работники и хозяйственные руководители понимают, что это все же было ошибкой. Но тогда необходимость такого решения диктовала производственная ситуация. Много в те дни было горячих споров в отряде, даже до Москвы добирались «ходоки», требующие сохранения отрядной самостоятельности. А в Уренгое, молодом поселке, задыхающемся от нехватки жилья, ждали от посланцев комсомола не дискуссий по поводу отрядных законов, а работы. Те, кто не понял этого, уехали. Их было немного, но они были. Большинство же осталось. Большинство приступило к работе — будничной, без речей и оркестров, к работе, в которой приходилось иногда сталкиваться с такими вещами, что опускались руки... «...Доходило до нелепого. Заставили нас делать черенки для лопат. Делали мы, делали, кто как умеет, а потом вдруг оказалось, что готовые черенки на складе лежат...»

Это было самое сложное время для отряда. Не поддаться растерянности, иногда даже отчаянию, преодолеть трудности роста, причем не просто преодолеть, а выйти из них победителями, не растеряв того настроения, с которым ехали сюда, — решение этих задач во многом тогда зависело от командира. Не от него одного, конечно, но от него в большой степени.

Вот когда пригодились Павлу Баряеву все его жизненные уроки. И самые первые, трудовые, полученные еще в школьную пору в ученической бригаде. И последующие, более серьезные, которые

можно бы назвать уроками ответственности. Их Павлу преподала служба на погранзаставе. Там, на Памире, перед демобилизацией и решил он с друзьями поехать на Север. Но никогда не забыть Павлу, как сержант Анатолий Тягнирядно будто бы вскользь обронил: «Ты, Павлик, не доедешь: не любишь перемен». Была в этой фразе солидная доля истины — несуетливый, основательный характер Павла не принимал скороспелых метаний. Но была в ней и обида — будто бы сомнение в серьезности его намерений. Было это давно, но до сих пор помнит Павел свою реакцию на замечание товарища, до сих пор благодарен ему за то, что, пожалуй, впервые тогда задумался над тем, что, если хочешь становиться взрослым, пора принимать на плечи ответственность по большому счету.

Свою новую жизнь он начал в Надыме. Начал с палаток и обучения незнакомой до тех пор профессии плотника-бетонщика. Ему повезло — свой рабочий университет он прошел в одной из лучших бригад, в бригаде Владимира Шевцова из комсомольско-молодежного СМУ-3. Сейчас Павел Баряев вспоминает: «Наука Шевцова была проста, но мудра: никогда не сбавляй темпа, не расслабляйся, не ищи выгоды, берись за дело, каким бы оно ни было. Всякая работа окупается». В той шевцовской бригаде Павел был избран комсоргом, а пять лет спустя принял от своего старшего друга бригадирские полномочия.

...Юрий Александрович Струбцов, знающий Баряева все девять лет его работы на Севере, не долго думал, подыскивая слово, характеризующее командира отряда:

— Надежность — вот главное в нем.

Пожалуй, именно это качество, которое сумел командир передать остальным бойцам, помогло отряду выстоять в те трудные дни, помогает оно и теперь сохранять и приумножать его тради-

ции. Вы ни от кого не услышите в Новом Уренгое: «Бывший боец отряда». Скажут обязательно в настоящем времени. Отряд работает, действует, играя заметную роль в жизни Нового Уренгоя.

Конечно, и сейчас случается, что по семейным или каким другим обстоятельствам вынужден человек покинуть отряд. Как быть в таком случае? На общем собрании решили — наши ряды не должны редеть: вернулся человек в город, где выдавали ему комсомольскую путевку, пусть там же подготовят ему достойную замену.

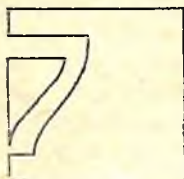
И другие заботы, о которых не думали три года назад, появились у командира. Больше сотни свадеб сыграли в отряде, уже детишки подрастают... А с квартирными, детсадовскими вопросами к кому первому идут члены отряда? К своему командиру. Знают, что до сих пор трудно в Уренгое с жильем, но верят, что командир решит и поступит справедливо.

...В одном из своих газетных выступлений Павел привел ленинские слова: «...быть коммунистом — это значит... давать пример воспитания и дисциплины».

«Подчеркну,— написал тогда Павел,— личный пример!»

В этом весь он — бригадир треста Уренгойгазстрой, депутат Верховного Совета СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, командир Всесоюзного ударного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ коммунист Павел Баряев.

ЛЭП-500 Сургут — Уренгой

Адрес:
г. Сургут, пос. Лунный,
трест
Запсибэлектросельстрой

**Ударную стройку
представляет**
лауреат премии
Совета Министров СССР,
лауреат премии
Тюменского комсомола
управляющий трестом
Надымэлектросетьстрой

**Игорь Алексеевич
Киртбая**

— Мне вспоминается, как много лет тому назад (по тюменским масштабам семь или десять лет — это много) из Сургута в Уренгой отправился вертолет. Группа проектировщиков рассматривала варианты новой трассы ЛЭП-500. Час за часом молотили лопасти воздушных винтов, а внизу оставалась все та же рыжая хлябь болот с крохотными островками суши. Когда группа вернулась, главный инженер проекта сказал мне: «Такого еще не было никог-

да,— потом помолчал и добавил: — Хотя, если честно признаться, на этой земле все впервые. Но будет трудно».

И он оказался прав. Я не стану рассказывать, с чем встретились наши электролинейщики, выйдя из Сургута на Уренгой. Об этом достаточно подробно говорит Александр Габлия. Я скажу, для чего нужны в краю, который называют центром топливной энергетики, линии электропередачи.

Человек, даже самый сильный и мужественный,— только человек. Север, сказочно богатый, так же сказочно скуп. Далеко он запрятал свои нефтяные и газовые сокровища. Поэтому у первопроходца — геолога, строителя, нефтяника, газовика — должны быть электрические мускулы. Наши ЛЭП помогают взять нефть Самотлора и Варьегана. Наши ЛЭП помогают тем, кто работает на Федоровском и Холмогорском месторождениях. Наши ЛЭП перекачивают нефть и газ по десяткам трубопроводов.

А потом повторится то, что уже было когда-то в Сургуте. Сначала Большая земля отдавала свою электроэнергию Сургуту, его домам и заводам, его стройкам и буровым. А потом электрическая река потекла вспять: Сургутская ГРЭС заработала и дала ток в единую энергосистему европейской части СССР.

Сейчас ток Сургута идет к Уренгюю, где уже начинается строительство ГРЭС на природном газе. Пройдет несколько лет, и этот ток вернется. Свет Уренгоя придет в дома Большой земли по построенной нами трассе ЛЭП.

Лечу на трассу

Перед вами почти дословная запись того, что рассказывал мне о своей работе начальник штаба ударной комсомольской стройки ЛЭП-500 Сургут — Уренгой Александр Габля. Прежде я намеревался переложить все, о чем он вспоминал и размышлял, в единое повествование, а потом раздумал. Пусть все останется как есть. Пусть сохранится первичность личного свидетельства о жизни начальника штаба в Сургуте и Уренгое.

В Тюмени я встречал немало начальников штабов ударных строек комсомола. Народ они разный, и хлеб у них нелегкий. На этот пост не выбирают — назначают. А попавший на эту стезю должен делом, поступками доказать, что он на самом деле вожак. В сложной обстановке ударной стройки утвердить себя непросто. О том, каким бывает такое утверждение, каковы люди на такой стройке, и ведет рассказ Александр Габля.

...Спрыгнул из вертолета на снег, поскользнулся, упал. Встречавшие стояли полукругом. Промасленные ватники, бородатые, раскрасневшиеся на ветру лица. Смотрят испытующе, с любопытством.

— Вот прилетел узнать, как вы тут, — подвертываются какие-то не те слова.

— Видим, — отозвался один из бригады. — А что у нас интересного? У меня вон валенки драные.

А я-то, как назло, в белой рубашке, при галстукe. Это первый мой прилет на трассу.

Вертолет поднялся в снежном вихре. Тугая волна морозного

воздуха покатила прочь пустые бочки от солярки. Унялся смерч, поднятый винтами МИ-6, и наступила гулкая тишина.

Наглядевшись на меня, парни вернулись к своим делам. Вели сборку опоры. У каждого нашлось дело. Я же похаживал рядом, чувствуя, как дубеет на морозе лицо. Мысленно ругал себя, что не могу найти контакты с ребятами. Не сразу осенила простая догадка: подобрал лежащий на снегу ключ и стал вместе со всеми завертывать болты на опоре. Как-то само собой это вышло. Никто и слова не проронил. Нашлись для меня фуфайка и рукавицы.

Через каждый час прерывали работу и уходили греться в вагончик. Десять минут на перекур. Сидели вокруг докрасна раскаленной буржуйки. Заметил, что взгляды парней смягчились. Стали расспрашивать, кто и откуда... Оказалось, в бригаде есть комсомольцы. Бросается в глаза мужская спайка. За обедом была замечательная шурпа из баранины. Готовил сам бригадир Муратшин. Он веселый, свойский.

После обеда до конца светового дня поставили одну опору. Поднимали с помощью трактора. Ловкость и сноровка в работе впечатляют.

Вечером в вагончике неторопливые разговоры. Отблески пламени очага на лицах. Закопченный чайник, кружки. Пахнет смолой, поленья трещат. До ближайшего жилья верст двести. Мы одни на этой уходящей к северу, к Холмогорам, просеке.

На исходе второго дня за мной прилетел вертолет. Уезжать не хотелось. Вся бригада пришла провожать. Отчужденности между нами как не бывало. Договорились: создадим комсомольско-молодежную бригаду электролинейщиков. Вызовем кое-кого соревноваться!

* * *

Синий пунктир на карте Тюменской области. Будущая ЛЭП-500 от Сургута к газовому Уренгою. ЦК объявил эту линию Всесоюзной ударной, 617 километров тайги, болот, мерзлоты... Масштабы! Я приехал на стройку с дипломом Высшей комсомольской школы. В Москве мне говорили: «Запсибэлектросетьстрой — молодой и честолюбивый трест, работать будет интересно». Верно, кругом одна молодежь. Иные начальники мехколонн едва вышли из комсомольского возраста. А на комсомольском учете в тресте... 30 человек! Я даже опешил. Голова кругом. Штаб без воинства? Досадно сознавать, что кругом жизнь кипит: люди улетают, что-то пробивают, радируют, протаптывают зимники, ставят опоры, изобретают, досрочно пускают линии... А ты словно бежишь рядом с подножкой мчащегося трамвая и не можешь изловчиться, схватиться за поручень и вскочить на ходу.

Поделился своими огорчениями с управляющим. Он посоветовал: «Летай на трассу. Налаживай работу штаба. Главное — ближе сойдись с людьми».

* * *

Ночью в окно вагончика полыхнуло багровое зарево. Накинул тулуп и выбежал на улицу. Пожар? Горело общежитие. Жильцы выламывали оконные рамы, выбрасывали подушки, стиральные машины, узлы. Женщина босая, простоволосая стояла рядом на снегу. Из дома выбежал мужчина с ребенком, отдал его мне на руки, метнулся обратно. Ребенка я спрятал под тулуп. Опасаясь, что дом начнет заваливаться, мы стали оттеснять людей подальше. А они будто оцепенели. Стояли и глядели, как горит их кров,

добро... Пострадавшие семьи в ту же ночь приютили знакомые, друзья. Большая беда в Лунном.

* * *

Наутро вызвал управляющий трестом.

— О пожаре в поселке знаешь? Надо выручать погорельцев. Дома по фундам у треста есть. Сборные, из Волгограда. Но их еще привезти надо. Придется лететь в ЦК комсомола, пробывать вагоны.

По селектору — в отдел кадров:

— Подготовьте приказ о командировке Габля в Москву...

Лечу в Тюмень, там пересадка. На душе скребут кошки. Хоть не возвращайся в Сургут, если не сможешь выбить вагоны! Перед глазами — пожар прошлой ночью, сжавшийся в комочек мальчонка под тулупом.

Со мной летел Саша Ткаченко — заместитель начальника 107-й мехколонны. Ему надо на завод в Волгоград — организовать отгрузку домов, если... Если будут вагоны! Ткаченко, провожая меня на московский рейс в Тюмени, без особого воодушевления сказал: «Ни пуха!»

Пришел в ЦК комсомола, в отдел рабочей молодежи. Выслушали внимательно. Позвонили заместителю министра МПС Конареву. Напутствовали: «Если что не будет ладиться, звони». Окрыленный, с письмом из ЦК спешу в МПС. В бюро пропусков очередь на полдня. Объяснил, за каким делом прилетел, взмолился. Уважили. И вот я уже в приемной замминистра. Досада: Конарев в Совмине. Педантичный помощник, видно, хотел осадить: «У нас, молодой человек, все дела важные». Разговор пошел на повышенных тонах. По счастью, тут вошел сам Конарев, спросил, о чем

спор. Я сбивчиво объяснил. Замминистра пригласил в свой кабинет, вызвал главного диспетчера министерства: «Этому северянину надо помочь...»

В центральной диспетчерской МПС огромный электронный щит. Мигают лампочки... Девушки-телефонистки разговаривают с управлениями дорог всей страны. Где взять вагоны для Сургута? Эту головоломку решает сейчас главный диспетчер Министерства путей сообщения. Ведь лишних вагонов нигде нет. Наоборот, везде нехватка подвижного состава.

И второй день я провожу в ожидании вестей в МПС. К исходу дня телетайп передал: «Вагоны изысканы». Утром два сформированных эшелона отправляются в адрес волгоградского завода. Звоню в Волгоград Ткаченко.

— Вагоны ушли!

— Сколько?

— 150!

Первое мгновенье Ткаченко молчит, даже не решается поверить. А я уже диктую номера вагонов.

Иду по Москве, по Столешникову, не чуя под собой ног. Легко и радостно на душе.

* * *

Позвонил из Свердловска секретарь комитета комсомола Энергосетьпроекта. Пригласил на заседание партийно-хозяйственного актива института. С этим институтом у треста завязываются хорошие деловые связи. Свердловчане проектируют ЛЭП-500 Сургут — Уренгой. Коли мы в одной упряжке, то надо помогать друг другу. Наши идут на трассе с большим опережением, проектировщики стали опаздывать с чертежами и сметами.

Об этом я и сказал с трибуны в Энергосетьпроекте. Рассказал об условиях на трассе: лютые морозы, незамерзающие болота, оторванность от семей... Впрочем, это было, наверное, лишнее. Ведь многие из присутствующих сами разведывали трассу ЛЭП. Еще сказал об обязательствах треста: сдать участок ЛЭП до Тарко-Сале на полтора года раньше срока. Поддержите, выдавайте проекты и изыскания досрочно!

Из Свердловска вернулся с договором о содружестве. Теперь мы имеем кольцевые договоры о содружестве со всеми, кто связан с линией Сургут—Уренгой—с уральцами, комитетами комсомола заводов—поставщиков конструкций, с ташкентскими кибернетиками, рассчитавшими технологический режим работы на трассе.

* * *

У нас хорошая новость: бригада электролинейщиков Арифа Муратшина завоевала вымпел штаба ЦК ВЛКСМ по Западной Сибири. И еще бригада заняла третье место по Минэнерго. Летал вручать вымпел. Встретили, как своего. Парни немного даже удивлены, что оказались в числе лучших коллективов отрасли. Они и прежде работали «на уровне», но были в тени. Видно, звание комсомольско-молодежной бригады сыграло роль. В иные недели у них тройная выработка! Муратшин—бригадир «от бога». Лидер и формальный и неформальный.

* * *

Похоже, что со штабом стали считаться начальники мехколонн. Нас уже не принимают за массовиков-затейников. И я теперь не

чувствую себя «человеком со стороны». У меня способные помощники — члены штаба Нина Клименко, Павел Морозов, Ирина Тюрина. Саша Кочергин провел несколько рейдов по бесхозности.

У нас теперь только в Сургуте на учете около 200 комсомольцев. Есть ячейки в Нижневартовске, Нефтеюганске. Скоро примем добровольцев из отряда имени 50-летия целины. Пробиваем создание новых комсомольско-молодежных коллективов. Словом, работать стало веселее. Хотя у нас еще полно прорех. Идей много, а с воплощением пока слабо. Главная трудность: сезонность, трассовый характер работы. Больше общаемся по радио, чем очно.

• • •

...Тянет на трассу. Сегодня выдалась оказия слетать в Тарко-Сале. Летели над «пятисоткой», что проложили до Холмогор минувшей зимой. Обь разлилась, вся пойма в воде. Летим уже час над половодьем, а я все не могу оторвать взгляда от нашей ЛЭП. Посреди этого всемирного потопа стоят ажурные, серебристые, упирающиеся в синеву стальные опоры. И кажется: нет такой преграды, которую не преодолели бы создатели ЛЭП — монтажники из бригад Володи Упыра, Николая Торчука, Муратшина...

• • •

...В ночь на 30 ноября 1978 года погас свет в домах Сургута. Потухли огни на нефтяных вышках. Город проснулся в тревоге. Потемки, стужа, мороз за 40 градусов.

Оказалось, взорвался трансформатор на подстанции сургутских электрических сетей.

К утру энергоснабжение города возобновилось. Единственный оставшийся на ГРЭС трансформатор не мог, однако, нести двойную нагрузку. Все потребители, в том числе и на нефтяных промыслах Приобья, испытывали острую нехватку электроэнергии.

О случившейся беде узнали в Москве. Курьерской скоростью был отправлен с Украины в Сургут трансформатор. В горкоме партии работала чрезвычайная группа по ликвидации аварии. Знали: если выйдет из строя единственный оставшийся трансформатор, город останется без электричества и тепла.

Такова была обстановка на утро 30 ноября. Оставался единственный выход: перебросить через пойму Оби энергомот, чтобы подключить город к ЛЭП-110 Усть-Балык — Островная через подстанцию Водная.

В считанные часы в Запсибэлектросетьстрое был разработан проект аварийной ЛЭП. Главная загвоздка: на чем крепить опоры? Ведь сваи нельзя бить в лед! И тогда у инженеров треста родилась идея: лежачий фундамент из свай!

Комсомольско-молодежная бригада Муратшина получила приказ лететь на трассу аварийной ЛЭП. Никого не удивило, что выбор пал на Муратшина.

..Выдержит ли лед на Оби тяжелую технику электролинейщиков? Толщина льда на середине фарватера не достигала 40 сантиметров. Муратшин не меньше других знал, как велик риск. Поэтому он сам сел за рычаги тяжелого болотного трактора. Бригадир тронул — и трактор на широких гусеницах сполз на обский лед. Дверцу Ариф держал открытой. С ним пошел в пробный рейс начальник участка Михаил Тарасян. А впереди болотохода шел более легкий гусеничный транспортер ГТТ, ведомый Михаилом Ярковым.

Люди на берегу молча смотрели вслед.

Метр за метром отдалялись ГТТ и болотник. С берега мы не заметили, как по льду во все стороны побежали трещинки. Как по стеклу, в которое угодил рикошетом камешек.

Зато Ариф хорошо видел эти трещинки.

Наконец караван достиг острова посреди Оби. Муратшин помахал рукой тем, кто наблюдал с берега. Дескать, лед держит!

Дальше дирижировали инженер Борис Линкун и Муратшин. На берегу сварили из стального листа помост. Болотоход запрягли, и он волоком затащил на лед установленный на помосте тяжелый кран. Собранные на полигоне опоры вертолетчики тоже забрасывали на лед. Второй болотоход подтаскивал с берега сваи. Одно звено установило сваи плашмя на идеально ровную поверхность льда и скрепляло их «хомутами». А кран шел следом и ставил опоры на фундамент. Так они и продвигались. Люди Муратшина ставили опоры, а бригада Раиса Габдурахманова навешивала провод.

В первый день поставили 12 опор. В обычной обстановке такое невысказано. Да и все, что происходило в те дни на обском льду, было невысказанным.

На второй день поставили 14 опор, в том числе две — на острове. А мороз все не отпускал — все за сорок. Муратшин и его люди ночевали в вагончиках прямо на берегу. И в сумерках работа не прекращалась. Зажигались прожекторы.

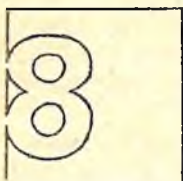
Единственное ЧП произошло в последний день. Вместо привычного МИ-8 опоры привез МИ-6. Экипаж не был, видимо, предупрежден, что на лед запрещено садиться. Вертолет выгрузил опоры и приземлился на лед Оби в сорока шагах от электролинейщиков. Когда 30-тонная «стрекоза» села на лед, раздался треск, от берега до берега пробежала трещина. И выступила

вода! Муратшин ринулся к вертолету: «Взлетай!» Пилот оторвал машину одним махом, покружил и улетел восвояси, убедившись, что пронесло.

...ЛЭП через Обь перебросили за шесть дней. На седьмой день подключились к подстанции Водная. Многокилометровый электрический мост был наведен в небывало короткий срок. Город, промыслы, насосные станции на нефтепроводе получили надежное энергоснабжение. И лишь тогда, на седьмой день, люди Муратшина вернулись к семьям — живые и здоровые.

Мало кто из стотысячного населения города Сургута знал о происходящем. Город жил своей будничной жизнью и в те часы, когда горстка людей на обском льду сражалась за свет, тепло и покой в домах.

Строительство города Нижневартовска

Адрес:
г. Нижневартовск,
ул. Таежная, 13,
производственное
объединение Нижневар-
товскстрой

**Ударную стройку
представляет**

член бюро ЦК ВЛКСМ
с 1978 по 1982 год,
делегат трех съездов комсомола
буровой мастер

Владимир Глебов

— В областной молодежной газете «Тюменский комсомолец» прочитал я письмо рабочего парня из Башкирии. Интересное письмо, очень характерное для нашего времени. Суть его в следующем: захотел парень поработать на Тюменском Севере, «внести свой вклад в освоение нефтяных богатств Западной Сибири». Послал запрос сначала в наше объединение — Нижневартовскнефтегаз, потом в другую организацию, в третью... И отовсюду — вот

бюрократы! — прислали ему в ответ огромные анкеты. Будь, мол, любезен, сообщи: возраст, какими профессиями владеешь, каков стаж работы, образование и т. д. Парень обиделся и написал об этом в газету. Вот, дескать, сами агитируете, а как до дела дошло — начинаете выяснять: подхожу я или нет...

Парень этот, судя по письму, хороший, и мыслит он в общем правильно. Да, молодые руки очень нужны сегодня нефтяной и газовой Тюмени. И ежегодно только мой город — Нижневартовск принимает в свою рабочую семью тысячи молодых посланцев всех областей и республик страны. Едут к нам слесари и монтажники, строители и шоферы, буровики и операторы промыслов, तकелажники и геологи, сварщики и специалисты вышкостроения, бульдозеристы и крановщики.

Не случайно я так подробно перечисляю. Рабочие руки нам крайне необходимы, но — руки умелые, мастеровитые, знающие конкретное дело. Так что парень тот обижается зря. Анкета — не факт недоверия. Просто нам сегодня нужно четко знать, на что он способен, что умеет и где сможет принести наибольшую пользу.

В освоении Сибири начался качественно новый этап. Я подчеркиваю — качественно. И ныне на вымпелах комсомольско-молодежных коллективов впору начертать суворовский девиз: «Не числом, а умением!»

Вот и моему родному Нижневартовску очень нужны специалисты. Ну а если нет у тебя необходимой профессии — иди в училище, в техникум, в учебно-производственный комбинат. А для начала — в свой райком комсомола.

Юность строит города

Сценарий документального телефильма

Из затемнения на экране появляется панорама сибирской тайги. Кинокадры сняты с борта низко летящего вертолета. Хор и оркестр, приглушенно звучащие за кадром, неторопливый пролет над тайгой, длящийся почти две минуты, настраивает зрителя на лирический лад повествования.

Тем острее и ярче воспринимается внезапный переход к четырем коротким фрагментам репортерских интервью. Именно они, а не традиционно снятые сибирские красоты и становятся эпиграфом к фильму.

Цех. Грохот. Темнота. Улыбающийся парень в монтажной каске.

— Все это начинается заново, все мы своими руками строили. В основном молодежь. Обживаем необжитые края, Север... Вот это, я считаю, и есть ударная стройка!

(Здесь и далее интервью героев фильма даются дословно, по снятой с пленки стенограмме.)

Студия. Светло и тихо. Пятидесятилетний мужчина. Воротник рубашки ему маловат.

— Сейчас молодежь пошла такая, что ее не заставишь пойти по своим стопам.

Улица. Дождь. Двое парней рядом с репортером. Тот, что ближе к микрофону,— небольшого роста, в очках.

— Вот вы говорите: Всесоюзная! Ударная! Комсомольская! По-моему, все это ерунда.

Снова улица. Строящийся дом. Молодой человек в куртке «болонья».

— В город Нижневартовск ежегодно приезжают около трех тысяч ребят и девчат со всех уголков нашей страны.

Студия. В ней — главные действующие лица фильма и репортер. На одной из стен мы видим крупную надпись. Камера наезжает — читаем название передачи:

«Юность строит города»

Звучит ритмичная, резкая (в манере монтажа эпитафия) музыка. Закончив наезд на титр, камера расфокусирует изображение. Сквозь него наплывом проступают кадры сегодняшнего Нижневартовска. Все мокро, все блестит: новый асфальт, и стекла окон, и плащи и куртки прохожих. Вот детский сад, игровая площадка — дождь юным северянам не помеха. Вот молодая пара с коляской. Воробьи под струями воды плещутся в луже. На стройке мокнет транспарант: «Московские дома — нефтяникам Сибири!» Дети во дворе. Хозяйки с авоськами. Голос репортера за кадром:

— Когда наша съемочная группа прилетела в Нижневартовск готовить очередную передачу из цикла «Юность строит города», в городе девятый день шел дождь.

Струи воды, сумрак, робкая северная зелень. И тут же — тепло и уют студии. Перед камерой — девушка лет двадцати. Румяные щеки, живые глаза, стремительная речь. Это Лена Кулагина, боец отряда имени 25-летия целины.

— Помню, у нас райком как раз напротив нашего магазина был. С ребятами мы общались, со своими. Вот... Ну, они пригласили. Лена, говорят, поедешь! Рассказали про город про этот. Я в один день загорелась. Когда с пылу, с жару, наверное, быстрее! Сразу решение приняла — еду, все! Как! Что! Кем! Это все было какое-то... потустороннее.

Пришла в общежитие, объявила своим девчатам. Те не поверили, посмеялись надо мной, что я еду. Потому что мы все собирались поехать и как-то все откладывалось, откладывалось. Все разговоры одни. А тут! За три дня рассчиталась. Родителям когда сообщила, те... Им объявила — они сперва не поверили. Говорят, куда тебя несет! Там и холодно, и в палатках жить...

Я говорю — там город, а они не верят! В общем, утром я уже поехала. Двадцать шестого мы уже выехали в Москву.

Приезжаем мы туда, и оказывается: у всех пропуск есть в гостиницу «Россия», а на меня нет. Я так опешила! Думаю, может, моя специальность как раз и не требуется, поэтому меня и решили отстранить. Чуть в рез не ударилась. Потом нашли. Устроили. Два дня мы были в Москве. Как раз в эти дни съезжались с разных концов ребята — с Белоруссии, из Литвы. Собирались отряды. И вот, когда мы пошли на Красную площадь возлагать венки, поразило то..., что вот... масштабы! Мы-то приехали пятьдесят человек, а то выстроилась колонна, как раз от гостиницы «Россия», и мы опоясали всю площадь Красную. Шли по 12 человек в колонне, и вот так оглянешься — такой поток и идет, и идет, и идет. Думаешь: надо же, столько людей!

Берег Оби. Пасмурно. Вдалеке медленно режет тяжелую серую воду маленький катер, маячат стрелы портовых кранов. На берегу — мужчина лет сорока. Светлые редкие волосы, глаза с прищуром. Говорит не в камеру, а глядя в сторону, на реку.

— Это было в шестьдесят четвертом году, в середине июня. Высадились мы в этом районе. Нас было всего пять человек. Провели день ориентировочных работ. Ну, что было здесь! Берег был полностью покрыт лесом. Он подходил вплотную к реке. Погода стояла чудеснейшая. Солнце светило. Очень тепло было.

Репортер:

— Не так, как сейчас!

— Нет. Тепло было. Единственное, что нас мучило,— это гнус. Много было комаров, мошки. Одним словом мы называем — гнус.

Общежитие. Комната. Парень в белой рубашке сидит за столом. Говорит осторожно, подбирая слова.

— Я уже две недели здесь. Приехали — ничего не знаю о городе, стройке... Что было делать! Пошел в штаб комсомольской стройки. Я ведь комсомолец. Ребята помогли мне. Сразу определили меня. Дали направление на завод по ремонту автомобилей. Пришел туда, а там как раз требовались слесари. Быстро прошел медкомиссию, за три-четыре дня, и сейчас работаю на заводе.

Студия. Журнальный столик. В кресле — пятидесятилетний мужчина. Это геолог Евстигней Федорович Липковский. Светлый костюм, рубашка и галстук в тон.

— Вы представьте себе! Вот один бульдозер — «сотка». И он, значит, делал дорогу. Вот. Не было мощных тракторов, таких, как сейчас. И надо было мощные сосны, кедры свалить, надо их растолкать, надо сделать дорогу. Надо где-то болото... пройти, чтобы все промерзло. Вот если кто-то может себе представить, то, значит, тут удивляться не надо — сколько можно было до Самотлора добираться. Одной «соткой», одним трактором делать дорогу.

Сейчас ведь идет «катерпиллер», он мерзлоту на метр целый режет — все раздвигает, расчищает. Сейчас проще все это делается. Тогда, конечно, это было... Просто нехватка техники! Не

было абсолютно нигде никаких дорог... Не было. Все вновь надо было делать. Все вновь!

Замолкает. Смотрит на репортера. Набирает побольше воздуха и продолжает.

— Тайга. Дремучая тайга. Болота, топи. Один трактор засел — значит, другой вытаскивает. На это все время идет. Друг друга таскают. Не было ГТТ, как сейчас. Сейчас привыкли, знают. Проходит ГТТ, за ним «болотник». Потом технику, после того как проморозит, везут. А тогда просто идет обыкновенный трактор по снегу — бах! Упал! Провалился! Тракторист выскочил! Начинают вытаскивать. Вытащили — дальше идут. Только так, иначе никак нельзя было.

Вахтовый автобус. За окном — дождь. У окна, подперев щеку рукой, — бурильщик Арслан Миннибаев:

— Вот так мы и учились работать и бурить на Самотлоре.

Скатываясь вниз с пронзительно высокой ноты, на кинокадры, снятые на буровой, обрушивается музыка — мы слышали ее на титрах фильма. Спуск-подъем инструмента. Верблюжьи плевки глинистого раствора. Грохот ударных инструментов. Лязг ключа о трубу. Взлет свечи. Рука в брезентовой рукавице на рычаге лебедки. Лица людей, не замечающих камеру. Нет улыбок. Никто ничего никому не говорит. Это — работа.

И снова мы в Нижневартовске.

Улица. Двое рядом с репортером. Говорит невысокий парень в очках. Блестит под дождем кожаная кепка.

— Вот вы говорите: Всесоюзная! Ударная! Комсомольская! По-моему, все это ерунда. Вот раньше стройки были... Комсомольск-на-Амуре, Магнитка, Днепрогэс. А сейчас что? Мне кажется, ребята приехали подзаработать деньги — на квартиру, на машину... Заработали — и уедут.

Улица Нижневартовска. Строящийся дом. На переднем плане — молодой человек в куртке «Болонья» — начальник штаба ударной комсомольской стройки Юрий Борисов.

— Одна причина — не устраивает место работы, не устраивает заработная плата. Но я считаю, что если человек приехал сюда работать, если он действительно в душе молодой, то он всегда сможет перебороть трудности и всегда сможет работать, зная, что этот труд очень нужен Родине. Некоторый процент молодых людей приезжают сюда... так сказать, не только за романтикой. Есть такие люди, которые, приезжая сюда, ставят на первое место заработать побольше денег.

— А это плохо!

— Я лично считаю, что не нужно ставить на первый план деньги. Мне кажется, что, пока ты молодой, пока есть силы, нужно строить новый, красивый, молодой город.

Студия. Перед камерой — буровой мастер Степан Осадец. Тридцать лет. Говорит то хмурясь, то улыбаясь.

— Я поступил в училище после одиннадцатилетки. Кончил его и после службы в армии, в 1970 году приехал сюда с другом, который закончил нефтяной техникум. Тогда уже здорово гремел Нефтеюганск, Урай и писали много о Самотлоре, что это месторождение нефти и что здесь требуются молодые руки. Рассказывал мне о городе и брат, он ездил сюда со студотрядами. Он мне и говорит: «Поезжай, попробуй утвердиться в жизни. Не получится — вернешься, будешь работать на промыслах Прикарпатья».

Приехал. Цель была — на три месяца, а вот задержался на одиннадцать лет. И ведь, знаете, тянет сюда... Чувствую, что я нужен, что здесь идет живая работа. Чувствуется ритм, ритм стройки. Огромной стройки!

Подыскивая слово, трет руками, оглядывается по сторонам.

— Город рос на глазах! Город, который мы видим в газетах, журналах, по телевидению,— его не было! А сейчас!!

И хотелось бы, конечно, чтобы к нам побольше молодежь приезжала. И приезжала молодежь серьезная. Ведь приезжают люди, буквально, которые думают заработать там... такой длинный рубль [показывает]. Рубли кругом одинаковые. Надо работать добросовестно.

И снова — обвалом — тридцатисекундный монтаж кинокадров. Строится дом. Летит в небо на стропах бадья с раствором. Девчонка в косынке моет заляпанное известкой окно, и на наших глазах за стеклом, как в ванночке с химикалиями, проступает, проявляется панорама молодого города. Сочно шлепается в раствор белый кирпич. Плышет, скрывая солнце, плита перекрытия. Парень снимает каску и тыльной стороной ладони размазывает по мокрому лбу цементную пыль. Мелькание этажей. Кричит прораб. О чем-то мечтают на балконе две подруги, у ног которых — целый город...

Студия. Геолог Липковский внимательно, с долей беспокойства смотрит на собеседника. Воротник рубашки он все-таки растегнул.

Репортер:

— Вы говорили о ваших детях, что никто не пошел по вашим стопам.

На лице Липковского — улыбка, в которой и растерянность, и понимание, и сожаление, и все его пятьдесят лет.

— Наверное, дети насмотрелись на мою работу, как я приезжал с буровой. Показалось страшновато. В то время очень трудно было, тяжело работать. Буровые далеко, автобусов не было. Когда разбурили Ватинскую площадь, ездили туда в «зилке». Полтора часа туда и столько же обратно. А все удобства — со-

лома в кузове. И никто не скрипел, никто не отказывался. Сейчас молодежь пошла такая, что не всегда можно на нее подействовать, чтобы она пошла по стопам родителей.

Крупный план — интеллигентный молодой человек. Естественно, в очках. Худощав. Аккуратная стрижка, темный костюм. Это инженер-технолог Владимир Повх. Его отец, Степан Ананьевич, пробурил на Самотлоре первую эксплуатационную скважину.

— Мы его практически не видели. Отец если появлялся, то часов в девять-десять вечера. Мы уже укладывались спать. А утром, когда он уезжал на буровую, мы еще спали.

Репортер:

— А как ты стал буровиком? Это наследственное?

— Я бы назвал это — судьба. Хотя я не фаталист [смеется]. Хотел быть не буровиком. Я поступал в МГУ, но не прошел по конкурсу. И решил, что снова подготовиться, если буду работать, навряд ли смогу: могу чем-нибудь отвлечься. И в тот же год поступил в Московский нефтяной институт. Тем более это была единственная специальность, о которой я имел представление. Прочился год — понравилось. Закончил. Сейчас работаю там же, где работал отец, в том же управлении. Просто... иначе не мог. Вырос я здесь.

Снова в кадре парень в кожаной кепке. Придвинувшись к репортеру, он настойчиво твердит в микрофон:

— Мне кажется, ребята приехали подзарабатывать деньги — на квартиру, на машину. Заработают — и уедут.

— А вы!

— А что — я! Тоже уеду.

В разговор вступает молчавший ранее сосед — худой, высокий, с непокрытой головой.

— А я, например, завтра уезжаю. Приехал. Здесь уже два

месяца. Ни работы, ничего. Для того чтобы работать, нужно прописаться. Для того чтобы прописаться, нужно работать. Вот пожалуйста, уезжаю!

— А вы не пробовали куда-нибудь обращаться!

— Куда! Кому я тут нужен!

В нарастающем темпе сменяют друг друга короткие отрывки интервью. В кадре — улыбающаяся во весь экран Люда Кулагина.

— Тут такой конфуз получился. Я узнаю, что хлеб-соль принимать мне! Это было так неожиданно, я растерялась. Иду — ничего не вижу, спотыкаюсь. И вот, когда я приняла хлеб-соль, я поняла: теперь — все, мы — нижевартовцы, свои люди здесь!

Деловит и серьезен начальник штаба стройки Юрий Борисов:

— Причины, побуждающие молодежь ехать в новые регионы нашей страны, осваивать новые места, мне кажется, не нужно раскрывать. Это ясно всем. Молодежь наша стремится, ну... как это сказать... отдать все свои силы, свои знания на то, чтобы наша страна процветала, чтобы наши новые города выросли быстрее. И чтобы в них были и красивые дома, были детские садики, были объекты соцкультбыта...

Строитель Иван Биняев все так же глядит на реку.

Репортер:

— Иван Иванович, сколько вам было лет!

— Двадцать один год. Сказалась тяга к романтике.

— Как вы считали, будет город или нет!

— Мы просто не знали о том, что будет город. Знали, что здесь будет небольшой поселок на пятнадцать тысяч жителей. Для нефтяников и геологов.

Скупое по фразе говорит в микрофон репортера бурильщик Арслан Миннибаев:

— Люди как-то верили в себя... Тогда такое рвение, надежда

была... Надо было бурить скважину... Это большое дело... Мы уже знали, что там нефть есть. Но надо было ее достать, научиться бурить. Вот так мы и учились работать и бурить на Самотлоре.

С полуслова продолжает свой рассказ бурмастер Степан Осадец:

— ...В бригаде Левина я работал. Пошли мы бурить. Там была интересная конструкция скважины. Подходим мы с помощником бурильщика, он мне и говорит: «Где же труба!» Я говорю: «Как где!!» В самом деле, трубы нет. Прихожу к Левину. «Михалыч, куда-то труба делась». «Да куда она могла подеваться? В космос улетела, что ли!!» На самом деле из-за большого грифона [это когда раствор пробивается не через устье скважины, а в других местах] труба действительно «улетела» — только вниз. Для меня это была полная неожиданность. Никогда не встречал подобного.

Перед нами на экране сменяют друг друга портреты героев фильма.

В кадре — молодежный вечер в красном уголке рабочего общежития. Шум, музыка, чей-то смех. Через весь зал бежит парень, прыжком взлетает на сцену. Шум стихает. Парень берет в руки микрофон и читает свои стихи:

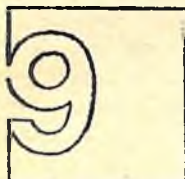
«Я люблю тебя, жизнь!» —
Кто не знает слова этой песни?
Запоешь — и шумит
Над тобою листва.
«Я люблю тебя, жизнь!» —
И летят журавли в поднебесье.
«Я люблю тебя, жизнь!» —
Как похожи на клятву слова!
«Я люблю тебя, жизнь!»
От тебя не желаю
Персональных машин

И изысканных блюд.
Жизнь, я знаю —
Бываешь ты трудная. Знаю!
Но такую, пожалуй,
Тебя я сильнее люблю.

Шквал аплодисментов буквально сдувает со сцены смущенного автора. Включается фонограмма — рубящие, четкие аккорды большого оркестра. Как метроном, они отсчитывают время жизни на экране коротких монтажных планов: кружащаяся, словно в вальсе, буровая, взлетающий «Антей», панорама огромной стройки, машинный зал электростанции, журавлиный косяк в хмуром небе. На последнем плане оркестр замирает, будто боясь спугнуть с экрана этих прекрасных птиц. Камера провожает летящих над Сибирью журавлей. Следуют титры.

(Тридцатиминутный телефильм «Юность строит города» был снят на Тюменской студии телевидения. Он удостоен диплома Всесоюзного фестиваля телевизионных молодежных программ в г. Алма-Ате.)

Обустройство нефтяных месторождений Нижневартовского района

Адрес:
г. Тюмень, ул. Ленина, 67,
Главтюменьнефтегаз

Ударную стройку представляет

Герой Социалистического Труда,
секретарь Тюменского облсовпрофа,
бывший первый секретарь
Нижневартовского горкома КПСС

**Василий Васильевич
Бахилов**

— Помню, с каким энтузиазмом взялась молодежь за обустройство главного нефтяного промысла страны. Но уже в то время мы отчетливо понимали, что самотлорские заботы и самотлорские проблемы — не единственные. Самотлор окружен целым созвездием нефтяных месторождений, и комсомолия Нижневартовска и Мегиона стала своими руками создавать достойную оправу Самотлору.

Весом был вклад молодежи Мегионской ордена «Знак Почета» нефтеразведочной экспедиции, коллектив которой продолжает интенсивную разведку новых месторождений Нижневартовского района. Всегда с радостью приезжаю я в комсомольско-молодежный трест Мегионгазстрой, специализирующийся на обустройстве нефтяных промыслов, на строительстве газоперерабатывающих предприятий. Долгое время комсомольскую организацию треста возглавлял Василий Сондыков, выросший в таежной хантыйской деревушке и ставший строителем. Теперь Сондыков секретарь парткома треста, но по-прежнему в центре его забот полутысячная армия комсомольцев Мегионгазстроя, ряды которой пополнили бойцы ударных отрядов имени XXVI съезда КПСС и имени 25-летия целины.

Подлинный интернационализм — основная особенность ударной стройки. Здесь трудятся представители сорока четырех национальностей нашей страны. А другой отличительной чертой этой всесоюзной ударной я бы назвал создание комсомольских подразделений высокого ранга, которым тесны рамки бригады. Комсомольские участки, управления, тресты — они выдвинуты на самые передовые позиции, и поступь ударных отрядов комсомола уверенна и широка.

Александр Швирикас

Здесь наш причал

Хроника освоения: год 1964-й. Началась промышленная эксплуатация месторождений Тюменской области. Первые тысячи тонн

нефти залиты в танкеры на причалах Усть-Балыка, Сургута, Мегиона. По призыву партии осваивать новый нефтяной район прибыли коммунисты Азербайджана, Татарии, Башкирии.

Отец

...Ведущая телевизионной передачи «От всей души» Валентина Леонтьева рассказывала о покорителях Тюменского Севера, представляла героев передачи.

Но вот на сцену поднялись сразу двенадцать человек. Одна семья. Полтора десятка лет назад старший из них решил переехать из Башкирии в нефтяное Приобье, в поселок на берегу таежной речушки Мега. В переводе с языка ханты Мега — крутой поворот. Крут был и поворот судьбы Владимира Яковлевича Рудольфа. Жена, сыновья, дочери в 1964 году приехали с ним в Мегион. Жена, Христина Адамовна, сошла на причал, держа на руках грудного Васю. И дети, самый старший из которых еще заканчивал школу, увидели крохотный, неуютный поселок. Все только начиналось в Мегионе.

Глава огромной семьи и не ждал особых условий. Разместились в списанном вагончике, выделяющемся среди прочих временок лишь кедром под окнами. У руководителей промысла возникла проблема: куда лучше определить на работу Владимира Яковлевича? Специалист он отличный, опытный. Рассеял сомнения сам Рудольф:

— Ставьте в «подземку». А за нас не беспокойтесь!

Рудольф закрепился в подземном ремонте, требующем изрядной физической выносливости, легкости на подъем. И эти качества очень скоро понадобилось проявить.

Небывалый напор паводка выплеснул пенные потоки на пло-

щадки, с таким трудом отвоеванные у болот. промысел ушел под воду. А ведь уже плывут по Оби наливные баржи и танкеры, торопятся принять мегионскую нефть. Пока есть запас в резервуарах. Но надолго ли? Надо срочно открыть задвижки!

На экстренном заседании к нефтяникам обратился начальник промысла Иван Иванович Рынковой:

— Приказывать не имею права. Прошу, останьтесь, кто умеет нырять.

Задержались Владимир Яковлевич Рудольф, его земляк и ученик Саня Суздальцев, Иван Быковский. Никаких громких слов при этом произнесено не было. Есть ситуации, где слова не нужны.

Владимиру Яковлевичу вместе с другими промысловиками еще не раз довелось нырять в ледяную воду, гасить лесные пожары, на широких охотничьих лыжах идти вдоль трубопровода в метель и пургу. Выражение «прошел огонь, воду и медные трубы» по отношению к таким людям понимается почти буквально. Только трубы не медные, а стальные, пульсирующие теплой северной нефтью.

Хроника освоения: год 1967-й. Нефтегазодобывающее управление Мегионнефть — единственное в Нижнеартовском районе. Доставка нефти осуществляется только водным транспортом.

Виктор

Преподавательница музыкальной школы предлагала направить Виктора Рудольфа в консерваторию, считая необходимым продолжить музыкальное образование парня. Но тут семья уехала из Башкирии. Выпускной класс Виктор заканчивал уже в вечерней школе Мегиона, работая на промысле учеником оператора. Баян лежал в футляре. Еще один баян был у Сашки — давнего приятеля

ля, который, как и Виктор, перевелся в школу рабочей молодежи и определился на промысел. Такое совмещение было вполне возможно: операторы по перекачке работали тогда сезонно — только во время навигации.

Река в тот год вскрылась необычно поздно — в середине мая. И только унесло ледяное крошево, как пошли с востока по рыжей воде нефтеналивные суда. На нефтепричале началось время пик, растянувшееся на несколько недель под бессонным северным солнцем.

...Однажды с ближнего танкера раздались всхлипы баяна. Мелодия была с трудом различима сквозь череду неверных аккордов. Видимо, новичок пытался подобрать по слуху новую песню.

— Самодеятельность! — переглянулись Саша и Виктор. — Слушать обидно! — И поторопились переключиться на следующий, последний отсек стоящего под наливом судна.

А горе-баянистом оказался вихрастый матрос, впервые, наверное, надевший тельняшку. Вот он встал на борту, изготовившись кинуть чалку.

— Стой! — истошно закричал Саша. — Не бросай. Нельзя!

Виктор тоже увидел, что в руке у матроса — металлический причальный конец. А проволочные чалки на нефтеналиве запрещены. Одна искра — и все хозяйство может полыхнуть, как порох. Капитан тоже услышал крики и дал знак быстро заменить трос. И вот в руках у Виктора пеньковый канат, который он восьмеркой наматывает на носовой стойке, а Саша тем временем крепит кормовой.

Провинившийся практикант бухает тяжелыми башмаками по гулкой палубе, пытаясь помочь своим сверстникам. Но в ворохе тяжелых шлангов, череде внушительных задвижек не так просто разобраться новичку.

— Кончай самодеятельность! — осадил практиканта Саша.

— Тут тебе не кнопочки баянные,— сухо добавил Виктор.

Их наставник Яков Александрович Мартын понимающе глянул на чумазых своих помощников.

— Не обращай внимания,— сказал он парню лукаво,— им просто песня понравилась — вот и просят тебя на «бис»!

Прощались с практикантом тепло.

— У нас «вертушка» — семь суток,— солидно пояснял новый товарищ. Это означало, что через неделю танкер сделает полный оборот и снова подойдет к мегионскому причалу.

Знакомая самоходка прибыла ровно через неделю, в час, когда заканчивалось дежурство Виктора. Он сначала увидел знакомую мачту с рубиновым сигналом, двигающуюся вдоль тальников, потом ее зыбкое отражение в успокоившейся, поголубевшей воде. Через несколько минут оба друга услышали уже знакомые аккорды и возле лебедки разглядели нового товарища. Играл матросский баян, выводил уже увереннее полюбившуюся песню. Но вот сбился солист. И тут неожиданно разом откликнулись, пришли на помощь два береговых баяна, истомившихся за долгую зиму в холодных футлярах. На слух взяли и дружно повели песню два чумазых паренька.

Комсомольско-молодежный коллектив промыслового управления Мегионнефть вскоре признали лучшим в Ханты-Мансийском автономном округе. Почетными грамотами окружкома ВЛКСМ награждена и агитбригада мегионских промысловиков, в которой на первых ролях были Виктор, Владимир, Александр и их сестра Эльвира. Семейный ансамбль гастролировал в рыбацких и охотничьих поселках. Виктор — баян, Эльвира и Саша — лирический дуэт.

И тут пришла пора армейской службы. Владимир Яковлевич

имел право просить отсрочку для сыновей. Пришел к Рынковому:

— Похлопочи, Иван Иванович, перед военкомом.

Рынковой вызвался с охотой. Но оказалось, не так понял Рудольфа. Отец настаивал, чтобы парней призывали в срок, со своими сверстниками.

Виктор служил в пехоте. Из армии писал: «Стал чемпионом Спартакиады Вооруженных Сил по спортивному многоборью, получил первые разряды по лыжам и спортивной гимнастике».

Старшим из детей в семье остался Владимир, второй сын Рудольфов.

Хроника освоения: год 1970-й. Успешно завершается первая нефтяная пятилетка Нижневартовского района. Промыслы переведены на круглогодую добычу.

Владимир

Тысяча пельменей уже отложена, теперь лепили только в запас. Все сидели в большом «зале» отцовской квартиры, который сделали, убрав перегородку между двумя комнатами. Татьяна, жена Владимира, то и дело поглядывала на часы, все более сокрушаясь:

— Куда он пропал? И надо же — в такой день...

Сегодня семья отмечала день рождения Ольги — первой внучки.

Владимир Яковлевич долго противился желанию сына стать ремонтником. Специальность слесаря по обслуживанию промышленных агрегатов по физическим нагрузкам превосходила даже «подземку».

...Словно переключили семафор, янтарное низкое солнце вдруг на глазах стало багровым, окрасив розовым глубокий снег. Север-

ная зима обметала игольчатым инеем усы, так настудила влажный воздух, что першит в горле, если нечаянно хватанешь его полной мерой молодых легких. Но на промысле и в такую стужу далеко не мертвый сезон. Теперь нефтяная навигация протекает по руслу трубопроводов!

На дальней кустовой станции, вынесенной на насыпную площадку, насос работает нечисто, со сбоями. Владимир Яковлевич, обслуживающий эту группу скважин, вчера дал знать инженерам о возможной поломке. Диспетчер распорядился вызвать слесарей. Свободными оказались братья Рудольф. Вот они и приехали на вахтовом «Урале». Продрогли под брезентовым тентом — руки не слушаются.

— Ничего, сейчас отогреемся,— сказал Виктор. Проваливаясь в снег, они идут к ребристому ящику кустовой.

От вибрации содрогается пол станции, надсадно гудят механизмы. Отключив крайний насос, братья стали снимать крышку. Побагровев от напряжения, отчаянно балансируя, чтобы не накапать на ноги литой круг, кое-как откантировали его и прислонили к стене. Оба разом потянулись к открывшемуся отверстию и, недоумевая, переглянулись. Здесь их вмешательства не требовалось. Завинтив последнюю гайку, они в изнеможении сели прямо на вибрирующий пол, вытянув ослабевшие ноги.

Тут весь в клубах пара, в коротком овчинном полушубке, белом вязаном подшлемнике, похожем на спортивную шапочку, ввалился в их гремучий ящик отец и долго стоял у входа: ждал, когда расклеятся заиндеветшие на сумасшедшем морозе ресницы.

Троим явно не уместиться в узком пространстве между насосами. Отец, взяв массивный ключ, дал знак одному из братьев отойти в угол. Оба замялись. Никому не хотелось стоять в стороне. Тогда Владимир Яковлевич сунул ключ Владимиру. Вторую

крышку сняли куда быстрее. Владимир нагнулся, стараясь найти неисправность. Отполированные детали тускло поблескивали в слабом свете: все было точно так же, как и в первом насосе. Неужели еще раз ошибка? Словно угадав его сомнения, отец как бы случайно ткнул измазанным солидолом пальцем в одну из прокладок и тут же быстро отошел, предоставляя сыновьям полную свободу действий...

— Скважины что малые дети — одна послушная, тихая, другая с характером. А вот «шестая» — капризная, все ждешь, что какой-нибудь фортель выкинет, — сказал отец, деловито запаковывая в последний пельмень двухкопеечную монету — на счастье.

**Хроника освоения: год 1973-й. Ускоренная разработка Само-
лорского месторождения. Возрастает значение Нижнеартовско-
го нефтедобывающего района. Одновременно увеличивается роль
спутников Самолора.**

Александр

Как и старшие братья, Саша демобилизовался в начале зимы. Вернулся он в Мегион после службы на Балтике не один, а с женой Валентиной, медичкой из Ленинграда.

Вакансий тогда в Мегионе было много. Но уже набирал силу соседний Самолор, соединенный наконец с Мегионом надежной бетонной дорогой.

Оценив ситуацию, старшина второй статьи тут же сообщил семье о своем выборе: «Еду на Самолор...» Он всегда торопился. С детства был такой.

— Понимаешь, отец, — горячился Саша, — мы застолбили самый первый участок. А настоящая золотая жила — рядышком. Так

стоит ли копать здесь только потому, что мы уже привыкли к Мегиону? Одна скважина на Самотлоре дает нефти столько, сколько дюжина у нас.

— Ну что ж, действуй,— хмыкнул Владимир Яковлевич.— Формальностей-то всего — трудовую книжку из конторы в контору перенести!

Сын недоуменно глянул на него.

— Ты думал, я тебя отговаривать буду? — весело продолжал отец.— Ни в коем случае! Сколько хороших ребят туда уехало! Был бы ты в то время, и тебя за компанию бы сманили. Понимаешь, в тот год надо было бросить на Самотлор кадры местной выучки. Вот наше управление и стало главным поставщиком кадров. Теперь там порядочек... Так что ты на самотлорский автобус опоздал!

По мнению Владимира Яковлевича выходило, что прошло то время, когда переход на Самотлор был оправдан. Теперь уже не Самотлор, а группа соседних месторождений более всего нуждалась в притоке свежих сил.

— Твой приятель Виктор Мартын после службы на флоте тоже сгоряча на Самотлор подался,— заметил Владимир Яковлевич словно невзначай.— Однако сейчас вместе с отцом — в Мегионе. Нынче они первыми на Аганское месторождение выходят! Морской десант! — улыбнулся он.

И Сашка понял: отец верит, что и моряк Балтийского флота бросит якорь у местного причала.

Саша остался в Мегионе. Вскоре одного из лучших операторов наградили значком «Молодой гвардеец пятилетки». Коммунист Александр Рудольф уже сам наставник новичков-нефтяников. Один из них — его брат Артур.

Хроника освоения: год 1976-й. Нижневартовский район постав-

ляет нефти больше, чем вся Татария. Продолжается разработка новых месторождений. На промыслах используются современные методы добычи.

Артур

Александр и Артур в Тюменский индустриальный институт поступали вместе. Саша готовил младшего, освежая и для себя забытые за время службы предметы. Приемная комиссия отдала предпочтение старшему, у которого уже внушительный стаж работы в нефтяной промышленности. Радость отца, довольного тем, что третий сын нашел в себе силы взяться за учебу, была неполной. Он очень рассчитывал на Артура. Учителя особенно выделяли его математические наклонности. Как бы первая неудача не остудила парня.

— Не беспокойся, батя,— сказал Саша.— У нас впереди целый год. Продолжим подготовку без отрыва от производства.

Артур Рудольф поступил на промысел учеником оператора, а его наставниками стали отец и Александр.

...Оба брата быстро втянулись в эту игру, находя особое удовольствие в разрешении практических головоломок, которые предлагал промысел. Артур от других был слышан о всевозможных происшествиях на участках, и ему непременно хотелось стать героем дня, ликвидировать или предупредить серьезную аварию. Саша подзадоривал брата при каждом удобном случае.

— А что ты будешь делать, если заметишь неисправность вот здесь? — тоненько обводил он карандашиком на плане участка линию.

Артур хмурил брови, старательно ерошил чуб, мучительно соображал. Наконец нехотя признавался:

— Честное слово, не знаю!

Александр выжидал немного, потом делал несколько штрихов на плане:

— Теперь ясно?

Понятливый ученик оператора тут же досадливо щелкал пальцами и уже сам развивал предложенный братом вариант. Долго длилась эта очень серьезная игра в нефтяные головоломки. И старания Александра не пропали даром.

Трактор, перевозающий материалы для строителей, случайно повредил одну из линий, по которой нефть поступала на сборный пункт. Молоденький тракторист прибежал к промысловикам совершенно растерянный, он даже толком не мог объяснить, где находится брошенный им механизм. Беспомощность виновника аварии передалась было и Артуру. Он кинулся искать место порыва наудачу, но вдруг вспомнил один вариант, который они недавно проигрывали с братом.

Он круто повернул к распределительной «гребенке» — веренице задвижек — и по показанию манометров точно засек, какой из подводящих коллекторов нефтесборной сети поврежден. Остальное было делом техники.

Утром на планерке Артур краснел от похвал.

— Пора присвоить тебе производственный разряд, — сказал начальник участка.

Отец и брат первыми поздравили его с началом трудовой биографии...

Артур после практики был призван на военную службу. Пехота, авиация, морской флот — казалось бы, все рода войск известны братьям Рудольфам. Но Артур и здесь отличился — стал строителем на Байкало-Амурской магистрали. Парню пришлось

по душе Восточная Сибирь, но после службы он вернулся в Мегион на промысел. Работает вместе со старшими братьями.

Хроника освоения: год 1978-й. 10 июня. Почетная вахта в честь первого тюменского миллиарда тонн нефти. В этот день за сутки добыто в три раза больше топлива, чем за весь 1964 год.

Мать

Вот и накатились белые ночи, вернее, их самый приметный для северян период, когда к одиннадцати вечера солнце касается реки, подсвечивая барашковые облачка в спокойном небе, и так играет ими до той минуты, пока не придет пора снова устремиться в зенит.

Почему же она раньше считала, что белые ночи бывают только в Ленинграде?

Христина Адамовна идет мимо ряда простеньких двухэтажных домиков, добираясь до центрального товарного парка,— здесь она работает. По-прежнему трогает ее сердце эта волшебная пора белых ночей. Только куда приятнее в прошлые годы было собираться на ночную вахту вместе с Валею—Сашинной женой. Валя тоже удивлялась белым ночам, хотя и ленинградка. Удивлялась и с грустью вспоминала оставленный ради Саши город.

Валентина с Сашей вначале жили в большой коммунальной квартире, дожидаясь отдельного жилья. Строители не успевали, и на окраинах появлялись вагончики буровиков и трассовиков. На пути к товарному парку женщины проходили через несколько поселков из вагончиков с дощатыми пристройками.

Христина Адамовна не говорила Вале о том, что на очередном заседании профсоюзного комитета, где распределяли жилье, председатель цехкома Владимир Яковлевич Рудольф предложил

отодвинуть очередь Александра, «имеющего сносные бытовые условия», и в новую квартиру въехал оператор, пусть и с меньшим стажем работы на промысле, но зато многодетный, как не без улыбки заметил муж, потому что приходилось именовать многодетной семью, где всего-то трое ребят.

А потом наступил все-таки день, когда отец вручил Александру ключи и показал рукой на дом напротив.

— Большинством голосов при одном воздержавшемся цехком удовлетворил вашу просьбу!

Христина Адамовна знала и то, что воздержался сам председатель. Он бы снова голосовал против, если бы мать не сказала ему о тайне невестки. И вот сейчас Валя не работает, все с нетерпением ждут, когда появится на свет еще один внук.

Мать одна подходит к воротам центрального парка. Он напоминает огромную доску с расставленными для игры шашками. Серебристые резервуары для отстоя нефти — это «белые». А «черные» — еще не окрашенные, только что смонтированные резервуары на другой стороне парка.

Оказавшись на месте, Христина Адамовна не смогла удержаться от восклицания. Всюду: на подоконниках, на столе, на огромном пульте — стояли душистые букеты черемухи.

— Кто именинник? — чуточку растерянно спросила она.

— Все мы именинники. Сегодня ждем первый миллиард.

Значит, сегодня электронные счетчики регистрируют первый тюменский миллиард тонн, добытый на всех промыслах области! Такие же, как она, операторы делают сейчас отметки в режимных листках в других товарных парках. Диспетчеры передают эти цифры дальше бесстрастными, будничными голосами, а электроника, ведущая учет каждой тонны, с того самого, памятного для семьи Рудольфов, 1964 года, определит час и минуту, когда впер-

вые труд добытчиков станет измеряться десятизначным числом.

Она вышла на площадку и оказалась в коридоре между двумя шеренгами резервуаров. На боковине серебристой башни — похожий на счетчик такси прибор. Эти счетчики вытеснили необходимые раньше операторам лот и рулетку. Теперь уже незачем забираться на двенадцатиметровую высоту. Сделав в своей тетради отметку, она еще немного постояла. Хотелось побыть одной.

И тут сквозь журчание моторов и рокот насосов услышала голоса. Увидела в толпе вихрастую голову и клетчатую рубашку Саши. Она хотела окликнуть его, но он уже сам бежал навстречу, очень похожий на отца в молодости. И такая отчаянная радость была на осунувшемся от бессонных вахт лице, что мать, ожидая его приближения, вся тоже так и засветилась. И пока он подбегал, она успела подумать, что, наверное, сегодняшний день можно считать их общим семейным праздником.

Хроника освоения: год 1980-й. Нефтяники Нижневартовского района задание десятой пятилетки выполнили по верхнему пределу, установленному XXV съездом КПСС.

Василий

В тяжелых болотных сапогах Василий еле поспекает за отцом, ступая по темно-вишневому от брусничника и остовов багульника торфянику. На их пути, как вежи, серебристые металлические конструкции, ограждающие выделенные красной краской устья скважин. Час, другой идут отец и сын от куста к кусту. Железные кусты растут строго по квадратам, между черных, размывающих торф ручьев. Владимир Яковлевич открывает потертую кирзовую сумку, хорошо знакомую сыну. Давным-давно приносил в ней отец казавшийся таким вкусным «промысловый» хлеб, при-

пахивающий нефтью так же, как воздух аганской тайги. Но сейчас Владимир Яковлевич достает из нее не завтрак, старательно упакованный мамой, а небольшую баночку с нитрокраской и кисть. Он подходит к вентилю и аккуратно, стараясь не испачкать брезентовую робу, подновляет изогнутый восьмеркой штурвал. Вася знает, что отец не терпит непорядка ни дома, ни в своем цехе под открытым небом. Рассказывают, что однажды операторов Агана возили к соседям в школу передового опыта. Автобус подъехал к кусту, возле которого ожидал своих коллег хозяин. Рудольф вместе со всеми вышел из автобуса, бросил беглый взгляд на ограждения, развернулся и... снова сел в автобус. Вид облупившихся, с пятнышками ржавчины труб, давно не подновляемых вентилей так расстроил его, что он не мог пересилить себя.

Передовик начинается с аккуратности, с любовного отношения к делу. Это твердое убеждение старшего Рудольфа, которое он внушил и сыновьям. В том числе — и Василию, тому самому, которого привезли в Мегион шестимесячным. Недавно парню стукнуло шестнадцать лет, и по примеру старших он тоже решил податься на промысел.

Закончив окраску, они возвращались. Отец и сын подошли к вагончику, где отдыхали операторы. В уютной, хотя и тесноватой, комнатенке кипит чай, заваренный смородиновым листом. Здесь собрались почти все члены бригады лауреата Государственной премии СССР, кавалера ордена Ленина Рудольфа. Многих Василий не знает — новички. Вася смотрит на совсем молодого паренька Владимира Шульженко, для которого эта вахта одна из первых, и откровенно завидует ему. Его самого отец пока взял на промысел только на экскурсию, в ответ на его просьбы ответил категорично:

— Будет аттестат — тогда милости просим! А пока учись.

Подошла вахтовая машина, и отец отправил Василия домой, передав ему свою кирзовую сумку.

— Меня пусть не ждут,— наказал сыну.— Дел еще много!

Вася уже знал, что в таких случаях торопить отца бесполезно: может, где приключилась авария и он поспешит на выручку соседям, а может, просто будет экзаменовывать новичков.

Василий возвращался домой в кузове крытого брезентом «Урала» вместе с промысловиками в выцветших от частых стирок спецовках. Бордовые, лимонные и рдяные листья летели на бетонку. Вот и знакомая развилка, где разбегаются дороги на Мегион, Нижневартовск, Самотлор, Аганское и Покачевское месторождения. Какая из них станет его рабочей дорогой?

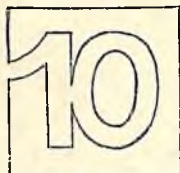
Едва взглянув на сумку, которую привез Вася, мама все поняла и пошла на кухню. Отец мог приехать очень поздно. А возле Василия стояли Виктор, Володя и Сашка — шустрые и любопытные внуки Христины Адамовны. Они быстро расхватили кусочки хлеба, оказавшиеся в целлофановом пакете, и с аппетитом стали уминать традиционный гостинец.

— Опять за свое,— покачала головой выглядывая из кухни мама,— отец вас привадил, а вы внучат приучаете!

Она вовсе не сердилась. Вот и Василий подрос и вскоре сам будет носить в дом таежные гостинцы. А там — внуков черед.

Сейчас общий стаж рабочей династии Рудольфов на промыслах Нижневартовского района достигает ста лет. Жизнь этой семьи навсегда слилась с таежными просторами и прочно вписалась в хронику освоения Среднего Приобья.

Строительство системы магистральных нефтепроводов

Адрес:
г. Surgut,
Главтюменьтрубопровод-
строй

Ударную стройку представляет

— лауреат Государственной
премии СССР
бригадир сварщиков-монтажников
треста Surgutтрубопроводстрой

Валерий Федорович
Каленов

— Мне, как и многим моим товарищам, рассказывать свою биографию трудно: сбиваешься. На историю трубопроводного строительства в Западной Сибири сбиваешься.

Шаим — Тюмень, первый наш нефтепровод, — это вроде как день рождения. Потом росли, учились — это трассы Усть-Балык — Омск, Самотлор — Тюмень — Альметьевск. Скорости мы набирали там. А когда вышли на «большой диаметр», на трансконтиненталь-

ные трубопроводы, тут мы показали, что времени зря не теряли, что учились в тюменской «школе» хорошо.

Даже год у нас вроде бы стал длиннее. Дней в нем столько же, как и раньше, а успеваем больше. Дело в том, что прежде нас болота долго держали. Иной раз, если зима теплая, да еще и наступит не сразу, мы до января ждем, когда нашу тяжелую технику выдержит зимник. А сейчас — не ждем. Ищем, где участок посуше, повыше, и — вперед.

Раньше все: и газовики, и строители нефтяных магистралей — были в одном главке — ордена Ленина Главсибтрубопроводстрое. Сейчас образован новый главк, специально для строительства нефтяных магистральных нефтепроводов. Так что теперь и славу, и ордена — все придется зарабатывать с самого начала. Ну, я думаю, что это у нас еще впереди.

Елена Каплинская

Неистовый Машков

— Знаете что, не верьте! — говорит Владимир Машков, ходя по конференц-залу гостиницы «Самотлор», выглядывая в окна, но просто так, ничего там не видя, потому что мысль, занимавшая его, слишком волновала. — Вот скажут вам, что у нас комплексная бригада, комплексный подряд, что мы по методу Злобина, — не верьте! Вот выпустили плакат, что наш опыт отмечен на ВДНХ, — все равно не верьте! Ничего этого у нас уже нет!

А на плакате было напечатано зеленым: «Эксперимент в СУ-18 треста Самотлортрубопроводстрой». Зеленая фотография изобра-

жалá момент потолочной сварки, когда труба — наверху, сварщик — под ней, и распахнутые руки Володи делали его похожим на дирижера.

В Нижневартовске возводится крупнейший в стране газоперерабатывающий комплекс. Уже действуют на полную мощность первые газоперерабатывающие заводы. Голубое топливо по мощному газопроводу транспортируется отсюда в промышленные районы страны.

Нитки этого трубопровода строила бригада Владимира Машкова. Эксперимент же состоял в том, что комсомольско-молодежный коллектив имени Николая Островского брал на себя задачу комплексной организации работ всех технологических звеньев на трубе и ставил своей целью сдавать в сутки не менее одного километра законченного трубопровода.

Наверное, трудно найти человека, который оспаривал бы сегодня саму идею бригадного подряда. Трудности заключаются обычно в частностях. И организация комплексной бригады конечной продукции потребовала некоторых усилий.

Инициатива исходила от сварщиков-монтажников бригады Владимира Машкова, и это было вполне естественно. Бригада считалась лучшей во всем главке.

...Представьте себе такое: Самотлор — огромное плоское заболоченное озеро, неглубокое — всего два метра. Прямо по его поверхности насыпные дороги ведут к буровым вышкам, стоящим на искусственных, тоже насыпных, островках. А под водой, по дну, лежат трубопроводные магистрали. По одним из них бежит нефть из скважин, по другим вода закачивается в пласт для поддержания нефтяного давления. Эти водоводы монтировала бригада Машкова. Только закончили, начались испытания — и трубы порвались... Уже был октябрь, в воздухе летали белые мухи, тем-

пература воды — плюс три... Сварщики сами придумали и быстро смонтировали катамаран, установили на нем лебедку и поплыли к месту аварии. Володя Машков натирался спиртом и нырял, чтобы закрепить петлю троса на трубе. Потом подняли ее, заварили пробоину...

Отвага и трудолюбие Машкова и его ребят всегда выручали в трудных случаях на строительстве коммуникаций Самотлора. Однажды взрывники, проводя расчистку, случайно заложили шашку слишком близко от нефтепровода. Труба лопнула. И тут же бригада Машкова снялась со своего объекта и поспешила на помощь.

...Владимир Машков стал лауреатом премии Ленинского комсомола за успехи в работе. Когда телеграмма с этим известием пришла в штаб ударной стройки, оттуда радостно сообщили Машкову:

— Собирайся в Москву! На торжественное вручение.

Машков растерялся:

— Ребята, да как же я полечу? У меня и костюма нет...

Действительно, до сих пор все как-то обходилось без костюма: на трассе у сварщика другие наряды, другие заботы, да и в Нижневартовске Володю ценили не по одежке. Члены штаба с некоторым смущением разглядывали теперь весьма скромный пиджачишко Володи.

Наконец решили обратиться к работникам горбыткомбината за помощью.

В мастерской была собрана необычайная летучка.

— Товарищи! Вы читали в детстве сказки? Насчет платья короля, которое надо было сшить за одну ночь?

— Когда самолет? — спросили бытовики.

— Завтра в пять вечера.

И Машкова облепили ленточками портновских сантиметров.

В половине пятого весь коллектив быткомбината еще пришивал какие-то там пуговицы. Машков сидел на краешке стула, держа на коленях чемоданчик. На улице ждала машина. Позвонили в аэропорт:

— Товарищи, держите самолет! Очень просим — наш лауреат летит! Войдите в положение — не может же он без пуговиц...

ТУ-134 стоял, не задраивая двери, на верхушке трапа стюардесса глядела вдаль... И вот лихо, как в гангстерских фильмах, подкатила машина, и молодой парень в распахнутой куртке, в одной руке — чемоданчик, в другой — пакет с костюмом, взлетел по трапу, обернувшись, блеснул глазами и зубами:

— Ребя...

Стюардесса впихнула его в самолет, хлопнула дверь, и тут же взревели моторы...

Так вот, сварщики-монтажники на трубе — основные работники. Но успех и быстрота строительства нефтепровода зависят не только от них, как бы прекрасно они ни работали. Вместе с ними должны были так же вовремя вырыть траншею экскаваторщики, обмотать трубу рабочие изоляционно-укладочной колонны и не подвести водители плетевозов, доставляющих плети — сваренные отрезки труб. Если они не включались в общий аккорд и не отвечали наравне со сварщиками за сдачу готовой продукции, в бригадном подряде не было смысла.

Вот почему сварщики Машкова выступили с инициативой создания укрупненной комплексной бригады конечной продукции.

В тресте их поддержали. Отдали соответствующий приказ. Но... смежные управления землероев и транспортников не очень спешили закреплять за бригадой имени Островского свою технику

и рабочих. Мало ли, рассуждали они, понадобится что — можно с объекта на объект своих людей перебросить, сманеврировать. Эксперимент — это хорошо, кто спорит, но эксперимент «у них», а у нас — план. «Им» почет, а нам тумак в случае чего.

Помог штаб ЦК ВЛКСМ.

Однажды Машкова и комсорга бригады Сергея Трофимова пригласили туда на заседание. Они вошли и ахнули: за столом сидело все руководство треста: главный инженер, начальники управлений, секретарь парткома. Заседание вел начальник штаба Игорь Корсунский. И именно здесь были легко и просто решены все организационные вопросы, скоординированы действия.

Когда потом счастливый Машков спросил Корсунского, как это все так гладко удалось, Корсунский лишь улыбнулся.

И настали звездные дни бригады Машкова. Коллектив ее вырос до восьмидесяти человек. Бригадиры остальных звеньев доверили общее руководство Машкову, а сами стали помогать ему в качестве заместителей. На общем собрании выбрали совет бригады из одиннадцати человек. А Машков произнес напутственное слово: насчет серьезности в работе, взаимной помощи и доброжелательного отношения друг к другу. Никаких похмелок и прогулов — будем уважать своих товарищей, не подводить коллектив. Положено — делай!

Идея объединения разных звеньев в один коллектив ради общей цели отвечала стремлениям всех рабочих. А у Машкова на руках оказалось немалое хозяйство: два роторных экскаватора, два одноковшовых, шесть трубоукладчиков, четыре бульдозера, изоляционный комбайн.

Нитку сдавали красиво: были сокращены сроки строительства и обошлась она почти в два раза дешевле. Производительность труда в комплексной бригаде оказалась на 36 процентов (!) выше,

чем в целом по управлению. Вот такие результаты принес организационный эксперимент.

А теперь вернемся к зеленому плакату, с которого начался наш рассказ.

— Не верьте, не верьте! — твердил Машков. — Ничего этого теперь нет! — Он вскочил со стула и шагал между телевизором, креслами, столиком с телефоном, оснащавшими конференц-зал нижевартовской гостиницы «Самотлор».

Сейчас бригада Машкова тянула четвертую нитку газопровода от газоперерабатывающего комплекса, и шла эта нитка параллельно той, прошлогодней. Тут и видна была очень наглядно разница: каждый день они сравнивали — а где были в это время в прошлом году? Отставали по темпам, отставали! А причина была не в бригаде. На этот раз не удалось организовать так, чтобы землерои закрепили за бригадой звено экскаваторщиков. Их управление жило своим планом. И пошли неувязки. То не успевают вскрыть траншею, и труба мерзнет, ждет, пока ее уложат. То выроют траншею раньше, чем на участок привезут плети, и отваленная земля промерзнет так, что ею потом траншеи не закроешь. Приходится рыть вторую траншею, чтобы землей из нее завалить трубу... «Это же прямая растрата!» — волнуется, страдает Машков. Он в бессилии подсчитывает государственные рубли, лишнюю работу и испытывает то отчаяние, которое рождается в душе человека, когда ему приходится заниматься бессмысленным и ненужным делом.

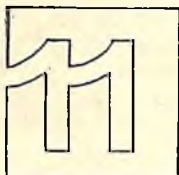
План, конечно, бригада Машкова выполнит. Но вот сравнение, как это будет, а как могло быть, заставляет Машкова волноваться и быть недовольным. Ибо он видит лишь один, главный смысл своей деятельности — государственную пользу. Его терзает то, что служит он ей не в полную свою рабочую силу.

Когда же наконец будет найден надежный административный

ход от управления к управлению? Когда же и их объединит стремление к наивысшей пользе, как объединило оно всех рабочих комплексной бригады Машкова?

Вот только тогда Машков, пожалуй, и признает за собой право на все свои заслуги, на свой орден «Знак Почета», и на золотой знак «Молодой гвардеец пятилетки», и на знак ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть». Только тогда он будет счастлив полностью.

Обустройство нефтяных месторождений Сургутского района

Адрес:
г. Тюмень,
ул. Республики, 59,
Главтюменьнефтегазстрой

Ударную стройку представляет

Герой Социалистического Труда
начальник Сургутского управления
буровых работ № 2

Геннадий Михайлович
Левин

Когда наша бригада в полном составе переехала сюда из города Отрадного Куйбышевской области, в нефтяном Приобье был только один город — Сургут, а Нижневартовск, где мы поселились, представлял из себя небольшой поселочек тысячи на три жителей.

Запомнилась первая скважина. Ее бурили на оторочке Мегонского месторождения. Потом оказалось, что эта новая пло-

щадь — Мыхпайская. Так что нам повезло: сразу открыли новое месторождение. Сейчас оно дает около шести миллионов тонн нефти в год. А первая скважина из двух горизонтов выдала по сто тонн фонтанной нефти. Мы очень удивились таким запасам. Но еще больше удивились тому, что в газете по этому поводу появилась крохотная заметочка об открытии нового месторождения с суточным дебитом первой скважины в сто тонн. У нас на Большой земле открытие месторождения было огромным событием, если дебит составлял хотя бы сорок тонн в сутки.

Шли годы. Наперегонки росли нефтяные города — Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. Уходили ветераны бригады, их эстафету принимала молодежь. Средний возраст нашего коллектива так и не перевалил за тридцать лет. Опыт по-прежнему уживался с горячностью и талантом ребят, приходящих к нам после институтов, техникумов, из армии. В бригаде выросли хорошие мастера своего дела.

История бригады отмечена своеобразными вехами. Раньше всех в Западной Сибири ею пробурен миллион метров. Мы первыми взяли стотысячный рубеж годовой проходки. А сколько рекордов поставили за эти годы, десять лет подряд лидируя во Всесоюзном социалистическом соревновании! Дважды нас в полном составе награждали орденами и медалями.

Потом я переехал в Сургут, стал начальником управления буровых работ.

Я часто думаю: правильно ли сделал тогда, в конце шестидесятых годов, что поддался азарту молодых ребят и вместе со всей бригадой приехал на Север? И каждый раз прихожу к одному выводу: правильно. Дело тут, конечно, не в наградах и почестях. Гораздо важнее чувство удовлетворения, ощущение, что живешь наполненной жизнью.

Последний зимник

Каждое утро к автовокзалу объединения Сургутнефтегаз спешат тысячи людей. Вахтовые автобусы развозят их по месторождениям. В салонах автобусов, в кабинах машин — все больше молодые лица. Естественно: освоение месторождений Сургутского района — всесоюзная ударная комсомольская стройка. Но рядом с юными, еще не обожженными Севером, не закаленными Севером людьми — другие, постарше. Ветераны Севера. Первопроходцы.

..Василий Иванович привычно вскочил на подножку «Урала», задержался на мгновение, окинув взглядом молодых своих шоферов, и сел в кабину. Аккуратно положил за козырек путевой лист с диагональной красной полосой, она означала, что в этот день водитель работает в счет коммунистического субботника, и включил зажигание. Огромная машина, подчиняясь крепким рукам, легко тронулась с места, медленно проехала по территории базы. Через несколько минут Коголым остался позади.

— Вот и все,— подумалось,— последний рейс пятнадцатого зимника. Последнего зимника.

Тяжеловато стало. Да и жена, судя по всему, больше не отпустит на трассу. Всю зиму беспокоилась, в короткие — в несколько часов — наезды домой ворчала:

— На кого стал похож! Проси замену. Сколько можно по зимникам мотаться? В твоём-то возрасте! Пусть помоложе кого найдут. Молодежи-то вон сколько едет в Сургут. Вот и пускай проявят себя.

— Не шуми, мать,— улыбался устало Василий Иванович,—

нельзя бросать на полдороге начатое дело. Молодым-то как без меня? Да и надеялись в управлении. Как я людей подведу? Что ты! Доработаю до весны, недолго осталось, а уж на будущий год...

В конце каждой зимы Кирпичев и сам себе говорил: больше не поеду. И нынче уж точно не поехал бы, да слишком сложно начался год.

В конце 1980-го объединению Сургутнефтегаз передали Повховское месторождение, на котором уже три года пытались обустроиться нижевартовцы. Но то ли из-за большой отдаленности — свыше 600 километров — от базы, то ли из-за других причин, но ни буровики, ни нефтяники не выполняли план.

В Сургуте кадры надежные имелись, но, если не дать им полной загрузки, положения не выправить. Определились сразу: самый трудный участок — завоз грузов на месторождение. Значит, ключи от повховской нефти в руках у транспортников.

— Машин достаточно.— Начальник первого транспортного управления Олег Тимофеевич Ефремов взглянул на секретаря партбюро. Владимир Алексеевич Крохмаль согласно кивнул.

— И водители есть неплохие. Что Федорчук, что Луценко, что Кочетов. Молодые, правда. Опыта северного маловато. Им бы кого-нибудь в батьки, вроде Кирпичева.

— Кирпичева? А сам он что же?

— Еще прошлой весной сказал: все, последний мой зимник растаял...

— Ой ли? А что он в позапрошлый год говорил? Нет, Владимир Алексеевич, для Кирпичева зимник, извини за красные слова, как песня. И песни он не бросит, пока голос есть, пока душа поет. Спроси. Думаю, он и сам ждет, чтоб позвали.

Разговор в самом деле получился короткий. Об одном только

и попросил Кирпичев — чтоб разрешили самому подобрать в бригаду людей.

* * *

Вот и бригада в полном составе, и машины в порядке, а морозы, которые давно сулят синоптики, не спешат сковывать болота и озера. Строительство зимников задерживается. Грузы — на базе в Коголыме. А декабрь непривычно теплый для этих мест. Из хмурых туч то валят снежные хлопья, то неожиданно льет дождь. Не становится зимник...

Только тот, кто работал на Севере, знает, что такое зимник, какова цена каждому его дню, каждому часу!

Василий Иванович нервничает. По десять раз в день смотрит на градусник, надеясь увидеть его коротенький красный столбик возле отметки минус тридцать. А тот упрямо торчит около пятнадцати, а то и вовсе лезет к минус пяти.

Наконец установился мороз. Заводи! Поехали!

От Сургута до Коголыма дорога наезженная: не одну зиму возили по ней грузы на Холмогоры. А в ста километрах за Коголымом — Повховское месторождение. Туда водителям Кирпичева и предстояло вывозить оборудование для нефтяников и буровиков, стройматериалы для нового поселка.

Кирпичев придирчиво наблюдал за погрузкой. Коротко сигнала, уходили в рейс машины. И бригадир старался подбодрить каждого. Кивнул Володе Луценко. Опытный водитель, ни в стужу, ни на изъеденном апрелем зимнике не испугается. Вот покатил, подняв снежную пыль, Николай Федорчук. Тоже не первый год в Сургуте, но в глазах водителя уловил бригадир какое-то беспокойство. Озер боятся ребята. Выдержит ли тонкий ледок много-

тонную машину? Если таким, как Федорчук, не по себе, то что сказать про Сережу Кочетова или Николая Кошелева — у этих первый зимник.

Не ошибся ли, включив их в бригаду? С этими мыслями и катил, замыкая растянущуюся колонну, Кирпичев.

Первые километры трассы. Все нормально. Но через некоторое время началось избитое колесами снежное «корыто». Машину кидало из стороны в сторону, подбрасывало на ухабах. В иных местах приходилось сбавлять скорость до пешеходной. Кирпичев то и дело останавливался, осматривал прицеп: не разболталось ли крепление, целы ли трубы.

У озера нагнал свою колонну.

— Почему стоим?

— Трещины большие, Василий Иванович, провалиться можно.

— Проезжал кто-нибудь?

— Несколько бортовушек полегче проскочило. Лед трещит.

— Страшно.

«Страшно» — это сказал кто-то из молодых. Кирпичев не стал оглядываться. Просто подумал: вот оно — начинается. Пора не словами вперед звать. Самому надо...

Быстро сел в машину, не закрывая дверцы. Затылком почувствовал взгляды товарищей. «Урал» спокойно выехал на заснеженный лед. Не сбавляя скорости, проскочил одну трещину, другую. На середине озера заглушил мотор. Прислушался. Потрескивал лед.

— Давай! — крикнул на берег. — Только без остановок!

Увидел, как шоферы потянулись к машинам. А лед стал трещать громче и чаще. Дальше стоять опасно.

Резко дал газ... На другом берегу подождал ребят.

Переправились все благополучно.

— Ну и дорожка,— заметил Володя Малаев.— В самый раз для Коли Федорчука.

— Почему? — спросил бригадир.

— Так он у нас за романтикой на Север приехал, себя испытать захотел, на что способен. И романтику получит, и лиха нынче нахлебается, чувствую.

Все засмеялись.

— Ладно, хватит отдыхать,— потушив папиросу, серьезно сказал Кирпичев.— Дорога длинная, держитесь друг друга. Если что... сигнальте.

Сто километров до Повховского в тот раз они преодолели за восемь часов.

Февральский план бригаде Кирпичева экономисты управления определили: вывезти 2039 тонн. Вечером Василий Иванович собрал водителей.

— Посоветоваться хочу. Как вы думаете, сможем вывезти больше?

Ребята высказываться не спешили. Наконец кто-то осторожно сказал:

— Дорога неважная.

— А я тут помозговал, получается — тысячи четыре тонн к XXVI съезду партии можем вывезти. Можем? — Внимательный взгляд бригадира чуть испытующе поочередно останавливался на каждом.

— Тяжеловато будет,— заметил Мажаров.— Хотя, с другой стороны, что это за обязательства, если выполнить их легко? Поднатужимся — справимся.

В бригаде молодые водители звали Мажарова замполитом. Он первый помощник Кирпичева. Немногословный, но дело свое знает четко.

— Сам я решил за месяц вывезти 600 тонн. Это мои обязательства,— поставил точку Василий Иванович.

Кто-то изумленно присвистнул: смелая цифра. А если учесть состояние дорог, то даже слишком.

— Словом, мои 600, остальное — ваше. Договорились?

И прихлопнул ладонью по столу. Тонконогий столик в трасовой столовой, где шло собрание, судорожно затрепетал.

— Берем,— согласилась бригада.

Когда все разошлись, Василий Иванович подошел к Кошелеву.

— Ты, парень, трубку замени в моторе.

— А вы откуда знаете?

— Я, брат, все знаю. И сколько ты перевез, и сколько простоял за эти дни.

— Так я ж под разгрузкой стоял.

— Не стоять надо, а требовать, чтоб разгрузили. Некогда нам стоять, февраль начинается.

— Ладно,— Николай, опустив голову, побрел к машине.

Давно заметил бригадир: с прохладцей работает Кошелев. У всех какой-то азарт хороший. А этому неинтересно. Каждую свободную минуту спит. Другой шофер, пока машину нагружают или разгружают, мотор проверит, подрегулирует, где надо. А Кошелев... Неужто не выдержит парень? Неужто обманулся в нем?

...Медленно гасли звезды. Бледнела луна, уходя на запад. Над темным гребешком тайги у горизонта светлело небо, превращаясь из темно-синего в серо-голубое. Рождался новый день. «Урал» Кирпичева, натужно урча, ехал навстречу рассвету.

В первые дни февраля началась оттепель. Лед на озере отошел от берегов. Два автомобиля уже провалились. Зловещими темными пятнами торчат их кузова из-под льда.

Василий Иванович, осторожно въезжая на лед, почувствовал, как качнуло машину. Только не останавливаться! Через несколько метров раздался треск, «Урал» вздрогнул, накренился, уткнулся капотом в черную дыру.

Кирпичев быстро выскочил из кабины. Машина замерла. Понял: глубина небольшая, дальше не провалится. Испугался позднее, когда автомобиль вытащили. Но рейс Кирпичев все-таки продолжил.

Ближе к ночи собралась бригада. Стихийно. Хотя нужды вроде особой не было. Первым заговорил Николай Федорчук:

— Утонем, Василий Иванович. Обождать надо. Пусть подмерзнет. Сейчас ребята из третьего управления подъехали, говорят, еще один «Урал» провалился. Как работать? Ямы по полметра!

— Что значит «утонем»! — нарочито спокойно проговорил бригадир. — А кто трубу возить будет? С чем буровиков оставим? Ведь на нас понадеялись. Нам доверили такое важное дело, а ты — «утонем». Не утонем. Я ведь не утонул.

Помолчали. И вдруг Кирпичев весело сказал:

— Давайте жребий кинем: кому следующим тонуть, чтоб по два раза на одного не приходилось.

Засмеялись. Так и прижилась шутка. Перед рейсом кто-нибудь обязательно спросит — чья сегодня очередь тонуть?

Потом из Сургута пришла техника. Дороги начали чистить от заносов, подсыпать, ровнять. Результаты на Доске показателей резко выросли. Только против фамилии Кошелева стояла скромная цифра.

Кирпичев дождался Кошелева в коголымской столовой.

— Пойдем со мной, — попросил.

Вышли на улицу. Бригадир молча подвел его к доске, где мелом были выведены ровные столбики цифр.

— Полюбуйся на свою работу,— жестко сказал.— Всю бригаду тянешь назад, нас уже трубовозники Коцына обошли. Ребята на тебя надеялись.

— А что я могу поделывать?! Мотор постоянно барахлит. Техника не выдерживает нагрузки.

— Техника пусть не выдерживает, ты — выдержи. А чтобы мотор не подводил, в него чаще заглядывать надо, профилактику делать.

— Свою норму я выполняю. А ваши рекорды мне не нужны. Не могу и не хочу я их ставить, пуп надрывать. Второй месяц недосыпаем, в кабине ноги вытянуть некуда. Утром вместо умывальника — снежок. Ешь на ходу, спишь — тоже. И все: давай, давай! Для чего эта гонка?!

— Для того, чтобы время обогнать. Ты, парень, самого главного не понял. Не ради себя мы здесь, не ради денег. Ради месторождения. Не завезем грузы, пока дороги не рухнули, летом начнутся простои. Сам не маленький, понять должен.

И подумал: не слышит его Николай. Себя только слышит.

А через несколько дней в бригаде стало одним «Уралом» меньше. Ночью уехал Николай в Сургут. Ни с кем не простился. Жалеть о нем не стали. Впрочем, осуждать тоже. Не каждый способен выдержать экстремальные условия зимника. Тем более такого, как этот...

14 февраля бригада Кирпичева рапортовала о выполнении обязательств, взятых в честь XXVI съезда партии. Четыре тысячи тонн доставлено на месторождение через оттепели и морозы, по снегам и озерному льду. Поздравить водителей приехали секретарь партбюро, начальник управления. Собрали шоферов, вручили премии. И здесь же бригада взяла повышенные обязательства — перевезти еще тысячу тонн оборудования до конца месяца. А день-

ги, заработанные в день открытия съезда, перечислить в Фонд мира.

...Пришел и последний рейс. Апрельское солнце почти разрушило снежную трассу. До цели оставалось 15 километров, когда Василий Иванович увидел колонну остановившихся машин.

— Что там опять? — спросил у Фариды Мустафина.

— Мост рухнул, Василий Иванович. Хоть назад возвращайся. Бригадир прошел вперед. Быстро оценил обстановку: нужны бревна, подсыпка.

Чтобы не терять времени, мост решили восстановить сами. Возвращаться назад никто не захотел. Понимали: если сегодня едва проехали, завтра вообще не преодолеть дорогу. Теплые весенние лучи поработают за день так, что зимник рухнет.

Несколько часов ушло на восстановление моста.

— Ну, кто смелый? — крикнул Кривцов.

Кирпичев видел, как Володя Малаев метнулся к автомобилю, опережая других, поехал вперед.

— Куда ты! — замахал ему рукой бригадир, — у тебя же опора тяжелая! Провалится, ей-богу, провалится, — переживал Кирпичев, поняв, что парня уже не остановить. Все притихли, напряженно следя за тем, как прогибаются бревна под колесами многотонной машины.

Малаев проехал, все закричали «ура!».

— Ну, что стоите? — скрывая удовлетворение, сказал бригадир. — Езжайте, спешить надо. Время и так упущено.

В Коголым вернулись поздно. Собрались все, шумно обсуждали последний рейс, подвели итог.

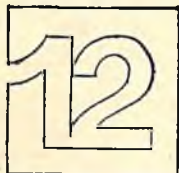
— Молодцы! — сказал растроганно бригадир. — Не подвели. Спасибо вам. Пятнадцатый год отработал я на зимнике. И честно скажу — тяжелее не было. 18 тысяч тонн всемером перевезли,

— Мелькнула у меня однажды мыслишка бросить все и сбегать в Сургут,— признался Коля Федорчук,— да глядя на тебя, бригадир, стыдно стало. Думаю: он работает, и я смогу.

Василий Иванович смотрел на молодых водителей и думал: хорошие ребята, замечательная смена ему, таким, как он. А для него — это точно — последний зимник.

Хотя... кто знает?

Строительство Сургутской ГРЭС

Адрес:
г. Сургут,
трест Запсибэнергострой,
штаб ЦК ВЛКСМ

Ударную стройку представляет

делегат XXVI съезда КПСС
бригадир комсомольско-молодежной
бригады строителей
Сургутской ГРЭС

Вера Ивановна
Панасевич

— Если бы меня попросили рассказать о нашей ГРЭС, единственной в стране электростанции на попутном газе, то я не стала бы рассказывать, а стала показывать.

Привела бы на площадь перед трестом Запсибэнергострой — слева, как атомоход, гудит длиннющий корпус станции, впереди и справа — цехи, склады, краны. И сказала бы: вот здесь я сама собирала бруски и чернику. В ту осень, когда начиналось строи-

тельство, ягод было видимо-невидимо. Правда, на следующий год ягод не было совсем, а была непролазная грязь. Шли дожди. Но ничего. Из грязи мы выбрались, теперь по асфальту ходим, по бетонным дорогам ездим.

А потом я повела бы вас знакомиться с нашим первенцем. Да-да, вот этот небольшой корпус рядом со станцией. Пускорезервная ТЭЦ. С нее все и началось. Мощность у ТЭЦ небольшая, всего 24 тысячи киловатт, но она дала первую электроэнергию нашей станции. И больше десятка лет исправно работает.

Дальше?

Дальше наш первый блок. Самый первый. На этом блоке многие из нас только учились строить такие станции. Мы, отделочники, работали на «головке» котла. Это знаете сколько метров от нуля? Сорок три метра... Котел уже опробовали, температура высокая. Так мои девчонки красили там, наверху, в одних купальниках.

И ниже нулевой отметки мы тоже работали. На минус шесть. В кабельных тоннелях. Я бы и сейчас могла с закрытыми глазами пройти по этим тоннелям.

...Потом был второй блок, третий, пятый... Сейчас их уже тринадцать. И строится ГРЭС-2, еще более мощная.

А мы, наша бригада? Мы строим жилье для энергетиков. Потом — газоперерабатывающий завод. Снова жилье. Административный корпус для нефтяников. И опять жилье, школы, детские сады. Все, что нужно нашему большому городу.

Девчонки из моей бригады (ей уже полтора десятка лет, но не стареет, все обновляется), самые первые, ветераны, можно сказать, стали мамашами. Скоро их дети будут энергостроителями. Но для меня они все равно девчонки. И когда мы в вагончике вдруг начинаем вспоминать о том, что вот этими нашими руками сделано в Сургуте, то мне даже не верится, что столько лет про-

шло. Потому что лица у них молодеют, а в глазах — ответ того самого замечательного в нашей жизни дня, когда мы сдавали первый блок.

Валерий Матвеев

Молодая его надежда

Было это еще на четвертом блоке. Шел он в общем-то нормально. По крайней мере, строители относительно быстро сдали фундамент под турбину, и Александр Максимович Рукавчук со своей бригадой почти вовремя приступил к монтажу турбогенератора.

«Почти вовремя» означало, что на монтаж, до пуска, оставалось еще более четырех месяцев. Это хотя и меньше, чем положено по норме, но все же больше, чем на первых трех машинах Сургутской ГРЭС. Словом, бригада асов-турбинистов, как ее называли на стройке, приступила к делу. И все вроде бы шло как обычно. Но слишком уж много лет Рукавчук и до этого руководил людьми, монтировал агрегаты, чтобы не заметить: асы — пятирядники работают без прежнего пыла. Не чувствуется в них того горения, с которым начинали они стройку. Самым трудным для него было то, что внешне вроде бы все было нормально, придраться, как говорится, не к чему. Вот разве что один из асов ни с того ни с сего прогулял свою смену и как-то потом выхлопотал себе бюллетень. Рукавчук точно знал — человек не был болен. Второй ас провозился над порученной операцией почти целый день, хотя раньше выполнял ее в течение двух-трех часов.

«Что-то неладно,— встревожился бригадир,— не случайна эта хандра».

Объяснилось все неожиданно резко, сразу. Бригада начинала опрессовку статора. При очень низких температурах ее проводить нельзя. Поэтому Рукавчук рассчитывал справиться с опрессовкой как можно быстрее — до наступления холодов. И значит, надо было каждому члену бригады практически делать вдвое больше, чем обычно. Еще на предыдущем блоке это обстоятельство не вызвало бы особенных отрицательных эмоций ни у кого. Ну, посетовали бы на экстремальность северных условий, ругнули бы генерального подрядчика, который затянул с предоставлением фронта работ, потом бы все равно взялись и сделали. Да еще и быстрее, чем рассчитывал он, Рукавчук. На этот раз было иначе. Асы работали с явной прохладцей.

В один из перерывов Александр Максимович собрал свой бывалый народ в бригадном вагончике. Сел за просторный стол. Отодвинул с грохотом костяшки домино, в которое собирались играть монтажники.

— В чем дело, начальник? — поинтересовался кто-то.

— «Козла» забьем чуть позже. Сейчас хочу говорить о деле. Не нравится мне наша работа.

Сидящий рядом с ним монтажник усмехнулся, искоса посмотрел на бригадира.

— Нам тоже кое-что не нравится.

— Например?

— Например, как нам закрыли наряды за прошлый месяц.

Рукавчук предполагал, что разговор мог начаться и с этого деликатного вопроса, поэтому заранее проверил наряды, сравнил с прошлыми месяцами, даже с заработками в прошлом году. Нет, меньше никак не выходило. Поэтому тут же достал свою записную

книжку, раскрыл ее на нужной странице и положил перед соседом. Пальцем ткнул в строчку.

— У меня арифметика как раз не соответствует твоей,— сказал резким голосом.— Тут все в порядке. А вот другая арифметика меня тревожит. Сейчас опрессовку сделать не успеем, наступят холода, потом придется ждать, когда нам тепло в корпус дадут. Сколько времени потеряем! Запорем блок.

— Так и что из того?! Ну, подождем... Может, хватит нам самих себя гнать. Лично я сюда не для этого приехал. С меня сегодня вполне хватит делать просто норму.

Лицо у Рукавчука, смуглое от природы, медленно стало темнеть, в глазах закипела злость. Он уже все понял.

— Значит, еще в прошлом году ты мог себя заставлять делать столько и так, сколько необходимо было для дела... Мало было на книжке... Теперь заработал, и спрос с тебя, значит, уже другой? Кто еще успел заработать?

Тяжелым взглядом обвел старавшихся не смотреть на него асов. В вагончике воцарилось молчание. Трудно и горько было у него на душе в эти минуты. Ведь большинство из людей, сидящих сейчас рядом с ним, еще несколько лет назад начинали монтаж первого блока. Работали порой не только по две смены — от третьей прихватывали. Как они верили тогда друг в друга! Как переживали в метельные декабрьские дни семьдесят второго — пойдет машина или нет. Сейчас же, прав он по отношению к ним или нет, неважно, — но веры у него в этих людей уже не было. Остались обида, разочарование и холодная решимость предпринять что-то отчаянное и неожиданное.

— Значит, так. Кто считает, что он тут свою миссию выполнил, жизненную программу осуществил, может спокойно рассчитывать или, по крайней мере, уходить из бригады. Большинство

из вас первоклассные турбинисты, конечно. Без вас будет совсем плохо. Но держать никого не буду.

Кое-кто ухмыльнулся. Сосед подал голос:

— Обожжешься, Максимыч. Такими, как мы, не бросаются.

— Да, такими, как вы, бросаться не резон. Но вы сюда приехали зарабатывать. И заработали. Теперь успокоились, а мне успокаиваться еще рано. Мне станцию надо строить.

Шумно встал и вышел из вагончика.

Давал ли он себе полностью отчет, когда говорил эти слова, за которыми мог последовать только разрыв со своими вчерашними друзьями, знаменитыми мастерами? Вряд ли. Но слово уже было сказано, и теперь у него выбора не оставалось. С людьми, вызывающими в душе малейшее сомнение, он работать вместе не мог. Слишком много в их кропотливом деле зависит от доверия. Ведь площадка монтажа огромна, и всюду самому не поспеть. Значит, в большинстве случаев людям приходится работать самостоятельно. А тут — какая уж теперь самостоятельность?

Вскоре бригада асов перестала существовать. Кто-то из них уехал в более обжитые края, на другие станции; иные остались в Сургуте, но нашли дело поспокойнее. Случилось так, что бригаду покинули именно самые квалифицированные монтажники. Осталось лишь несколько недавно влившихся в коллектив парней, начинающих.

Руководство управления, естественно, без восторга восприняло и сам конфликт, возникший в одном из важнейших звеньев стройки, и то, чем он разрешился.

— Ты, Максимыч, наверное, все же зря погорячился, — говорил ему начальник управления. — Парни побузили бы с недельку, там, глядишь, и снова бы вошли в норму. А теперь мы точно блок завалим.

— Ага! Вошли бы... до следующего раза. Нет уж... Машину сдам в срок, обещаю. А ты мне разреши людей в бригаду подобрать.

И к всеобщему удивлению, выбрал сплошной молодняк. Выше третьего разряда не было ни у кого.

«Работать по-моему я их научу,— размышлял Александр Максимович,— желанием же приобщиться к настоящему, большому делу бог их не обделил. А это мне как раз и надо».

Никогда так трудно, как на этой четвертой машине, Рукавчуку еще не было. Сутками не уходил он с блока. Молодняк втягивался в заданный ритм работы медленно, с осложнениями, нагрузку, планируемую бригадиром, выдерживал с трудом. Но ребята сменялись, а он работал почти бессменно, с каждым звеном. Старался спланировать свой день (и ночь тоже) так, чтобы успеть побывать на всех монтируемых узлах и агрегатах. И успевал. В эти дни и ночи он словно сжал свое сердце в кулак и не разжимал пальцы до самого декабря, когда наконец машина была уже собрана, а потом и проверена на холостом ходу. Вот тогда только он и разжал пальцы. А сердце заболело. Слишком велико было недавнее напряжение, слишком на большой риск он пошел, когда решился на разрыв с первоклассными мастерами, предпочтя им парней, для которых Сургутская ГРЭС была не просто первой крупной станцией, но и вообще первым шагом в рабочей судьбе. Ребята не подвели. И блок выдержал испытания.

...Он лежал в больничной палате и как-то думал сразу обо всем. О семье, о недавнем пуске, о тех, кто ушел из бригады, о молодых монтажниках... Ваня Попов, Саша Романчук, Федор Югрин, Саша Савинкин, Костя Фестикан... Конечно, все еще может случиться. И кто-то из них не выдержит, уйдет. Работенка у них не из простых и не из легких. Но все-таки как же хочется, чтобы

остались ребята надолго, чтобы уроки требовательности к себе, которые он им преподавал, не пропали даром...

* * *

...Прошло еще несколько лет. Под гулками сводами главного корпуса встали мощной колонной друг за другом двенадцать агрегатов Сургутской ГРЭС. И сердце каждого из них — турбогенератор — заставили жить Александр Максимович Рукавчук и его бригада. Двадцать совсем молодых юношей собрал он в нее. И ни один из них до сегодняшнего дня не захотел расстаться с коллективом. В прошлом начинающие монтажники, они стали первоклассными турбинистами. Оправдался, блестяще оправдался риск бригадира, поверившего когда-то в молодых ребят.

...Я в очередной раз встретился с Александром Максимовичем. Он стоял в центре монтажной площадки турбины. Невысокий, коренастый; лицо угловатое, худощавое, на нем выделялись размашистые густые брови; взгляд глаз несколько хмурый, создающий впечатление неприступности. Но это чисто внешнее впечатление — я уже видел, как с искренней просветленностью может смеяться этот человек, как тактичен и душевен он в разговоре с людьми.

Энергостроители монтировали последний блок второй очереди — тринадцатый по счету. Ни один из них не давался легко, запросто. Но пожалуй, монтаж этой машины потребовал от бригады высочайшего напряжения, всех их знаний, всего приобретенного за последние годы опыта. Запомнился разговор с Рукавчуком во время этой встречи.

— Тяжелее блока не помню. Даже трудности пуска первого агрегата тускнеют перед нынешними. Практически мы должны смонтировать машину менее чем за три месяца. Сравните с оптималь-

ной нормой — полгода. Уж слишком поздно мы получили фундаменты.

На что надеялся Александр Максимович? Я его спросил об этом, а он оглядел стоящих рядом с нами парней, хмуроватое лицо его осветилось улыбкой и сразу подобрело. Положил руку на плечо приземистого, щуплого Кости Фестикана.

— А вот на них и надеюсь.

Сказал спокойно, просто, без рисовки, а главное — в словах его я не почувствовал даже намека на браваду. Это была уверенность.

Строительство Тобольского нефтехимического комбината

Адрес:
г. Тобольск,
ул. Клары Цеткин, 20а,
объединение
Тоболпромстрой,
штаб ЦК ВЛКСМ

**Ударную стройку
представляет**
бригадир отделочников
делегат XXVI съезда КПСС
Валентина Павловна
Галкина

— Тобольск. Древняя столица Сибири. Места, помнящие походы Ермака. Родина композитора Алябьева и великого русского ученого Менделеева. Здесь окончили жизнь многие ссыльные декабристы, и среди них — друг Пушкина Кюхельбекер, Кюхля. Величественный кремль, единственный в Сибири, не один век вышается над городом.

Сегодня многоэтажные современные здания переросли даже

древний Софийский собор в центре кремля. Но не заслонили они, а возвеличили славу города. Тобольск теперь известен стране как одна из важнейших тюменских новостроек. Здесь воздвигается один из крупнейших в СССР нефтеперерабатывающих комплексов.

Знать, что ты ко всему этому причастна, что во всем есть частица твоего труда, твоей жизни — большая радость. Я видела проект нового Тобольска. В нем запланировано строительство зданий в 24 этажа. Но облик будущего города уже сегодня просматривается в микрорайонах комплекса. И почти в каждом здании — труд нашей бригады. Тобольск для меня не просто город, который я строю. Он — моя жизнь, моя судьба.

Юрий Зимин

Доверься нам, Аля!

Бригадир Валентина Галкина, невысокого роста женщина с круглым моложавым лицом, на котором выделяются светлые улыбочивые глаза, уже распределила девчат по рабочим местам и собралась сходить в управление малой механизации поговорить с его руководством насчет новых затирочных машинок, когда в дверной проем заглянула Надежда Степановна, сказала весело:

— Валентина, а к нам гостья...

И тут же в окружении отделочниц вошла и та, кого называли гостьей, Алевтина Ожогина, еще недавно работавшая вместе со всеми в бригаде.

— Здравствуйте, Валентина... Павловна.

— Здравствуй, здравствуй, Аля. Да чего ты ко мне так уж по-казенному, по имени-отчеству?

— Она у нас теперь столичная, в областном центре проживает. Так что и обхождение соответственное...

— Ну, как ты там, в Тюмени, рассказывай,— попросила Валентина.

— Да вот. В институт не удалось поступить. Подалась в техникум на заочное отделение... Работаю чертежницей... А институт, он не уйдет...

— Это ты верно... Ну а личная жизнь как?

— Все в порядке...

Аля помолчала, добавила:

— Что до бригады было — как сон кошмарный, от которого вы меня избавили... Спасибо.

— Ну, что ты,— сказала Валентина.— Среди людей живешь. Им доверять надо...

* * *

Партком, стройком и комитет комсомола управления разместились в одной комнате. Войдя, Валентина заметила совсем юную девочку, которая сидела на краешке стула. Особого внимания на нее не обратила — мало ли кто заходит по комсомольским делам. Спросила просто:

— Зачем приглашали?

— А вот пополнение тебе в бригаду предлагаем.

Теперь Валентина внимательно посмотрела на девочку. Горьковато-презрительные морщинки у губ, какой-то настороженно-вызывающий взгляд на юном лице мешали точно определить возраст, но было ясно — жизнь за плечами этой нахохлившейся пичужки была далеко не безоблачной.

— И откуда она к нам?

— Из ГПТУ.

— Из ГПТУ? Да сколько тебе лет, девонька?

— А сколько есть, все мои, делиться не буду,— дерзко ответила та.

— Ну-ну,— рассмеялась Валентина.— Нам твоих лет не надо. Своих бы отбавила, чтобы еще разок в твоём возрасте побывать...

— Ты, Валентина Павловна, сведи ее пока в бригаду, познакомь с девочками. Спецовку оформи, то да се... Зайди потом. Поговорим подробнее.

Дорогой Валентина спрашивала новенькую:

— Как тебя зовут-то?

— Алевтина.

— А фамилия?

— Ожогина.

— Ну, обо мне тебе уже известно: Галкина Валентина Павловна. Вот и познакомились. Я что-то тебя на практике у нас не видела.

— А я и не была на ней, на практике-то...

— Как же тебя выпустили из ГПТУ?

— А меня не выпустили,— сказала девчонка. И злобно: — Не выпустили, а выгнали. А ты что, из комнаты милиции, что ли, допросы мне учиняешь? Я работать направлена, вот и говори о работе. А то что да как... Навидалась я таких допросчиков.

— Ну что ты взъерошилась? — примирительно сказала Валентина.— Я ведь потому спрашиваю, что нам не один год вместе жить-работать.

— А кто это сроки-то устанавливал? — насмешливо спросила Алевтина.— Свои сроки я сама знаю. В пэтушке вон тоже мне три года определяли. А вышел...

«Ого,— подумала Валентина,— орешек тот еще». Спросила:

— Куришь?

— Бросила.

Валентина помедлила: задавать следующий вопрос или не стоит? Решилась:

— Пьешь?

— Тоже бросила.

— Ну и молодец,— сказала Валентина.— С этим дружить — в радости не жить.

Алевтина насмешливо хмыкнула.

— Ладно,— подытожила разговор бригадир,— поработаем — сдружимся. Понравится — останешься в бригаде. А не понравится — насильно мил не будешь.

Как раз настала пора обеда, и отделочницы собрались в столовую. Тут и подошли Валентина с новенькой.

— Вот, девочки, пополнение нам в бригаду,— сказала Валентина.

Кто-то рассмеялся.

— Тут что-то напутали. У нас ведь комсомольско-молодежная бригада, а не детско-подростковая.

Аля зло посмотрела на шутницу.

— Ну-ну,— сказала Валентина.— Вот ты, Надежда, и возьмешь ее себе в напарницы. Будешь наставницей.

— Напросилась,— шутливо горестно сказала Надежда.— Ладно. Пошли обедать. Там поплотнее и познакомимся. Деньги-то на обед есть?

— Не заработала еще,— зло ответила Алевтина.

— Не беда, заработаешь. Пошли.

Девчата увели новенькую, а Валентина снова пошла в партком, где и узнала, что девчонку направили в лучшую комсомольско-молодежную бригаду с воспитательными целями. Алевтина в

четырнадцать лет убежала из дома, добралась до Тобольска, здесь — кормиться-то надо, да и дело к зиме, без приюта пропадешь — поступила в ГПТУ, но повела себя так, что через год ее отчислили со справкой, милиция взяла на учет, девчонка, судя по всему, повидала такого, что не каждому взрослому пришлось, словом, если бригада не перевоспитает ее, то пропал для общества человек. Так сказали работники горкома комсомола.

«Придется повозиться,— раздумывала Валентина.— Ну, ничего. Надежда найдет путь-дорожку к ее сердцу. Давно ли сами ну пусть не такими, но чуть похожими были».

* * *

А как не хотелось покидать Усть-Таловку, которой отдали двенадцать лет! Туда Валентину направили после окончания строительного училища, в отделочную бригаду. Было это в шестьдесят втором году. Приехала вместе с Евгением, тоже бывшим пэтушником. Двенадцать лет они строили этот поселок в Восточном Казахстане. Валентина руководила лучшей бригадой отделочников, Евгений — отличной бригадой плотников...

...Уехали.

Начальник пятого специализированного стройуправления треста Тоболжилстрой, просмотрев трудовую книжку Валентины, удовлетворенно улыбнулся:

— В самый раз приехали. Сразу же и принимайте бригаду.

— Я бы хотела сначала в бригаде рядовой отделочницей поработать,— сказала Валентина.— К людям приглядеться, работу узнать.

— Что ж, приглядывайтесь, только недолго. Эта бригада еще ни разу план до сотни процентов не вытягивала. Сами понимаете,

особенно долго ждать нам не резон, надо вести отделочные работы. Из-за них сдача объектов затягивается.

На семью им выделили комнату в общежитии. Оно одиноко стояло на опушке леса. Первый обжитый дом из будущих микрорайонов нефтехимкомплекса. Утром начальник участка сам пошел с Валентиной, представлять ее бригаде. И все было бы гладко, да, знакомя ее с коллективом, оговорился начальник, что новенькая, возможно, в скором времени будет у них бригадиром.

Женщина, которая в то время исполняла обязанности бригадира, оскорбленно посмотрела на начальника участка, но промолчала. А одна из отделочниц, совсем еще молодая, сказала недобро:

— Сотня уже верховодила, переживем и сто первую.

А другая, когда начальник ушел, сказала:

— Ну вот что, новенькая, тут раствор должны подвезти, иди-ка покарауль шланги у насоса.

— А чего их караулить? — удивилась Валентина. — Не утащат.

— Эх ты, а еще сказали: с опытом. Машиной раздавить могут. Да мало ли что — порвет где-нибудь. Ты, коль в рядовых пока, выполняй что говорят.

Валентина спустилась к насосу. Пронзительный ветер — дело было в октябре — насквозь продувал плащишко. Машины с раствором все нет, но Валентина опасалась подняться к отделочникам, чтобы хоть чуток погреться у железной печки; а вдруг, пока она ходит, раствор подвезут. Мимо ходили рабочие из бригады каменщиков. К полудню, когда Валентина уже посинела от холода, один из рабочих, проходя мимо, спросил:

— Ты чего, девка, с утра тут толчешься-приплясываешь?

— Да вот, сказали шланги покараулить. Раствор подвезут, чтобы не порушили.

Тот захохотал, сказал сквозь смех:

— Ну, бабы, ну, язвы! И откуда столько злости к своей же сестре? Да ведь насос-то испорченный, не работает. Раствор, коль привезут, на носилках таскать будете.

И ушел, смеясь и покачивая головой.

Когда Валентина поднималась по лестнице на этаж, где грелась у печки бригада, у нее от обиды дрожали губы: «Ну за что они меня так?»

Перед тем как войти в обогривалку, постояла в коридоре, чтобы успокоиться. Зашла. На нее смотрели насмешливо.

— Самовольная отлучка с места работы,— сказала одна из девчат.— Объявляется выговор.

— Сами караульте свои шланги,— сердито сказала Валентина. Переборолла себя, сказала спокойнее: — А вообще-то чего вы полдня бездельничаете? Цемент есть, вода есть. Сделали бы раствор да швы затирали.

— Передача передового опыта,— с издевкой сказала одна из отделочниц.— Поучимся, девчата?

— Время до конца рабочего дня есть, чего бы и не поучиться,— ответили ей. И Валентине: — Давай, делись передовым опытом...

Но она не стала разговаривать с ними, навела раствор, пошла затирать потолочные швы. А когда незадолго до окончания рабочего дня вернулась в обогривалку, глазам ее представилась такая картина: расстелив на полу паклю, отделочницы спали. Раствор в тот день так и не подвезли.

А через месяц бригадир взяла отпуск без содержания, якобы для того, чтобы навестить родных, уехала и не вернулась. Руководителем бригады назначили Галкину.

— Ну вот что, девчата, такие штучки, как раньше, вы больше

выкидывать не будете,— сказала она в первый же день своего бригадирства.

— А какие штучки мы выкидывали? — невинно спросили у нее.

— Раствор из окна выкидывали, чтобы на работе не задерживаться. Я тут за месяц всякого у вас навиделась. У нас, в Усть-Таловке, такого бы сроду не потерпели.

— И не такое еще увидишь,— пообещали ей.— И катись в свою Таловку, не звали.

Воду мутили в бригаде три подружки, девчонки лет по девятнадцати. Придя на работу, они располагались у печки, покуривали. Иной раз приносили на работу вино. Когда Валентина распределяла задание, с наигранным недоумением переглядывались, спрашивали одна у другой:

— Слышь, Оляка, я что, похожа на лошадь?

— Да нет,— лениво отвечала та,— не похожа. А я?

— Ты тоже нет.— И объясняли Валентине: — От работы кони дохнут, а мы, видишь, люди.

— Я вам прогулы буду ставить,— говорила Валентина.

— А постройком на что? — возражали ей.— Постройком, он рабочий класс защитит. Вовремя пришли на работу, вовремя и уйдем. Так что ты, бригадирша, нам восьмерочки ставь.

— Ладно,— сказала Валентина,— если вам восьмерки нужны, буду ставить.

— Вот так и договоримся,— ухмыльнулись подружки.

Работали они час-два в смену и насмешливо наблюдали, как бригадир дотошно замеряет заштукатуренные участки стен. Замеряй не замеряй, а выработка-то общая, оплата по разрядам.

Тактика бригадира стала ясной, когда подошла зарплата. Подружки получили намного меньше других. Кричали на Валентину и грязно ругались.

— Оплата по труду,— отвечала бригадир.— Если кто-то из своих заработанных денег уделит вам — пожалуйста. А содержать вас за счет бригады не буду.

Тройка уволилась.

С каждым месяцем процент выполнения плана рос. Но прошло еще полгода, прежде чем бригада выполнила месячное задание. Сообщила об этом Валентина утром, перед рабочим днем, и девчата даже как-то удивленно переглянулись.

— Наконец-то,— сказала Анна Белозерова.

— Ура! — тонко выкрикнул кто-то.

— Да неужели и мы стали работать как люди,— сказала Анна Белозерова.— Хорошо работать стали.

— А вот о хорошей работе как раз разговор и будет,— сказала Галкина.— Пока мы план выполнили, а до хорошей работы еще не дотянули.

— Мудришь что-то,— сказали девчата.

— Качество неважное,— ответила Валентина.— Давайте решим так: сделал брак, переделывай после работы.

— Ну, это ты уже перехватила,— говорили девчата, но как-то неуверенно.

Что и говорить, трудно давалось становление бригады. Закапывали Валентине скандалы, когда заставляла переделывать некачественную работу, когда требовала остаться после смены, чтобы полностью израсходовать завезенный раствор. Сегодня отделочницы даже как-то удивленно смотрят в тот, семьдесят пятый год: неужели это были мы?

— А вспомни-ка, Аня, как ты меня заставила шланги караулить,— говорит Галкина иногда, профоргу бригады Белозеровой.

— Да ну, чего там,— смущается Анна,— нашла что вспомнить. Все дурами были... Не верили ни в себя, ни в какую организацию.

В том же семьдесят пятом году, когда впервые справились с месячным заданием, предложила Валентина соревноваться за звание коллектива коммунистического труда. И тем, у кого не было среднего образования, пришлось идти в вечернюю школу. И сегодня оно у каждого из бригады. Есть даже своя студентка-заочница, Зоя Полушкина.

* * *

Новенькая хоть и с трудом, а приживалась в коллективе. Стала как-то светлее, добрее, исчезли озлобленность, грубость, циничность. Правда, ее наставница Надежда Степанова в первое время не раз подходила к Валентине, сердито говорила:

— Все, с меня хватит. Убери Альку, пожалей мои нервы.

— Может, мне, Аля, самой тебе задание давать, будешь работать самостоятельно? — спрашивала Валентина у девушки.

— Не надо, — угрюмо отвечала та, — у меня воспитатель есть, тобой же приставленный.

Валентина замечала, что плохое настроение у Алевтины обычно было с утра, на работу она приходила какая-то взвинченная, злая. К концу дня как будто успокаивалась. А на другой день все повторялось.

«Что-то у нее с личной жизнью не в порядке, — решила Валентина. — Надо посмотреть, как у нее дома обстановка».

Сходила. Потом делилась с мужем:

— Знаешь, я, когда узнала, что у Али мать на жительство в Тобольск переехала, порадовалась. Вот, мол, какая женщина, не бросила дочку, простила, что из дома убежала. Приехала, чтобы рядом жить, как-то за своим дитем доглядывать. А оказалось по-иному..

Помолчала.

— Очень уж милосердные наши законы. Материнское право ох как опекают. А бывает, что не матерей — детей надо опекать. И вовремя забирать их от таких родителей. Аля-то не зря сбегала. Такого навидалась в родительском доме, на всю жизнь зарубки в душе будут. Словом, спасти надо девчонку. Теперь уже спасти от родительского присутствия.

Зашли в партком, постройком, поговорили. Выделили Алевтине комнату в квартире с подселением. Но с условием, что в вечерней школе учиться будет.

В бригаде со временем появилась хорошая традиция: в нерабочие дни вместе в кино сходить или просто так собраться — повеселиться, чьи-то именины отметить, культпоход в театр устроить. Словом, это становился не просто спаянный рабочий коллектив, а семья, где заботы каждого близки другим. В этой семейной атмосфере и оттаяло сердце Алевтины.

Бригада уверенно набирала разбег. Появились вымпелы, призы за работу.

Здесь еще что помогло? В Усть-Таловке, откуда приехала Валентина, малой механизации в отделочных работах большое внимание уделяли. Штукатурку вели не вручную, а затирочными машинками. А вот в Тобольске они как-то попервоначально не прививались. Галкина все пороги обила, а настояла, чтобы в бригаду выделили достаточное количество этих машинок. Сама учила девочек с ними работать.

— Давай так, — сказала Анне Белозеровой. — Ты штукатурь стену вручную, я — затирочной машинкой. Потом сравним. А вы, девочки, судьями будьте.

Закипела работа. Анна старается, чтобы доказать: не все новое хорошо, не все старое плохо.

А вышло все-таки, что с помощью машинки и быстрее, и качественнее.

— Ну, у тебя ведь опыт,— сказала Белозерова, смахивая пот со лба.— Ты с этими машинками наловчилась работать.

— Надо всем наловчиться,— сказала Валентина.— Руки хорошо, а техника лучше. Хотя к ней тоже руки приложить надо. Словом, будем учиться внедрять механизацию.

Это ученье потом победой обернулось. В управлении ежегодно проводятся конкурсы мастерства по различным строительным работам. Одно из условий соревнования — применение малой механизации.

Когда стали подводить итоги, вышло, что девочки из бригады Галкиной сделали почти в три раза больше других и с отличным качеством. Сказались уроки бригадира.

* * *

Бригада уже прочно удерживала славу передовой. Это обязывало ко многому. Общественное внимание как бы высветило жизнь каждого члена бригады, заставило строже относиться к себе и другим. На производстве ты передовик. А кто ты в другое, нерабочее время?

А в нерабочее время десять человек из бригады выходят дежурить в народной дружинке. Аля Мурзаханова и Роза Райнбакиева — члены оперативного отряда. Роза Култугильдина и Вера Чурикова выпускают «Комсомольский прожектор». Многие девочки занимаются в художественной самодеятельности. А Вера Корикина — вожатая в седьмом классе подшефной школы № 4. Бригада обменивалась с учениками обязательствами, итоги выполнения подводятся постоянно...

Прошло четыре года, как приехали Галкины в Тобольск, а уже на том месте, куда раньше по грибы ходили, выросли жилые дома, магазины, детсады микрорайона нефтехимкомплекса. Семья получила большую благоустроенную квартиру в девятиэтажном доме. Заканчивал восьмой класс сын Сергей.

— Какую профессию думаешь выбрать? — спрашивала Валентина.

— Не решил еще, — отвечал Сергей.

— Пора решать, жизненная дорога сызмальства выбирается. Может, в строители пойдешь?

— Три строителя на семью — не много ли? — отшучивался Сергей.

— Не много, — отвечал отец. — Человечеству строителей никогда много не будет. А чтобы пораньше узнал, что такое работа строителя, давай-ка после восьмого к нам в бригаду. Среднее образование в вечерней школе получишь.

Сергей, понятно, сначала ни в какую: что я, хуже других, что ли, не война, чтобы в пятнадцать лет на работу идти, нет тех трудностей.

— На молодых-то руках мозоли легче переносятся, — сказала Валентина. — Правильно отец предлагает. С рабочим навыком среди людей всегда в уважении будешь. Да и в учебе поупорней станешь, когда поймешь, какие знания тебе нужны.

Убедили парня, пошел после восьмилетки в плотницкую бригаду. Одиннадцатый класс заканчивал в вечерней школе. И это было сделано по-родительски верно. Сергей теперь прочно стоит на ногах.

— Слушай, что-то опять с нашей Алей творится неладное,— сказала Надежда Степанова Галкиной.— Сторонится нас, какая-то рассеянная. Я пыталась поговорить с ней — отмалчивается. Ходят слухи, что замуж вышла.

— Ладно, попробую я с ней поговорить,— сказала Валентина.

— Ты что-то с бригадой перестала и в театр, и в кино ходить? — спросила и сделала шутливое предположение: — Может, отделаться от нашей семьи решила?

— У меня своя семья есть, второй не надо,— резко ответила Алевтина.

— Значит, это правда, что ты замуж вышла?

— А что, еще и в этом я должна отчет давать? Кажется, уже не маленькая.

— Да нет, но почему скрытно, без свадьбы комсомольской, как у нас заведено? Подарки бы приготовили, у нас ведь, кажется, давно друг от друга тайн нет, все на виду.

— Обойдетесь,— буркнула Аля. А еще через несколько дней она пришла на работу с синяками на лице. Здесь уже Валентина решила все выяснить до конца.

— Что-то в твоей жизни пошло наперекосяк,— сказала она Але,— что-то не так. Ты не скрывай, ты доверься нам, Аля. Знаешь, мы не оставим тебя в беде.

И Алевтина не выдержала, расплакалась. И, всхлипывая, рассказала Валентине все.

С тем, кого зовут ее мужем, она познакомилась случайно, на улице. Он на тринадцать лет ее старше. Как обкрутил, она и сама не понимает. О чем только не пел. Сказал, что работает, но жить пока негде, в общежитии мест нет, предложил пожениться, а жить

пока в той комнатухе, которую занимает Аля. Она согласилась. И на первых порах все вроде было нормально. Но вскоре заметила, что по утрам он не спешит на работу, а вечером, когда возвращалась, был уже дома. И пьяный. И часто не один, в компании с какими-то парнями, которые тоже, видать, себя работой не утруждают. На вопрос Али, что за люди, с кривой усмешкой отвечал: «А это с моей работы корешки. И ты не суй свой нос куда не просят, а то его и потерять недолго». Соседи сказали, что днем, когда Аля на работе, он дома лихие загулы закатывает. Она сказала, чтобы прекратил это, и вот результат — избил. Она боится его. Оказывается, он отбывал срок в колонии, и большой — двенадцать лет.

После работы Валентина пошла вместе с Алей. Познакомилась с «мужем».

— Что, защитницу привела? — спросил он, хищно ослабившись. — Мы таких защитниц через колено кидали...

— Послушай, ты, как тебя там зовут, уезжай-ка отсюда подбру-поздорову, — сказала Валентина. — Мы Алю тебе в обиду не дадим. Добром не оставишь ее — по-худому сделаем, с помощью милиции.

— А иди-ка ты... — выругался тот.

— Пойдем со мной, Аля. Этот тип тебя больше не тронет, — сказала Валентина.

Через короткое время «мужа» забрали: попался на каком-то преступлении. И снова пришлось бригаде проявить много чуткости и такта, чтобы отогреть сердце Алевтины. Постоянно кто-то был рядом с нею. И когда Алевтина закончила одиннадцатый класс, проводили на учебу в Тюмень.

..Их было десять девчат из комсомольско-молодежного отряда имени 25-летия целины. Все из Челябинска. Организовались в отдельную бригаду отделочников. У них было громадное желание отдать силы строящемуся нефтехимкомплексу, были молодые задор и энергия, но не было опыта — ни производственного, ни просто житейского. Показатели в бригаде были не ахти какие. Это задевало их гордость. Но выхода как-то найти не могли. Дело шло к тому, что хоть увольняйся и разъезжайся по домам. Уезжай от стыда, потому что если развалится коллектив из тех, кто приехал по комсомольской путевке,— пятно на весь комсомол. Бригадир этого коллектива Галина Витюнина пришла к Галкиной и прямо заявила:

— Или ты, Валентина Павловна, принимаешь нас всех в свою бригаду, или мы все увольняемся и уезжаем.

— Ну, если так вопрос стоит,— рассмеялась Валентина,— то, ясно, принимаю.

Так бригада сразу увеличилась чуть ли не в полтора раза. За каждой из девчат закрепили по опытной работнице, и дело пошло на лад.

— Было бы старание, а опыт и знания придут,— говорила им Валентина.

Они и пришли, опыт и знания.

...Задание десятой пятилетки бригада Валентины Галкиной выполнила за четыре года, а к открытию XXVI съезда партии дала слово сделать два годовых плана. И сделала. Вот с таким подарком — два годовых плана за год — и поехала Валентина Галкина на съезд партии.

- Я рада, что у тебя все хорошо, Аля.
- Мне так недостает наших девчат, нашей бригады.
- Главное, у тебя впереди чистая дорога. Учеба, работа.
- Это твоя заслуга, Валентина Павловна.
- Не скажи, в твоей судьбе принимала участие вся бригада.
- А что еще у вас нового?

— Приезжал в Тобольск Николай Злобин. Делился опытом работы по бригадному подряду. Пора и нам вводить. Хотя бы элементы подряда. Я тут подошла к главному инженеру, сказала: «Это вы мне должны навязывать бригадный подряд, а приходится самой у вас его выпрашивать». Решили попробовать. Бригада будет комплексной, увеличится до сорока человек. Все будем делать сами: малярку, штукатурку и плиточную облицовку.

Аля скользнула взглядом по привычным словам, выписанным по верху стенки в бытовке. Это девиз бригады: «Мы в пятилетку вносим вклад достойный. Мы боремся за качество всегда! И объявляем каждый день рабочий — рабочим днем ударного труда!» Стихи, на взгляд профессионала, может, и слабоватые, но они отражают суть всей жизни молодых отделочниц.

- Счастливые вы все,— сказала Аля.
- Да, пожалуй,— ответила Валентина.

Мелиорация земель в пойме реки Оби

Адрес:
г. Тюмень,
областное управление
мелиорации

Ударную стройку представляет

заместитель начальника
областного управления мелиорации,
бывший секретарь
Тюменского обкома ВЛКСМ

Владимир Васильевич
Долгошеин

— В истории ударного строительства на тюменской земле уже не один десяток названий. Это стройки вчерашнего дня, бывшие горячие точки, ударные, которые сегодня просто промышленные объекты, работающие нефте- и газопроводы, железные дороги и газосборные пункты... На смену тем, первым ударным, заботами о которых были наполнены мои комсомольские годы, пришли новые стройки.

И только одна из них сохранила свое имя, свое место действия, свою цель — мелиорация земель в пойме реки Оби. Миллионы гектаров потенциально плодородных земель, которые надо переустроить, улучшить, превратить в пашню и луг, в фабрику хлеба и мяса.

Эта задача — ключ к решению всех других задач ударного строительства. Вдвое выросло за годы освоения нефтяных и газовых кладовых население Тюменской области. Выросло, потому что там, где возникали завязи, ростки первых ударных, сегодня стоят большие современные города — Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой... И чтобы кормить население этих городов, ударная стройка — мелиорация земель в пойме Оби должна подготовить уже в ближайшие годы десятки тысяч гектаров новых земель, осушенных, окультуренных. Мелиорация земель в пойме Оби — это тот фундамент, на котором будет основано выполнение продовольственной программы в северной части Тюменской области.

Елена Бабина

Луг у Полярного круга

Однажды на Севере мне сказали:

— А сегодня мы поедем на сенокос.

— Куда? — удивилась я.

— Косить сено, в Вампугольское отделение совхоза «Нижневартовский».

Был жаркий августовский день... Песок, казалось, раскалился... Мы стояли на берегу Оби и ждали катер. Предстояло плыть на остров, который образовался основным течением реки Оби и рукавом ее — Чехломеем...

Остров произвел яркое впечатление по нескольким причинам.

Он был картинно зеленым, с густой травой в человеческий рост. Гудели косилки, и трактора с тележками подвозили траву. Сено, прогретое солнцем, вобрало в себя все запахи лета. И казалось, будто не в Нижневартовске мы находимся, а где-то в средней полосе России. И только профессия косарей — помбурь, бурильщики, механики — напоминали о том, что все-таки это Север. И совсем рядом Самотлор, буровые, нефть...

Тем интереснее для меня после этой поездки был разговор с начальником отдела мелиорации института Тюменьгипроводхоз Геннадием Петровичем Щетинкиным.

* * *

— Геннадий Петрович, если бы вам, главному инженеру проекта схемы мелиорации земель в пойме реки Оби, предложили выступить перед молодыми людьми, которые только-только определяют свой путь в жизни, что бы вы им сказали!

— Предложил бы осуществить нашу схему! Сначала бы я, конечно, сказал: «Жизнь, ребята, течет быстро... И все, что мы делаем и производим, мы делаем для народа».

Я 15 лет работаю в мелиорации. Область уж знаю отлично. Каждый год население области увеличивается на 80 тысяч человек. И ведь взрослое население приезжает. Его, простите за прозу, кормить надо... Так вот, чтобы не думал человек о хлебе насущном, чтобы занимался основным производством, он должен знать — в

любой магазин пойдет, там все приготовлено, продукты питания необходимые и в нужном количестве...

— **А для этого нужна мелиорация!**

— Да. Потому что Север без мелиорации — это не Север.

Я имею в виду сельскохозяйственное развитие этого района. Чтобы он был не только обжитым, уютным, но и сытым... Мы можем построить новые города, можем обеспечить людей интересной работой, создать все-все блага... Но блага ведь начинаются с продуктов питания...

— **Я правильно вас поняла! Перед областью стоит задача обеспечить население продуктами питания собственного производства!**

— Вот именно, собственного производства... Животноводство необходимо обеспечить собственной кормовой базой. Эти задачи стояли перед нами при составлении схемы мелиорации земель в пойме реки Оби. Естественно, сначала мы проанализировали, что дает и что может дать сельское хозяйство области, если будут соблюдены все передовые агрохимические требования, если погода будет идеальная. Выяснилось, что даже при получении хорошего урожая зерна не хватит ни для населения, ни для животноводства. Дефицит, разница покрывается только за счет капитальных вложений, только за счет развития мелиорации.

— **На какой срок рассчитана эта программа!**

— До 2000 года включительно. За эту пятилетку, например, мы должны ввести 15 тысяч гектаров орошаемых земель, 41 тысячу гектаров осушить, на 102 тысячах гектаров выполнить культурно-технические работы. Это в основном в южной части области. Но с каждым годом мы должны уходить все дальше на север. Пойма — это север. В Ханты-Мансийском округе она занимает 1,5 миллиона гектаров. Эти земли, пригодные для сельскохозяйственных работ,

высокопродуктивные, плодородные. Мы подсчитали, Ханты-Мансийская пойма, если ее освоить, может прокормить 900 тысяч голов крупного рогатого скота...

— В это, Геннадий Петрович, как-то не верится. Мы настолько привыкли к тому, что наша область — это болота, болота и болота, непроходимые для самой современной техники, что, слушая вас, ловишь себя на мысли, а не слишком ли это... фантастично! Как совместить: болота и сельское хозяйство, болота и кормовую базу...

— Все правильно, болота непригодны для сельского хозяйства. А вот те влажные места, которые образует пойма, многолетние наслоения ила, торфа, эти плодороднейшие слои, стекающие весной с разливом реки в низины, эти земли использовать, разрабатывать, проводить там культурно-технические работы не только можно — нужно обязательно. У нас уже есть опыт проектирования, опыт строительства первой на Севере польдерной системы в районе Сургута. Площадь — 450 гектаров.

Сравните, на юге мы сенокос начинаем в июне, а на севере — в августе, в сентябре. Потому что характер рек северных — растянутое половодье, затоплено все, и добраться до кормов иначе нельзя. А что такое в сентябре на севере косить сено? Качество-то уже не то...

А мелиораторы его гарантируют. Ограждаем дамбами территорию, и вода уже не поступает... Насосная станция на дамбе регулирует сеть каналов и, соответственно, излишки или нехватку воды. Включаем насосы и... либо воду откачиваем, либо подаем. Сейчас все работы там закончены: дамбы построены, земля распахана, засеяна...

— Вы можете назвать хозяйства, которые уже получают эти гарантированные корма!

— Это подсобные хозяйства нефтяников и энергетиков: совхоз «Сургутский» Главтюменьнефтегаза и совхоз «Юганский» Сургутской ГРЭС.

— Давайте заглянем вперед. Что мы сможем увидеть на Тюменском Севере в 2000 году!

— На Севере мы овощи будем выращивать. Посмотрите, в Сургуте уже есть участок — 50 гектаров, построен по нашему проекту. Город капустой себя полностью снабжает. Не завозим мы туда капусту: на месте прекрасно растет. Световой день удлинен, и тепла хватает.

— Это то, что опробовано и положительно оценено. А будущее мелиорации на Севере, каким вы его видите по картам и схемам!

— Мы планируем иметь 199 тысяч гектаров осушенных земель. Это районы Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска, Уренгоя, Надыма, Салехарда, Игрима. Места, где сосредоточено основное население. Но растут все ближе к Полярному кругу новые города: Ханто, Ноябрьский. Есть уже заявка из объединения Ноябрьскнефтегаз, просят подобрать для города тысячи две гектаров для освоения, чтобы иметь кормовую базу для животноводческих комплексов. То есть в само перспективное планирование вносятся поправки, исправления, изменения. Мы точно знаем, сколько имеем пойменных земель, где можно создать польдерные системы без ущерба для рыбного хозяйства. Мы знаем плодородность этих земель, много экспедиций работало, мы результаты эти обобщили, собрали и сделали карту. Первую в области. Таких карт не было нигде, она только для нашей работы.

— Теперь вы о пойме Оби знаете все!

— Все? Никогда не уверен, что знаю все. Карта пойменных земель есть, образцы почвы есть. Наметили, какая мелиорация

должна быть в этом районе, какая — в том, собрали данные по климату, по гидрологии реки, знаем, что раз в десять лет допускается затопление. Кажется, знаем уже многое, но наверняка не все... Все сюрпризы начинаются после проектирования.

— **Какой вопрос был для вас наиболее трудноразрешим!**

— Строительство. Вся сложность в осуществлении этой программы — небольшие строительные мощности. Что мы имеем сейчас? Передвижную механизированную колонну в Ханты-Мансийске. Она занимается мелиорацией земель в этом округе. Участок в Сургуте — он строит пolderную систему. Мелиоративный участок в Салехарде. И все. Усиливать базу строительной индустрии — это задача первоочередная. Юг нашей области не может прокормить бурно растущий Север. Северные земли надо осваивать. И потому в нашей схеме мы предусматриваем укрепление строительных организаций. Хочется, чтобы в Сургуте действовала передвижная механизированная колонна. И чтобы программу выполняла — не 500 тысяч рублей в год, а три-четыре миллиона рублей. Специалистов бы хороших, техники — и такие дела пойдут!

— **Интересно, что чувствует человек, который сумел неудобие превратить в пашню или в луг! У вас такое было уже!**

— Есть. Чернаковская осушительная система в Вагайском районе. Площадь — две тысячи гектаров. Вы знаете, главный инженер проекта — это первый человек, который приходит на болото, выбирает место (смешно звучит, правда? Болото, оно кругом болото), смотрит, куда надо сбросить воду, какие работы выполнить. Дает изыскателям: топографам, геологам, гидрологам, почвоведом — задание.

Представляете, раньше было — болото направо, болото налево. Ни пройти, ни проехать. Строилась эта система четыре года, я тогда вел авторский надзор по этому проекту. Четыре года позади,

и вот мы едем на это бывшее болото на легковой машине. Проложены дороги, площадь осушена. Ни кустарников, ни кочек нет — техника наша болотная поработала. Теперь все, вплоть до зерновых, можно сеять.

— И чувствует при этом главный инженер проекта...

— Радость. И особенно приятно, если все сделано качественно.

Главный инженер проекта Геннадий Петрович Щетинкин в феврале 1982 года защищал схему мелиорации земель в пойме реки Оби. Обычно такого рода защиты проходят в Москве, на заседании научно-технического совета. На этот раз было несколько иначе. Совет собрался в Тюменском облисполкоме, в заседании принял участие министр мелиорации СССР Н. Ф. Васильев. Решение совета было единодушным — одобрить!

Николай Рыгалов,
начальник штаба ЦК ВЛКСМ
территориально - производст-
венного комплекса по освоению
нефтяных и газовых месторож-
дений Западной Сибири

Если вы хотите спросить

Каждое утро почта приносит в штаб ЦК ВЛКСМ, который расположен на центральной площади Тюмени, внушительную пачку писем. Самые интересные для меня вот эти, в разномастных и разноцветных конвертах. Иные довольно помяты, видно, что человек долго носил письмо в кармане, думал, взвешивал, прежде чем опустил письмо в почтовый ящик. На некоторых конвертах совершенно фантастические адреса. Например, такой: Тюмень, Самотлорское месторождение, начальнику... А ведь от Тюмени до Самотлора еще добрых девятьсот километров, два с половиной часа лета, а если поездом — то целые сутки!

И тем не менее письмо дошло точно. Человек ждет ответа. Я часто пытаюсь представить тех, кто пишет к нам в штаб. Это парни и девушки, которым, наверное, чуть-чуть тесно в привычных рамках сложившегося быта. Они одновременно и романтики, и деловые люди. Желание вдохнуть запахи тайги в них сочетается со стремлением как можно больше успеть, как можно больше сделать собственными руками. Например, построить город. А если не город, так улицу. А если не улицу, так хотя бы дом.

И потому, еще не распечатав конверта, я знаю, какие вопро-

сы ждут меня в этом письме, на что предстоит мне отвечать и что печатать нашему секретарю Марине...

Конечно, я не стану перечислять адреса ударных строек — они уже названы на предыдущих страницах этой книжки. Не стану говорить о красотах Севера, о размахе строительства — об этом тоже довольно убедительно сказано. Я попробую объяснить то, что могло остаться неясным.

Кто нам необходим!

Стройки Тюменского Севера приглашают штукатуров-маляров, бетонщиков, каменщиков, плотников, монтажников стальных и железобетонных конструкций, сантехников, кровельщиков, рабочих других строительных специальностей.

Если вы хотите добывать нефть и газ, если вас влечет геолого-разведка, обратите внимание: рабочие этих предприятий выезжают на Север только по вызову, то есть по согласованию с предприятием. Вы отправляете в адрес предприятия письмо, сообщаете подробные сведения о себе, прикладываете копию трудовой книжки. Когда вызов вами получен — собирайтесь в дорогу.

Подъемные

Приезжающим на новостройку выплачивается пособие в размере месячного оклада (по новому месту работы) и четверти оклада на каждого переезжающего члена семьи. Тем, кто в порядке общественного призыва направляется на работу в районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним, и заключает там срочный трудовой договор, выплачивается единовременное пособие в размере двухмесячного должностного оклада (или та-

рифной ставки) по новому месту работы и половины оклада на каждого члена семьи.

Проезд оплачивается. Если он занимает более суток, оплачивается и мягкий вагон. Оплачивается провоз багажа: 500 кг — на самого работника и 150 кг — на каждого члена семьи. Выплачиваются суточные за время следования к новому месту работы.

Заработная плата, исходя из тарифной ставки по новому месту работы, выплачивается также за дни сбора в дорогу и устройства на новом месте (до 6 дней).

Что такое районный коэффициент!

Решением правительства в районах Крайнего Севера (для Тюменской области это Ямало-Ненецкий автономный округ) и приравненных к ним местностях (Ханты-Мансийский автономный округ) предусмотрены надбавки к заработной плате и установлены поясные коэффициенты на зарплату. В районах новостроек эти поясные коэффициенты составляют 70 процентов, а на строительстве Тобольского нефтехимического комбината — 40 процентов. На эти проценты увеличиваются все виды заработка. Кроме того, в районах Крайнего Севера по истечении первых шести месяцев работы заработок увеличивается на 10 процентов, а затем каждые шесть месяцев — еще на 10 процентов. Когда общая надбавка за проработанное на Севере время достигнет 60 процентов, очередное ее увеличение на 10 процентов производится только через год. Максимальная величина надбавки достигает 80 процентов

В районах, приравненных к Крайнему Северу, 10-процентная надбавка выплачивается лишь по истечении года работы. Максимальная величина надбавок — 50 процентов.

Для работающих на Крайнем Севере и в приравненных местностях предусмотрен дополнительный отпуск (18 и 12 рабочих дней). Разрешается соединение отпусков (не более чем за три года), раз в три года предоставляется льготный отпуск, когда проезд в отпуск и обратно оплачивается предприятием.

Уволенным в запас солдатам, сержантам и старшинам, у которых срок службы проходил на Крайнем Севере и в приравненных местностях, время службы засчитывается в «северный» стаж, если до истечения трех месяцев они приступили к работе в данных районах. Военнослужащим, направленным в порядке общественного призыва, очередной отпуск должен предоставляться по истечении трех месяцев работы в счет отпуска за первый год.

В организациях министерств транспортного строительства, мелиорации и водного хозяйства, энергетики и электрификации, геологии, строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности за разъездной характер работы выплачивается надбавка в размере 30—40 процентов к месячной ставке или должностному окладу. Всем рабочим Министерства транспортного строительства, занятым на сооружении железных дорог, ежегодно выдается бесплатный разовый железнодорожный билет в любой пункт Советского Союза.

Как мы живем!

Палаток у нас нет. Пионерное жилье, там, где освоение, строительство еще только начинается,— это вагончик, по-северному — балок, в котором есть свет, отопление, постель и т. д. Но практически во всех городах и поселках Тюменского Севера есть уже благоустроенные общежития, строится много капитального жилья. Так, в Новом Уренгое жилье строят ленинградцы, в Нижневартов-

ске — москвичи, в Мамонтово и Пытьяхе — магнитогорцы, в Ханто и Ноябрьске — украинские строители, в Коголыме — эстонские. Вся страна строит Тюменский Север, и жилищная проблема, понятная для такого бурно осваиваемого района, постепенно теряет свою остроту. Вот пример: 300 бойцов ударного отряда приехали в Новый Уренгой в 1978 году, и практически все за четыре года были обеспечены квартирами в порядке общей очереди.

Вас интересуют школы, спортивные сооружения, клубы, кино-театры, библиотеки? Перелистайте страницы книги, во многих очерках об этом сказано.

Сложнее пока с детскими учреждениями. Но что поделаешь, если в наших молодых, молодежных городах и поселках рождается столько детей, что за ними пока строители угнаться не могут. Но и эта одна из самых серьезных проблем решается все успешнее.

Наверное, вы, юноши и девушки из обжитых районов, не представляете себе досуг без телевидения? Думаю, что в этом плане вы не почувствуете оторванности, работая у нас на Севере,— телевидение есть практически повсюду: и в Приобье, и в Приполярье, и в Заполярье. Часто в новых поселках в числе первых объектов строится установка «Орбита» или «Экран» для устойчивого телевизионного приема.

Мы учимся

Юноши и девушки, прибывшие по комсомольским путевкам и не имеющие специальности, смогут приобрести ее в учебно-курсовых комбинатах с отрывом от производства, получая стипендию от 76 до 100 рублей в месяц.

Что дальше? Можно учиться заочно в Тюменском индустриальном, где готовят специалистов необходимых развивающемуся

краю профессий, или в инженерно-строительном институте. Эти институты имеют учебно-консультационные пункты по всему Северу. Можно учиться на вечернем отделении Сургутского нефтяного техникума. Перемены несет каждый год. Думаю, что недалек тот день, когда в одном из северных городов — в Нижневартовске или Сургуте — появится собственный вуз.

Фантазировать опасно, потому что действительность в Тюмени опережает любые фантазии.

• • •

И снова почта приносит письма: «Хочу участвовать в одной из величайших строек нашего времени!» Ну что ж, удачи тебе, незнакомый пока товарищ! Хочу, чтоб ты не ошибся и не разочаровался в своем выборе.

Содержание

В. Погребной.		
	Ударная номер один	5
А. Омельчук.		
	Вкус победы	11
А. Швирикас.		
	Газовая Мангазея	21
Р. Гольдберг.		
	Обратный отсчет	34
Н. Астафьева.		
	Белый коридор	51
А. Омельчук.		
	Точка росы	60
В. Орлов, А. Лехмус.		
	Командир отряда	67
В. Бадов.		
	Лечу на трассу	74
В. Строгальщников, С. Жужгин.		
	Юность строит города	86
А. Швирикас.		
	Здесь наш причал	98
Е. Каплинская.		
	Неистовый Машков	115
Е. Логнинова.		
	Последний зимник	124
В. Матвеев.		
	Молодая его надежда	136
Ю. Зинн.		
	Доверься нам, Аля!	144
Е. Бабина.		
	Луг у Полярного круга	162
Н. Рыгалов.		
	Если вы хотите спросить	169

З-53 **Земля молодости: Сборник/Сост. Р. С. Гольдберг.**— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 176 с., 16 с. ил.

40 к. 15 000 экз.

Очерки, репортажи, интервью о всесоюзных ударных комсомольских стройках Тюменской области.

З 1102040000-050
М158(03)-83 42-83

ББК 66.75(2)4

Земля молодости

Редактор **Ю. А. Дорохов**
Художник **В. С. Солдатов**
Художественный редактор **О. И. Журавлева**
Технический редактор **Т. Н. Черепанова**
Корректоры **Е. И. Ерина, Г. Г. Быкова**

ИБ № 1053

Сдано в набор 18.08.82. Подписано в печать 23.03.83. НС 12056. Формат 60×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,2. Усл. кр.-отт. 8,1. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 15 000. Заказ 431. Цена 40 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

40 коп.